

NOFX

Ванна с гепатитом
и другие истории

NOFX
и Джефф
Алюлис

18+

Джефф Люлис

**NOFX: ванна с гепатитом
и другие истории**

«АСТ»

2016

УДК 785(73)
ББК 85.318(3)

Алюлис Д.

NOFX: ванна с гепатитом и другие истории / Д. Алюлис —
«АСТ», 2016

ISBN 978-0-30-682477-7

«NOFX: Ванная с гепатитом и другие истории» является первой откровенной автобиографией одной из самых влиятельных и противоречивых в мире панк-групп. Фанаты, да и любой другой читатель, будут в шоке от историй про убийства, самоубийства, наркоманию, фальшивомонетчиков, массовые беспорядки, бондаж, смертельные заболевания и якудза. Рассказанная от лица каждого из участников группы, книга охватывает более чем тридцать лет комедии, трагедии, и совершенно необъяснимого успеха.

УДК 785(73)
ББК 85.318(3)

ISBN 978-0-30-682477-7

© Алюлис Д., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

1	7
2	12
3	17
4	20
5	22
6	25
7	28
8	30
9	33
10	37
11	41
12	44
13	46
14	49
15	51
16	54
17	55
18	58
19	59
20	63
21	69
22	73
23	82
24	83
25	84
26	86
27	89
28	93
29	96
30	97
31	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

NOFX, Джефф Алюлис

NOFX: ванная с гепатитом и другие истории

NOFX and Jeff Alulis

NOFX: The Hepatitis Bathtub and Other Stories

First published in the United States by Da Capo Press

Печатается с разрешения группы NOFX

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

© 2016 by NOFX

© ООО «Издательство АСТ», 2017

«NOFX и Фэт Майк – одно из самых мощных влияний в моем жанре. Эта книга является обязательной для покупки теми, кто до сих пор бережно хранит то, что осталось от панка и ро-н-ролла».

Джоан Джетт

«Жуть как грубо. И здорово!»

Билли Джо Армстронг, Green Day

«Фэт Майк – в музыке редкость и неподдельная аутентичность. В профессии, где кишат дутые пумстышки, где любят фальсифицировать и недоговаривать, Майк – светило. Он гордо идет под своим фрик-флагом. Мне это очень нравится».

Джейн Уидлин, The Go-Go's

«Не для слабонервных, и поэтому НАСТОЯТЕЛЬНО рекомендую КАЖДОМУ».

Аманда Палмер, Dresden Dolls

«Я могу с уверенностью сказать, что я никогда не читал рок-биографию с такой взвешенностью сенсации и искренности. Хороших биографий групп наперечет, и Ванна с гепатитом – одна из них: в ней достаточно накопленного опыта, чтобы дать читателю возможность глубоко поразмышлять о силе и неотступности, любви и грехе, и духе товарищества, и о том месте в обществе, которое отведено эксцентричным рок-н-ролльщикам, где и по сей день цепляются за косные стандарты. Обязательно к прочтению всеми молодыми и старыми панками, шокирующее чтение для неофитов».

Джон Камерон Митчелл, Hedwig and the Angry Inch

Группа NOFX была образована в 1983 году, с тех пор выпустила более десятка альбомов, продала более восьми миллионов пластинок, гастролировала в 42 странах на шести

континентах, основала один из самых успешных инди-лейблов в мире, а также играла главную роль в своем собственном реалити-шоу.

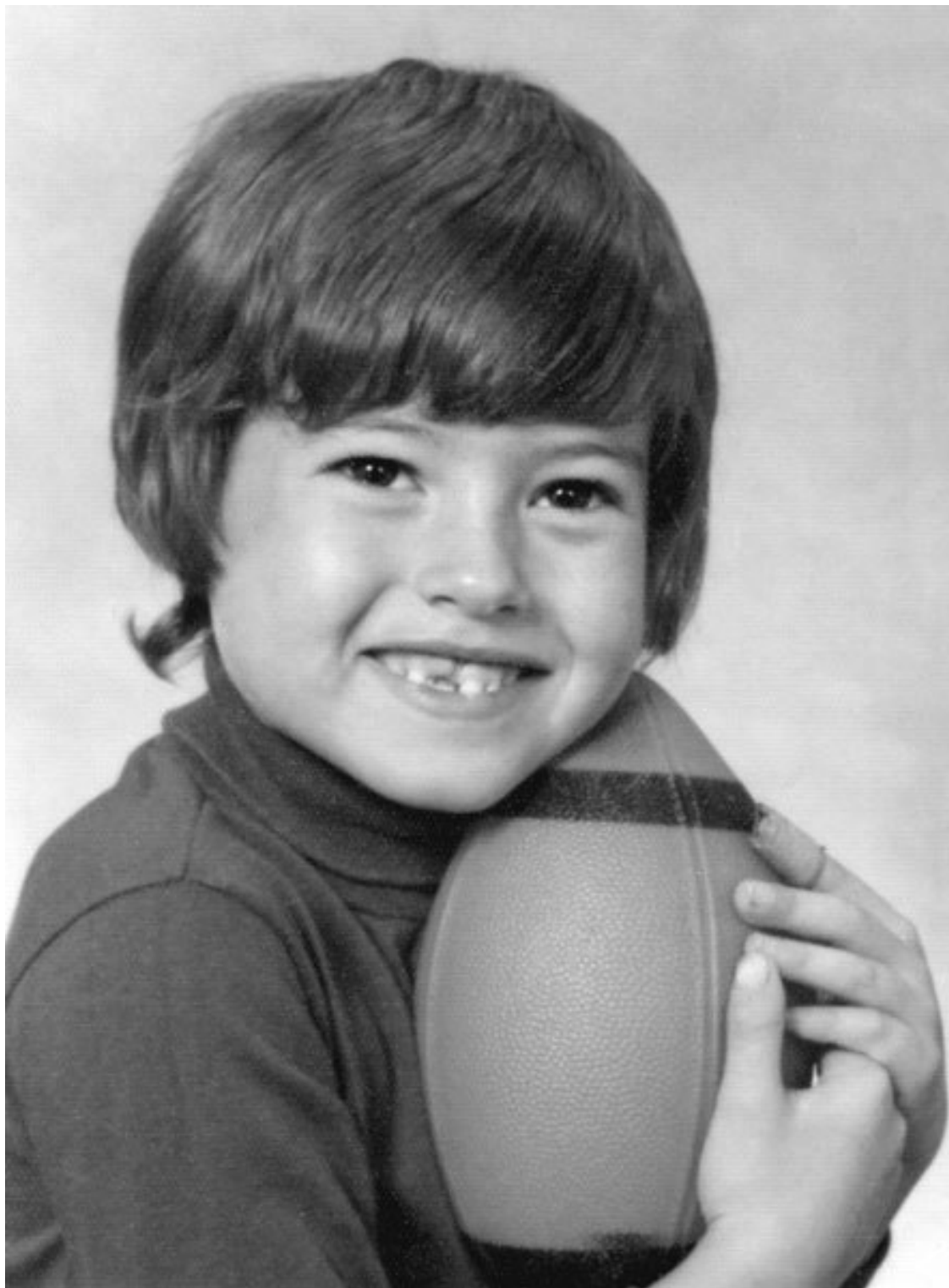
Джефф Алюлис – писатель, режиссер и музыкант, он живет и работает в Лос-Анджелесе.

Эта книга посвящается всем, кто умер на ее страницах:

Нашим бабушкам и дедушкам, Бобу Бакстеру, Джону Матиасу, Джордану Хиллеру, Ричу Роузмусу, Стиву Дженсену, Тиму Йохеннону, Элу Дюсу, Дейву Аллену, Линну Стрейту, Майку Макличоку из Anti-Krieg, Дани МакКарти, Бомберу Манзулло, Джиму Дреду, Бобу Лау, Квэйку, Мисфиту, Карлтоу, Сьюзен, Сьюзи, Биллу Бартеллу, пареньку, которого мы встретили после того концерта D.O.A., Бадди Арнольду, Шэннону Хуне, Майки Уэлиу, Джиму Черри, Брайану из Fulton house, Генри Абейта, маме Хефе, маме Мэлвина, родителям Майка и Тони Слаю.

1

Майк

Впервые я выпил мочу на пожарной лестнице одного из домов с фасадом, выходящим на центр Лос-Анджелеса. В ходе исследования границ личных сексуальных пристрастий

моя (на тот момент) подружка, а в данный момент жена Сома спросила, пробовал ли я когда-либо пить мочу другого человека, и я ответил отрицательно. Это было чем-то, к чему я не прикалывался, но откуда мне было знать, если я этого никогда не пробовал?

Мы тусовались на балконе пожарной лестницы ее двухэтажной квартиры: она сказала, чтобы я снял одежду и лег на решетку пола. Его холодная сталь впивалась в мою обнаженную спину, в то время как она присела на корточки надо мной. Сома стала отливать мне на грудь, двигаясь в сторону рта. Я слышал, как ее «золотой дождь» брызгами разбивался о тротуар внизу. Позже Сома попробовала мою мочу за кулисами во время нашего концерта с No Use For A Name / Никчемность Названия/. До выхода на бис я отправился с Тони Слаем из No Use в туалет нюхнуть кокаина. Мне нужно было поссать, однако в тот момент, когда я нацелился в унитаз, Сома встала на колени и открыла рот. Тони, понаблюдав за тем, как я перенаправляю струю, произнес: «Ребята, вы прямо созданы друг для друга, не правда ли?»

На самом деле моча не такая плохая на вкус: уж точно лучше, чем виски, и (по крайней мере у Сома) она по вкусу напоминает крепкий чай улун.

Однажды Сома заставила меня попробовать мою собственную мочу — она была горькой и ужасной из-за всего того говна, которое я засовывал в себя. В результате нашей сделки Сома оказалась не в самом выгодном для нее положении.

Как и многие из тех странных вещей, которыми мы занимались, это занятие не возбуждало, с традиционной точки зрения. Конечно, элемент доминирования и подчинения был суперкрутым, но пить мочу, в большей степени, было связано с самой сутью панка — заниматься тем, что тебе не дозволено. Во время концертов, пока я допивал свою обычную водку с содовой, а наш барабанный техник Джей замешивал мне новый дринк, Сома перехватывала его, садилась на корточки за моим усилителем и готовила мне свой «фирменный коктейльчик». Жена Эль Хефе как-то увидела ее за этим занятием, отвернулась и перешла на другой край сцены. Я рассказывал, что находилось в моем стакане, и толпе передо мной, и нашим друзьям на сцене, но мне никто не верил... пока они не делали глоток.

Побочный эффект от постоянного раздвигания границ привел к тому, что где-то по дороге сломался мой «Барометр Странностей». После шока от того, что ты пил чью-то мочу, пить ее четвертый или пятый раз уже не является странностью. Тем не менее это продолжает быть диковинкой для большинства не пьющей мочу публики. Поэтому мое видение того, что является «ебнутым», а что приемлемо для обсуждений в разношерстной компании, несколько искажено. Я рассказывал некоторым о том, как я связал одну девочку и подоил ее, на что мне сказали: «Да ты ебнутый!» Мне пришлось поразмышлять, что, может, я перешел черту — либо в моем поведении, либо в выборе историй, которыми я делюсь с окружающими людьми.

Судите сами. NOFX отыграли концерт в Англии, и один из членов нашей команды привел подругу на это представление. У нее только родился ребенок, и мы стали говорить о кормлении грудью, а затем разговор развернулся (всегда есть такая тенденция, если я участвую в нем) в сторону причуд в сексе. Девчонка рассказала мне о своей фантазии: она хочет быть связанной в сарае, и чтобы ее подоили, как корову.

Как мать-одиночка, она так долго была заключена в стенах своего дома, что это казалось ей полным отрывом. Я попросил Джея прихватить немного веревки, технологический скотч и мою «специальную» сумку из автобуса. Я сказал девушке, что, если она хочет пойти на это, мы можем встретиться в нашей раздевалке через пятнадцать минут.

Спустя пятнадцать минут — тютелька в тютельку — раздался стук в дверь гримерки.

Я положил ее на стол лицом вниз и связал по рукам и ногам, как хрюшку. Ее сиськи свисали с края стола, чтобы они выпирали, я обвязал их веревкой. Затем вставил ей кляп и начал доить. До этого я ничего такого не делал, и мне пришлось вынуть затычку, чтобы она объяснила, как нужно правильно сжимать и тянуть. Немного сноровки — и молоко потекло в

пластиковый стаканчик, куда я добавил немного льда и водки. Это был мой первый свежесжатый «Белый русский» из соска.

Сделав пару глотков, я заставил ее выпить чуть-чуть. По вкусу это было отвратительно! Но, насколько вы, наверное, поняли, дело было далеко не во вкусе.

Позже, в гастрольном автобусе я рассказал группе о моем вечере. Я ожидал, что они врубятся в рассказ о Белом Русском Человеческом Удое, но вместо смеха и улыбок я получил косые взгляды и удивленные брови. Парни сказали, что мне, наверное, стоит держать эту историю при себе.

Ну, а вот и мы.

* * *

Мои родители отвели меня на порнофильм, когда мне было четыре года.

Это были ранние 70-е, поэтому порнуху еще крутили в приличных кинотеатрах. Одним солнечным калифорнийским полуднем мы зашли в такой кинотеатр на бульваре Вентура рядом с кегельбаном «Топанга боул». На экране торчал трактор, а потом был половой акт в деревенском стиле, но я, конечно, ничего не понял из-за своей неопытности. Думаю, что мои родители стали чувствовать себя неуютно, и мы ушли как раз в тот момент, когда зрелище стало интереснее.

Больше мы об этом не говорили, и я никогда не узнаю, почему они решили, что это было хорошей идеей. Тем не менее это одно из немногих воспоминаний о моих родителях, когда они были еще женаты.

Мой отец был коммивояжером, торгующим обувью, проводившим в дороге большую часть времени, поэтому вряд ли была какая-либо разница между тем, как часто я его видел – до или после того, как родители разошлись. Он переехал в многоквартирный дом для бездетных жильцов, но я проводил время у него каждые вторые выходные. Он играл в волейбол, пил, курил траву с друзьями рядом с бассейном, а я сидел внутри и смотрел на морские водоросли-гуманоиды в телесериале Night Gallery. Такие были у меня выходные с папой.

Годы спустя, когда мне было уже за тридцать, он сказал, что никогда не хотел, чтобы я к нему приходил. Он много и тяжело работал всю неделю, и ему нужно было время для того, чтобы тусоваться и трахаться. Меня «приглашали» только потому, что моя мать настаивала на том, чтобы он проводил со мной время. Вдруг все встало на свои места: и почему мы никогда не чувствовали ту близость, и почему у меня всегда сохранялась определенная неприязнь к нему, которая так никогда и не рассеялась. Меня никогда не обижали и не били. Меня просто игнорировали. Но могло быть хуже...

Я провел большую часть своего детства в квартире моей мамы в Беверли-Хиллз. В целях соблюдения точности хочу подчеркнуть, что есть Беверли-Хиллз – весь из мегаусадоб и спортивных автомобилей европейских марок, – и есть также Флэтс оф Беверли-Хиллз, район к югу от Бульвара Уилшир, где проживали все те, кто убирал и чистил эти мегаусадобы и парковал спортивные автомобили европейских марок.

Моя мать устроилась маникюршей и перевезла нас во Флэтс с тем, чтобы я попал в хороший школьный округ и имел контакты с представителями верхней прослойки в надежде на то, что уж какие-то уровень и утонченность передадутся мне. Как потом оказалось, преуспевающие родители с другой стороны Уилшира приветствовали возможность для своих детей возвращаться в обществе низшего класса, подсознательно намекая им: «Работай больше, а то закончишь маникюршей!»

Это были симбиотические взаимоотношения, что позволяло существовать удивительному отсутствию дискриминации по классовому признаку. Я никогда не чувствовал себя не на своем месте или чтобы на меня смотрел сверху вниз кто-то из других детей, потому что

барьеров между нашими жизненными зонами не существовало. В какую-то из ночей я мог остаться ночевать у своего кореша, где четверо его родных братьев и сестер могли спать в одной кровати, а на следующий день остаться ночевать в усадьбе, где до этого принимали иранского шаха в качестве гостя. Это было нормой.

У моего друга по имени Эдди Мэчтингер был лифт в отдельном доме. Он ждал, когда придет уборщица, а потом отключал питание всего дома, оставляя тетку в ловушке. Творить такое можно, только если тебя воспитывают в Беверли-Хиллз.

Летом меня отправляли в лагерь за компанию с такими детками, как Джош Бролин, братьями Нэльсонами и их сестрой, Трейси (из шоу Square Pegs), а также парнишкой, который играл Вилли в Little House on the Prairie. Как это ни странно, все это началось в престижном горном ранчо, расположенном в горах Сьерра-Невады. Именно там я столкнулся с панк-роком.

Мои родители непреднамеренно вырастили меня музыкально безграмотным. У них было аж два альбома: Whipped Cream & Other Delights Херба Алперта и саундтрек к Funny Girl Барбары Стрейзанд. Они даже никогда не слушали их. Мне кажется, они у них были только для того, чтобы казаться нормальными, когда к ним приходили друзья. Я даже про «Битлз» услышал только в колледже.

Помню, что первой музыкой, заинтересовавшей меня в пятом классе, был саундтрек к The Rocky Horror Picture Show. Я поймал его по кабельному телевидению, и когда фильм повторно вышел в эфир, я приложил к спикеру телевизора магнитофон и записал все целиком. Я слушал эту запись сотню раз, снова и снова, а также ходил несколько раз на живое выступление в Голливуде (и один раз в Сент-Луисе достаточно случайным образом).

К моим двенадцати годам папаша повторно женился, и у меня появилась новая сводная сестра-милашка. Поэтому, когда я оставался дома у отца, за ней приходил присматривать его семнадцатилетний сосед. Сводная сестра ставила мне Rush, Led Zeppelin и Black Sabbath; она приколотла меня к идее, что можно просто развалиться на диване и слушать музыку просто ради музыки! Она также приготовила мне мой первый настоящий дринк: Kahlúa с молоком. По вкусу – как шоколадное молоко! Вот реальный напиток, чтобы превратить ребенка в алкоголика.

Давайте вернемся обратно к судьбоносному введению в панк.

Итак, место: Маунтен Медоу Рэнч в Сюзанвилле, Калифорния. Время: лето 1981 года.

Каждую неделю в лагере устраивали танцы, и диджей (я позже узнал, что его зовут Джо Эскаланте из группы the Vandals /Вандалы/) крутил обычный дискотечный ширпотреб. Но однажды вечером ему удалось подсунуть «Who Killed Bambi?» Sex Pistols и «Beat on the Brat» Ramones. Я уж не знаю, что такого особенного было в этих песнях, но, возможно, только потому, что они так разительно выделялись на фоне Donna Summer и Bee Gees, по прибытии домой в конце лета я сразу же отправился в пластиночный магазин Rhino Records и спросил продавца: «Вы знаете песню под названием «Бей нахала бейсбольной битой»?» Он усмехнулся и продал мне первый альбом Ramones на кассете. Честно говоря, я действительно любил только три или четыре песни на нем, но их панк по-настоящему вставлял!

Вскоре после этого случая мой друг и лифтовый диверсант Эдди Мэчтингер встретился со мной, чтобы сходить в кино. После того как мы благополучно вышли из предела слышимости моей мамы, он сказал: «Знаешь что? Давай посмотрим, как играет одна группа. Я уже их слышал, они действительно здорово вонзают». Таким образом, вместо того, чтобы сесть в автобус до Вествуда, мы поехали в Голливуд, чтобы увидеть группу Killing Joke /Смертельная Шутка/ в клубе Whisky A Go-Go.

Так как прежде мы никогда не ходили на панк-шоу, ни он, ни я не имели ни малейшего представления, что ожидать. Мы пришли слишком рано и вошли в клуб сразу, как только

открыли двери. Затем поднялись на балкон, заказали в баре картофель фри и колу, расположившись за столиком в дальнем углу.

Что касается первых таких концертов, то скажу, что этот – точно был странным. Группа Kommunity FK разогревали толпу и были ужасны, но мы выстояли в ожидании хедлайнера.

Ничего подобного Killing Joke я ранее никогда не слышал! Они молотили беспощадно и пиздец как громко! Танцпол буквально ходил ходуном! В то время я не догонял, что это значит; СМИ тогда еще не трубили о слэм-танцах на каждом углу (по крайней мере, те средства массовой информации, на которые я тогда обращал внимание). Эдди хотел спуститься в центр столпотворения перед сценой. «Без меня!» – прокричал я. Однако он все равно спустился на танцпол и оказался в самом пиздарезе образовавшегося мош-пита. В ту ночь кореш круто оторвался.

А я тем временем конкретно обосрался. Пока не было Эдди, двое скинхедов встали прямо позади меня. Они затягивались сигаретами и специально медленно выдували дым мне в затылок, пытаясь привести малолетку в ужас. Это, блядь, сработало! Нам по 14 лет. Мы тусуемся в Голливуде после полуночи. И мы окружены стремными чуваками, которые с разгона врезаются друг в друга, как безумцы. Помимо этого мы выделялись в клубе, как белые вороны: я был одет в шорты и розовую рубашку поло «Izod» (думал, что иду в чертово кино!).

Это было реально, страшно реально и совсем некомфортно. Вполне естественно, что, когда Эдди позвонил мне на следующей неделе и сказал: «Там другая группа будет играть, называется Х», я сразу же согласился посетить клуб Whisky еще раз.

Мы объявились в то же самое время, сели за тот же стол, и сделали аналогичный заказ: фри и «Кока-колу». Но на этот раз я надеялся, что впишусь в окружающую обстановку немного лучше, и надел вместо предыдущей голубую рубашку «Izod» и проткнул булавкой маленький логотип аллигатора.

Вот как все это начиналось! Теперь я ходил на концерты все время, скупал все подряд записи в магазине Rhino, а также приобрел значок PiL, чтобы скрывать маленькую лошадку на моих рубашках поло. Не то чтобы я понятия не имел, кто или что такое «PiL», но, будучи тотальным позером-выпендрейником (меня так обзывали много раз), я просто брал навещающую информацию из реплик людей, которых я видел на концертах, и старых панков в моей школе.

Я купил майку Buzzcocks /Оживленно Обсуждаемые Хуи/, но никогда до этого не слушал Buzzcocks. Я купил майку Dead Kennedys /Мертвые Кеннеди/, также никогда не слышав о Dead Kennedys ранее. При этом сама музыка была почти второстепенной. Да, я любил наблюдать за Х на сцене и их зрителями, но в них больше привлекал посыл: отношение к жизни, сумасшествие толпы и насколько опасным все это казалось.

Именно эти важные вещи заставляли меня туда возвращаться, а не PiL! Как раз они были ужасной хуйней.

2 Смэлли

Если проследить мою родословную со стороны мамы, в конечном итоге мы окажемся в Северной Ирландии, в небольшой рыбацкой деревушке под названием Калдафф на рубеже XX века. Легенда гласит, что мой прапрадед владел флотом рыболовных судов и был королем всех придурков города. Англичане (большие выдумщики по части доебывания к ирландцам) решили, что будут забирать часть ирландского рыболовного улова, чтобы кормить верных подданных Королевы. Это оставило город без достаточного количества пищи.

Мой прапрадед перестал зарабатывать деньги, но продолжал платить работникам из своего собственного кармана с тем, чтобы они не голодали. Он делал так, пока полностью не сел на мель. Потом он убил себя.

Два поколения спустя мой дедушка эмигрировал из Ирландии в Канаду, пошел на службу в канадскую армию и, в конечном итоге, во время Второй мировой войны на линкоре направился к французскому портовому городу Дьеп. Этот рейд был экспериментом «союзников» – Объединенных вооруженных сил, чтобы понять, смогут ли они захватить и удерживать крупный, оккупированный нацистами порт перед запуском более крупных военных операций, таких как в Нормандии.

Однако немцев предупредили, а союзники не были к этому достаточно готовы. Мой дед был в первой волне наступательных действий. Ему удалось преодолеть пляж и войти в город, но там его снял снайпер. Пять тысяч канадских солдат штурмовали Дьеп; 3367 из них были убиты или ранены. Мой дед получил 14 огнестрельных ранений, был ранен осколками и, в конечном итоге, пробыл в немецком лагере для военнопленных в течение двух лет.

Но он выжил. Добрался обратно до Канады, был награжден дюжиной медалей и женился на моей бабушке – шотландской иммигрантке, которая выступала в качестве одной из танцовщиц канадской версии Объединенных организаций обслуживания вооруженных сил (службы развлечения солдат). Дед был большим, веселым парнем, который любил выпить и прегромко топтать при ходьбе, как Франкенштейн, из-за своего стального бедра, расхуяренной ноги и из-за полного отсутствия левого колена. Умер он в начале пятидесятих годов, когда его травмы наконец-то напомнили о себе в последний раз.

Это была семья со стороны мамы. Мой папа не говорит много о своей семейной истории, так что его сторона в большей степени покрыта завесой тайны. Отчасти я могу понять почему, основываясь на тех историях, которые я все-таки смог собрать воедино.

Моя сестра как-то слышала историю о том, как отец моего отца отвел моего папу и его брата днем в кинотеатр. Усадив их, он сказал: «Не двигайтесь, я вернусь позже». Он так и не вернулся. Мой папа и его брат были настолько напуганы дурно обращающимся с ними отцом-алкоголиком, что они просидели в креслах в течение нескольких часов. Мой папа даже не хотел покидать свое место, чтобы пойти в туалет. Никто не знает, как долго он сидел там в луже собственной мочи.

Я знаю еще одну историю, исчерпывающую тему моего дедушки: он был забит до смерти в драке, в баре, когда моему папе было десять лет.

Мать моего отца была милой старой леди, которая баловала меня постоянно, она даже как-то отмазала меня, когда я попал в аварию на ее автомобиле (это случилось еще до того, как я получил права). Но она тоже была алкоголиком, да еще и барахольщицей в последние годы ее жизни. Она отправлялась в универсам «Pic 'N' Save» через дорогу от своего дома, чтобы купить сотню таких маленьких зеленых корзиночек для хранения клубники. У нее не было никакой клубники; она просто складывала эти корзиночки в углу. Иногда пожилой человек покупает увеличительное стекло, чтобы легче было читать; моя же бабушка закупила сорок штук таких луп и оставляла их в куче на полу. Ее крошечный дом и даже гараж были переполнены старыми газетами, журналами, безделушками и кусочками мусора, которые она не могла заставить себя выбросить.

В детстве я думал, что это довольно круто, что у моей бабушки были груды хлама, по которому я мог вскарабкаться до потолка. Я не видел ничего плохого в том, что она просит меня замешать ей ром и колу, или в том, что, посещая моих родителей, она всегда выпивала в ту же минуту, как переступала их порог. В конце концов я понял, что ее алкоголизм и накопительство были симптомами более глубоких психических проблем. Когда мой дедушка умер, не думаю, что бабушка тогда была достаточно эмоционально устойчива и материально обеспечена, чтобы собственноручно воспитывать моего папу и его брата.

Недавно я подтрунивал над своим отцом на тему того, что, когда я был ребенком, он так и не купил мне новый мотик и что я должен был собирать свой собственный байк из

запчастей, которые откапывал в мусоре. Он сказал тогда, чтобы я затянул свой пояс потуже, и напомнил, что в детстве у него не было ни одной игрушки до двенадцати лет.

После того как умер его отец, он жил у разных членов семьи, но в конце концов обрел себе пристанище у дяди Джона и тети Флоренс где-то в северной части штата Нью-Йорк. Они были настоящей сладкой парочкой, любили природу и прогулки и бережно относились к моему отцу. У меня остались приятные воспоминания о семейных поездках к ним в гости: дядя Джон рассказывал о жизни растений, тетя Флоренс читала нам Стейнбека, а мой папа по-настоящему расслаблялся в их присутствии.

Но шрамы моего отца уходили глубоко за пределы этих мутных, слабо детализированных, первых лет его жизни без игрушек. Он пережил что-то такое, что навсегда закрыло его эмоционально.

Мои родители встретились на «свидании вслепую» и поженились совсем молодыми, потому что мама забеременела мной уже в семнадцать лет. Они поселились в Ла-Кресента, на окраине пригорода Лос-Анджелеса. Чтобы туда добраться, нужно пилить прямо на север, не доезжая до Национального лесопарка Анджелес. Спустя четыре года после моего рождения мать родила сестру Хеддер, двоюродный брат Терри переехал к нам, иначе он мог попасть в приемную семью¹. Моя мама работала в библиотеке нашей начальной школы, а затем устроилась на работу в качестве школьной секретарши; отец занимался сварочными и сантехническими работами в нашем гараже, а затем открыл свою собственную мастерскую на той же улице.

Мой папа старался изо всех сил, но, к сожалению, в его старания были включены также пьянство и регулярные дозы словесного и психического насилия. Меня никогда не били (кроме случайного подзатыльника за непослушание), но меня также никогда и не обнимали. Я не помню ни одного раза, чтобы отец обнимал меня, когда я был ребенком. Я никогда не слышал «Я люблю тебя» когда-либо. И что бы я ни делал, я делал это неправильно.

«Черт подери, Эрик! Что за хуйня с тобой происходит?»

Сейчас мой папа – совсем другой человек, но отец, с которым я вырос, приводил меня в ужас. Все дети в нашем районе боялись его тоже. Он был 6 футов 4 дюйма ростом, весил 220 фунтов, был всегда сердитым и чаще всего пьяным. Когда он приходил домой с работы, я бежал к шкафу и сидел в нем в темноте, слушая, как он ураганом проходил сквозь дом, выкрикивая изо всей мочи: «Эрик!» Я вслушивался в то, как все больше и больше нарастает его гнев до тех пор, пока у меня не оставалось выбора, кроме как покинуть убежище. В такие моменты он заставлял меня вытаскивать сорняки или колоть дрова, пока не успокаивался.

Я всегда был раздражительным и нервным, потому что никогда не знал, что ожидать. Наорут на меня сейчас или проигнорируют? Быть в игноре – тоже отстой, но, как правило, это было более предпочтительным. Однажды он и его друзья выпивали в нашем гараже (это была по совместительству его сантехническая мастерская). Он позвал меня и, как только я вошел, схватил за пояс и подцепил за трусы краном, который он использовал для кантовки труб. Быстро взлетев в воздух, я долго крутился, как испанская пиньята, под вой его бухих приятелей.

Все, что я хотел, – это быть принятым; но все, что я получал, было принижением моего достоинства. В другой раз он позвал меня, когда он опять пил со своими друзьями в нашей гостиной.

– Иди сюда! Расскажи мне грязную шутку.

¹ Терри был сыном брата моего папы. Когда мой папа видел, как дядя начинает не оправдывать себя в качестве главы семьи, он переключался на Терри. Какими бы ни были недостатки нашей семьи, мой отец был уверен, что Терри лучше быть с нами, нежели затеряться в бюрократии системы. Я всегда восхищался бескорыстием своего отца, открывшего свой дом ребенку, которого спустя годы я считал своим братом.

- Нет уж, я не собираюсь влипнуть в неприятности...
- Ты не влипнешь, все нормально, просто Расскажи мне грязную шутку!
- Нет, я не хочу!

В конце концов он убедил меня, и я рассказал ему свою лучшую остроту четвероклассника:

«У одной тетки было две собаки – одну звали «Вертисиську», а другую – «Смотрина». Однажды тетка мылась в душе, а ее собаки убежали на улицу. Она спохватилась и как выскочит на улицу голой, да как закричит: «Смо-три-на, Вер-ти-сись-ку! Смо-три-на, Вер-ти-сись-ку!»

Друзья моего отца рассмеялись. Мой папа этого не сделал. Схватив меня за загривок и оттащив меня в ванную, в гневе он вымыл мой рот мылом.

Мама всегда была миротворцем. Она была экспертом в том, как «не выносить сор из избы» и делать вид, что все в порядке, таким образом она находила в себе силы, чтобы совладать с алкоголизмом ее собственного отца по мере ее взросления. Она предупреждала меня, что если мой папа пьян или в плохом настроении, то я не должен попадаться ему на глаза. Мама также делала все возможное, чтобы компенсировать отсутствие той эмоциональной поддержки, которую я не получал от отца.

У родителей, конечно, были свои проблемы. Лежа в постели ночью, я слышал, как они кричали друг на друга. Отец сделал всех домочадцев заложником своей враждебности, и это определенно сказалось на моей матери.

Однажды после полудня, когда мне было семь лет, моя мама схватила мою сестру, моего двоюродного брата Терри и меня и загнала в семейный фургон. Она плакала.

- Что случилось, мама?
- Ничего, все в порядке.
- Куда мы едем?
- Я не знаю. Мы просто уедем.

Она была за рулем, и мы ехали и ехали. Всю дорогу она рыдала и всхлипывала. Я до сих пор не знаю, что в ней щелкнуло. Все, что я знаю, – что она, должно быть, чувствовала себя как в ебаной ловушке. Она никогда не жила своей собственной жизнью. Она вышла замуж за моего отца, когда ей было восемнадцать, и вот она в свои двадцать пять: пытается поднять на ноги троих детей, подвергаясь бесконечному эмоциональному насилию со стороны бушующего алкоголика.

Мы припарковались на вершине холма с видом на город. День погружался в ночь, и мы все тихонько сидели на заднем сиденье в то время, как моя мама продолжала завывать. Нас не было по крайней мере четыре или пять часов. Насколько я знаю, в тот момент она была ближе всего к окончательному решению бросить его. Я не помню, как мы возвращались домой, но в конце концов мы приехали обратно. Даже в возрасте семи лет я уже переживал за нее. У матери никогда не было шанса. Мы были в клетке.

* * *

Я не хочу прятать голову в песок, с точки зрения того, как поведение моего отца повлияло на меня, но я не думаю о нем как о злодее. Какой бы ни была борьба среди нас, борьба, происходившая там, у него внутри, была намного сильнее.

Когда мне было десять лет, моя мама подхватила инфекцию, которая требовала срочной операции, и она провела в больнице больше недели. От меня скрывали детали, но я услышал что-то о «размере грейпфрута», а это никогда не бывает чем-то хорошим. Я чувствовал, что она была ближе к финишу, нежели чем мне хотелось бы об этом знать.

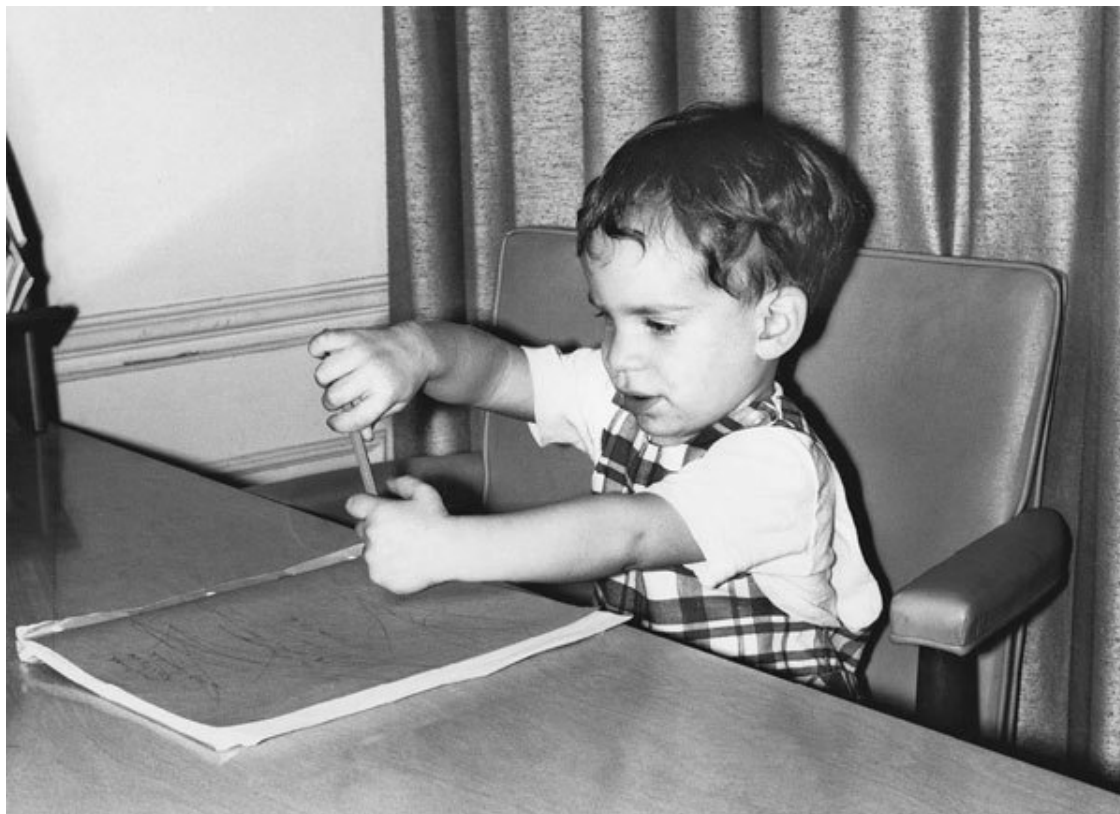
Однажды ночью, когда она была госпитализирована, я проснулся от грохота, доносившегося из кухни. Я открыл дверь своей спальни, и предо мной развернулось такое зрелище: отец выдергивал все наши кастрюли и сковородки из шкафов и швырял их на землю. Он открыл дверцу шкафа, чтобы приготовить себе поздний ужин, и некоторые из кастрюль выпали. Это было последней каплей в его длительном стрессе, связанном с состоянием моей мамы. Он взорвался и в пух и прах разгромил кухню.

После приступа ярости он упал на пол и стал орать. Это был единственный раз, когда я видел, что отец полностью потерял самообладание. Он был совершенно беспомощен без моей мамы, и перспектива воспитания моей сестры и меня для него была значительно страшнее, чем его постоянное угрожающее присутствие рядом со мной для меня. Я стоял в темноте и смотрел, как он плачет.

Позже, в течение многих лет, мы конфликтовали бесчисленное количество раз, но в тот момент, в дверном косяке моей спальни, я видел его тем, кем он действительно был: потерянной и беспокойной душой.

3

Мэлвин

Статистические данные могут утверждать обратное, но Лос-Анджелес казался мне безопасным в начале 70-х годов. Я вырос в жилом комплексе недалеко от пересечения Мелроуз и Ла-Бреа, самостоятельно возвращаясь домой из начальной школы каждый день. На моем пути была итальянская закусочная, и всякий раз, когда шеф-повар видел меня проходящим мимо, он выходил и давал мне булочку, намазанную сливочным маслом. Иногда по дороге я заходил за пончиком в «Уинчеллс» или в любимую кондитерскую и покупал что-нибудь сладкое, а после этого я катался на велосипеде и играл со своими друзьями, пока не зажигались уличные фонари. После я ехал на автобусе до кинотеатра «Китайский театр Граумана», чтобы посмотреть оригинал фильма «Угнать за 60 секунд», и поездка стоила всего лишь 25 центов. Я говорю как дедушка Симпсон: неужели я на самом деле такой старый?

У меня было достаточно друзей, но много времени я проводил в одиночестве. Одна из моих любимых игр заключалась в том, чтобы взобраться на крышу нашего гаража, а затем спускаться с крыши на ветки деревьев, затем – на забор, опять – на крышу, и так – до конца квартала, не касаясь земли. Я переходил дорогу к следующему блоку домов, где меня ждали опять гаражи и заборы, и крыши домов, чтобы пройти эти препятствия, и повторял весь процесс заново, пока я не заканчивал свое движение на апельсиновом дереве. Здесь я награждал себя апельсином и держал путь назад домой, чувствуя себя неуязвимым. С точки зрения десятилетнего ребенка, весь наш городок был в моих руках.

Это было идиллическое детство в семье среднего класса. Мои родители жили в счастливом браке, мы регулярно устраивали семейные каникулы, я играл в Малой бейсбольной

лиге для мальчиков и девочек 8-12 лет и в флаг-футбол (упрощенную версию Американского футбола, где вместо того, чтобы сбить игрока, обороняющаяся команда должна сорвать флажок или ленточку игрока владеющего мячом). Так что для моих близких стало неожиданностью, когда в пятом классе мои оценки резко испортились и я оказался в эмоционально подавленном состоянии. До этого я всегда был хорошим учеником и счастливым ребенком, так что такая смена настроения для окружающих, казалось, была беспочвенной.

После неудачной попытки отгадать эту загадку самостоятельно мои родители начали возить меня в Брентвуд один раз в неделю на часовой прием к терапевту. Я просиживал впустую в его кабинете, в то время как он задавал наводящие вопросы. В основном мне удавалось обходить его старательно расставленные ловушки за счет односложных ответов или бормотаний в духе: «Не знаю». Далее он устроил для меня серию тестов, которые на самом деле казались забавными. От меня требовалось трактовать чернильные пятна, переставлять блоки, чтобы сформировать конкретные фигуры, и в конце концов врач резюмировал, что технически ничего неправильного с моим мозгом не произошло. На самом деле он даже сказал моим родителям, что я – довольно умный ребенок. Через несколько месяцев мои родители прекратили возить меня к терапевту, и в течение последующих двух десятилетий они оставались все так же озадаченными моей внезапной сменой эмоций.

Обращаясь к прошлому, нужно начать с драки в школьном дворе.

Я не дрался – я смотрел, как новичка в школе избивал гораздо более крупный ребенок. Я переживал за этого парнишку. Он был тихим и социально неприспособленным, и совсем не похожим на того, кто хочет неприятностей. Так как это был конец дня, то родители забирали своих детей у школы. Отец новичка проломился сквозь толпу и оттащил хулигана от своего сына. Мы все решили, что драка закончилась, но вдруг папа новичка зажал руки хулигана за его спиной и крикнул сыну: «Бей его!» Сын отступал, но отец настаивал. «Ударь его в отместку! Ударь его прямо сейчас!» Мальчик робко не повиновался, и вскоре тусовка разошлась. Это кажется ужасным пиздецом сейчас – взрослый мужчина держит руки десятилетнего мальчика за его спиной, чтобы отомстить за унижение сына. Но в то время я думал, что это – реально круто! Тогда я хотел иметь такие же отношения с моим собственным папой. Мой отец помогал мне с выполнением домашних заданий, брал в походы с палаткой, и мы вместе склеивали модели ракет. Но отец этого парнишки был похож на реально крутого-чувака-супергероя.

Кроме того, у отца того парня был крутейший серийный автогоночный Trans-Am. Однажды по дороге домой из школы я увидел, как он занимается своей машиной в соседнем переулке. Она была гладкой и черной, с мерцающим золотом логотипом в виде жар-птицы на открытом капоте с подпоркой. Он поприветствовал меня и какое-то время потворствовал моему любопытству в отношении машины, а потом пригласил к себе домой.

До этого момента мое доверие к взрослым срабатывало довольно хорошо. Взрослые давали мне бесплатные булочки, водили на секцию боевых искусств и иногда отвозили меня в Диснейленд. Так что у меня не было никаких оснований думать, что что-то непристойное может произойти в этой квартире. Наверное, поэтому я не сразу выскочил из дверей, когда он сказал: «Ты знаешь, я видел тебя в школе. И я всегда задавался вопросом, как ты выглядишь голым». Это меня немного сбilo с толку, но я так и не понял, что должно было произойти. «Ты хочешь показать мне, как ты выглядишь голым?» – спросил он.

Я неохотно разделся. И вот здесь моя память начинает немного затуманиваться.

Я не думаю, что он сам разделся, и не думаю, что он выебал меня, но похоже, что моя память заблокировала многое из той встречи. Я помню его блуждающие по моему телу руки, помню, как они трогают мои половые органы. Помню, как он спрашивал, чувствую ли я себя хорошо и нравятся ли мне его касания. Я смотрел на дверь и жалел, что меня нет с той стороны. И я помню, как размышлял: «Если я сейчас закричу, кто-нибудь услышит меня?»

Он сказал, что хочет положить свой член мне в рот, но я сказал, что я не хочу, чтобы он делал это. Я сказал, что хочу уйти, но он не позволял мне уйти, пока я не согласился поцеловать его на прощание. Он засунул свой язык мне в рот. Его дыхание смердило бычками сигарет. Поцелуй казался бесконечным, но я терпел и сдерживал свои слезы, надеясь, что он сдержит свое слово. Он потребовал второй поцелуй на лестнице, когда я уходил, и в конце концов отпустил меня.

Я пришел домой и никому ничего не рассказал.

Только когда мне было далеко за тридцать, мама узнала краткую и несколько облагороженную версию этой истории, но я никогда никому до сегодняшнего момента не рассказывал так много деталей. Это был ужасный опыт, но по сравнению с тем, через что проходят многие другие дети, возможно, это все могло бы быть гораздо хуже. По крайней мере, тогда, когда я был маленьким мальчиком, я нашел в себе мужество, когда оно мне было нужно, и я не смолчал. Но храбрость не отменяет того, что этот опыт обременен тяжелой эмоциональной нагрузкой.

Вскоре после этого отец и сын переехали. Может, я не был единственным, кто вошел в эту квартиру. Возможно, один из его других гостей не держал рот на замке, как это делал я.

Я не помню их имен: они появились в середине учебного года и так же ушли, прежде чем занятия прекратились, так что того парнишки нет ни на одной из классных фотографий. Они были призраками. И они терзали меня на протяжении многих лет.

4

Смэлли

Один чрезвычайно позитивный аспект того, что я вырос с отцом, – это его любовь к музыке. Он жмотничал при покупке любого предмета для нашего дома, за исключением стереосистемы. Он начинал утро каждого выходного дня с ударной волны огромных и мощных динамиков, в которых звучали Zeppelin, Cream и Hendrix. Музыка была спасением для моего отца, и она быстро стала тем же и для меня.

Я приходил домой из школы и просматривал его огромную коллекцию пластинок, в которой, кроме рок-н-ролла, было достаточно раннего джаза и блюза. Я надевал наушники, ставил иглу на винил пинкфлойдовского Ummagumma и лежал на полу, погруженный в мир психоделических звуков. Я засыпал в середине дня, прослушивая Tommy группы Who, а ночью отрубался в спальне под Дэвида Боуи, звучавшего из моего маленького радиобудильника.

Когда мне было тринадцать, я листал какой-то журнал и увидел заметку о панк-роке, с фотографией Dead Boys /Мертвые Мальчики/. Все они были странно одетыми, засаленными, склизкими и выглядели... мертвыми. Кожа Читы Хроума была бледной, как у трупа. Это было жутким и гротескным и отличалось от всего, что я видел даже на самых страшных обложках альбомов Led Zeppelin. Еще не имея понятия, как звучала эта группа, я уже был фанатом.

Во время одной из семейных воскресных вылазок на местную толкучку я наткнулся на кассету Young Loud and Snotty Dead Boys и заныкал ее в карман. Я украл мой первый панк-альбом – разве не это настоящее панк-поведение? Дома врубил запись – вот оно! – это было уже на самом первом треке: «Мне никто не нужен / Мне не нужны мама и па-па / Мне не нужно красивое лицо / Мне не нужно человечество».

Пиздец. Как. Круто.

Примерно в то же время парень по имени Ли переехал в мой район. Он был хулиганом и избивал других детей, он имел ту же стремную привлекательность, что и фотографии Dead Boys, так что я подружился с ним. Dead Boys уже направили меня на путь копания в альтернативных формах музыки, но самое глубокое, что я нашел, были Oingo Boingo. Ли познакомил меня с Dead Kennedys, Red Kross /Красный Крест/, the Germs /Микробы/, the Weirdos /Странные/ и радиопередачей Rodney on the Roq. Он сказал мне: «Если у тебя длинные волосы, и ты идешь на панк-шоу, то тебя изобьют за то, что ты хиппи, и состригут твои волосы разбитой бутылкой». Это звучало вполне правдоподобно.

В статье о панке в журнале Penthouse моего дяди утверждалось, что панки занимаются сексом на площадках перед гаражами частных домов и устраивают поножовщину ради удовольствия. На фотографиях были показаны люди с бритыми головами и окровавленными носами, которые врезались в друг друга и дрались на концертах. Я никак не мог этим насытиться!

Медийная истерия о панке была стандартом в то время. Такие ТВ-шоу, как Donahue, подпитывались, повышая свои рейтинги, за счет боязни панка в приличном обществе: «Панки любят резать себя лезвиями и приносят в жертву животных!», «Они сбивают старушек с ног перед продуктовыми магазинами и крадут их пиво!», «Если ваш ребенок начнет слушать эту музыку, он закончит тюрьмой!», «Это насилие и хаос!».

Может, насилие и хаос боялись такие люди, как моя мама, но на меня это производило противоположный эффект. Я хотел, чтобы было насилие и хаос, и бритвенные лезвия, и

общественный секс, и украденное пиво! Я состриг свой хайер, нарисовал логотип группы Germs на ботинках и начал тусоваться со старшеклассниками с ирокезами.

В декабре 1981 года один из моих старших друзей узнал о панк-шоу в Godzilla's (в клубе «У Годзиллы») с участием групп Shattered Faith / Разбитая Вера/ и China White /Китайский Белый/. Я не знаю, слышал ли я какую-либо из этих групп до начала шоу, но мне было все равно – я, блядь, иду! «У Годзиллы» был DIY клубом в Долине, основанным Шоном и Марком Стерном, основателями лейбла BYO Records. Это был дальний поход для толпы из Лос-Анджелеса, но это было всего в десяти минутах от моего дома.

Всю неделю до шоу Ли² то психологически настраивал меня в положительном ключе: «Вечер пятницы! Готовься!»; то оказывал отрицательное психологическое давление: «Ты точно получишь пизды! Тебе, блядь, лучше подготовиться!» Чрезмерное перевозбуждение и страстное желание постепенно дошли до точки кипения.

Наша группа въехала на стоянку вечером перед шоу, и мы налегали на водку с апельсиновым соком за мусорными контейнерами, ожидая начало выступления групп. Мои старшие друзья всегда подтрунивали надо мной за то, что я позер, но теперь я был на реальном панк-шоу, готовый к тому, чтобы меня лишили девственности и чтобы я стал настоящим панкером. Мой желудок очень не по-панковски журчал, меня мутило от страха, и я был уверен, что это было и слышно, и видно. Например, в тот момент, когда я задиристо объявил: «Наконец-то я окружен такими, как я!», и парочка двадцатилетних молодых людей, прогуливавшихся мимо, рассмеялась надо мной.

Я был молодым и бухим в кашу. Я был готов идти внутрь.

На стенах за сценой были граффити и названия музыкальных команд, а в стенах туалета ногами были выбиты дыры. Это было похоже на то, как будто психи, содержащиеся в учреждении «закрытого типа», захватили лечебницу. Я был слишком загашенным, чтобы понимать, кто это на сцене и играют ли вообще они реальные песни, но это был самый здоровский звук, который я когда-либо слышал.

Я спустился к сцене, и какой-то случайный парень схватил меня и швырнул на середину танцпола. Я едва мог ходить, не говоря уже о слэме, и с ходу получил в репу. Мой череп зазвонил: «БОН-НННННН!» Я чувствовал себя как пинбольный шарик, отскакивающий от осатанелых рикошетирующих бамперов. Меня били и толкали со всех сторон. Кто-то схватил меня за майку, и она наполовину разодралась на спине. Это совсем не было похоже на мои репетиции слэм-дансинга, которые я устраивал в своей спальне. Меня жестко отмутили.

Наконец я, ошеломленный и задыхающийся, выбрался из пита, ковыляя, обратно в вестибюль. Я прошел свое испытание огнем. И больше не был позером-выпендрейником. Я был панкером. Мое тело было сплошь в синяках от ударов, мои пальцы болели оттого, что я ударял других. Утром с жуткого похмелья у меня были конкретные разборки с матерью, так как наврал, где я был. Но мне было все равно. Мне не нужно было красивое лицо! Мне не нужно было человечество!

Я заорал изо всех сил:

«LED ZEPPELIN – ИДИ НА ХУЙ!!!»

² Интересная пикантность: Ли трахал лучшую подругу моей мамы, когда он был старшеклассником средней школы. Ему было восемнадцать, а ей сорок. Они до сих пор вместе.

5

Мэлвин

Частичная глухота из-за канонады была профессиональной болезнью во время Первой мировой войны, в особенности если ты тот парень, который присматривает за тягловыми лошадьми, таскающими пушки. Есть какая-то особенная ирония в том, что мой дед Вилли Мучник переехал в Америку, чтобы обрести лучшие возможности по сравнению с теми, что были доступны в Восточной Европе, но был отправлен назад в Восточную Европу в составе американской армии, чтобы получить гражданство США. Закончив службу с навсегда поврежденным слухом, он поселился в Огайо, перевез к себе кучу родственников и, чтобы лучше ассимилироваться, изменил свою фамилию на Мэлвин.

Так как мой дед приехал с Украины, английский был его вторым языком. Он не хотел, чтобы у его сыновей был акцент, поэтому он намеренно не разговаривал с ними очень много. Непреднамеренным результатом было то, что мой папа также научился не говорить много, а общее тихое поведение мужчин семейства Мэлвин в конечном счете передалось и мне.

Моя мама была немногим более многословной, чем мой папа. Ее мать была медсестрой, и я предполагаю, что, наблюдая время от времени за умирающими людьми, она стала болезненной и мрачной, поэтому, в свою очередь, передала определенную долю суровости дочери. Я не утверждаю, что мы были холодной, бесчувственной, молчаливой семьей. Мы просто держали большую часть наших мыслей при себе. Мы умели трансформировать внешние эмоции и переживания во внутренние (как, например, в случае с сексуальным домогательством). Но, возможно, было бы более здоровым, если бы мы все-таки делились этими переживаниями.

Важно, что в детстве меня обнимали, воодушевляли и говорили, что любят. Мне чрезвычайно повезло родиться Мэлвином. Но только в течение последних нескольких лет я научился надлежащим образом выражать это чувство.

Вилли Мэлвин (или дедушка Билл, как я его называл) был владельцем кинотеатра в Кливленде в 50-х, где мой отец работал швейцаром, а моя мама была продавщицей-разносчицей попкорна. Звучит как начало самой симпатичной истории в мире, не так ли? Она почти закончилась, когда мой отец переехал в Калифорнию, чтобы поступить в колледж и изучать инженерное дело, но, к счастью, он убедил мою маму, чтобы она вышла за него замуж. В течение последующих сорока лет он работал над секретными проектами для таких компаний, как Aerospace, McDonnell Douglas, Boeing и Hughes. Возможно, над спутниками, возможно, разрабатывая устройства «конца света», кто знает? Его врожденное молчание было активом его карьеры.

В нашей семье моя мама была художником. Позже она была иллюстратором, маляром и занималась керамикой, а когда я был моложе, она увлекалась пением и играла на гитаре. Мама знала всего несколько песен, но постоянно играла на своей акустической гитаре фирмы Martin для моей сестры и меня; и часто я просто сидел и слушал, как она репетирует. Гитара стала объектом сосредоточения моего внимания в молодости. Несмотря на то что мы были евреями, мы ежегодно праздновали Рождество, но через некоторое время моя мама начала класть наши подарки не под елку, а рядом с ее гитарным чехлом.

Иногда я общаюсь с людьми, которые при обсуждении учебы игре на гитаре теряются, но этот инструмент был настолько знакомым для меня объектом, что казалось неизбежным, что я выберу именно его. Моя мама подружилась с известным фольклорным музыкантом по имени Боб Бакстер и работала бухгалтером в его гитарном магазине и на концертной

площадке в Санта-Монике. Один из инструкторов достаточно быстро научил меня аккордам «Желтой подводной лодки».

Я возненавидел этот процесс. У меня не было силы пальцев, подушечки их еще не загрубели, от струн акустической гитары болели пальцы, и вскоре, выйдя из терпения, я забросил это занятие и не брал в руки гитару в течение многих лет.

Не то чтобы я не любил музыку. Я прослушивал коллекцию моих родителей; это были тихие и спокойные записи 70-х: Кэрол Кинг, Джеймс Тейлор, Элтон Джон. Когда я стал старше, мои друзья прикололи меня к ELO, Queen и Kiss (последняя группа оказалась чуть жестковатой для меня – сказывалось воспитание на фолк-роке). Когда мне было тринадцать или четырнадцать, мои родители записали меня во внеклассную программу при Еврейском общинном центре JCC, и один из наставников познакомил меня с творчеством групп Adam and the Ants и Go-Go's (а также при удобных случаях отводил меня на их концерты в Greek Theatre в Лос-Анджелесе). Я с энтузиазмом ухватился за тренд новой волны в начале 80-х годов, думая, что я слушаю панк-рок. Тем летом я посещал лагерь при JCC, а в конце сезона мы отправились в парк аттракционов Magic Mountain. По этому случаю я нарисовал белую полосу поперек моих глаз, так же как у Адама Анта. Пока мы ждали в очереди одной из горок, какой-то более старший по возрасту и жирный парень насмешливо посмотрел на меня и произнес: «Панк – барахло!» Я смутился и испугался, но почувствовал, что быть аутсайдером – круто.

Когда я вернулся в школу осенью, все мои друзья выглядели и вели себя иначе. Они говорили, что теперь все ходят на так называемые «гиги» – музыкальные тусовки в местечке под названием «У Годзиллы» в Долине. Некоторые из моих друзей побрились наголо. Мой друг Боб Бонхед появился в школе в вывернутых наизнанку штанах, а его волосы были грубо подстрижены в ирокез. Мой друг Дэвид Лустгартен проиграл мне пластинку Group Sex банды Circle Jerks /Круглые Дураки/ и сказал: «Что если ты станешь панком прямо сейчас?» И мы оба рассмеялись над абсурдностью этой идеи.

Group Sex открыл мне глаза на то, чем действительно является панк. Я до сих пор люблю этот альбом. Тактовые размеры, тексты песен и безумная скорость были не просто новаторством, это было тем, что поставило на мне отметину на всю жизнь. Я даже не был уверен, что такая музыка разрешена законом. Я сделал для себя целое открытие, обнаружив весь английский панк. Я был ОГРОМНЫМ поклонником Crass. Если вы хотите порассуждать о другом звуке – Crass были настолько далеки от Элтона Джона, насколько это можно себе представить! Я понятия не имел, о чем они пели примерно в половине случаев, из-за их густо наслоенных отсылов к британской политике, но это все равно было охуенно круто.

Примерно в то же время я подружился с более старшим панком по имени Эд Браун, который имел оттюнингованную тачку Dodge Charger черного матового цвета. Он привозил меня на мои первые концерты, ускоряясь всю дорогу и игнорируя все знаки «стоп». Это удивительно, что мы не разбились насмерть. Несколько лет спустя один из сессионных певцов NOFX умер на одном из таких перекрестков, мимо которого мы в свое время с ветерком мчали, чтобы добраться до моего первого панк-шоу.

Несмотря на мое украинское происхождение, я никогда ранее не был в Украинском культурном центре на Мелроуз и Вермонт, но это – именно то место, где я пережил один из самых важных культурных моментов в своей жизни. Снаружи здание выглядело как средневековый замок, с терракотовой черепицей и драматическими арочными окнами. Внутри помещение было похожим на церковь, с ар-деко колоннами в облицовке стен и с изогнутым потолком. Сцена была обрамлена бархатными шторами, что указывало на то, что в прошлом это был кинодворец.

Священниками, ответственными за мое обращение в веру, были Bad Brains /Плохие Мозги/. Я почти уверен, что это было их первым выступлением в Лос-Анджелесе. Эд не

собирался оставаться на их выступление. Их название было глупым для серьезной группы, поэтому мы решили смотреть только разогревающие группы: Jodie Foster#s Army /Армия Джоди Фостер/, The Lewd /Блудливые/ и Bad Religion /Плохая Религия/, каждая из которых выложилась, и их сеты были достаточно громкими и энергичными, чтобы пинать меня дальше по дороге панк-рока. Во время шоу я натолкнулся на моего друга Бенни, мы схватили друг друга за плечи, закричали друг другу в лицо и потянули друг друга в слэм. Нас провернуло через человеческий блендер, мы получили удары в лицо и пинки по ногам, а затем нас выбросило вон из моша³. Мы были все в синяках. После этого мы прыгнули туда снова.

Эд сказал мне, что мы остаемся на первую песню Bad Brains, просто чтобы чекнуть их. Но любой, кто видел Bad Brains в начале 80-х годов, знает, что, когда они начинали играть свою первую песню, больше никому никуда собираться было не нужно.

Контур фигуры певца Н.Р. смутно угадывался. Он метался по сцене, он брыкался и бросался на пол, а затем стремительно вскакивал. Ему удавалось делать обратное сальто из стойки и перевороты вперед рывком прямо в такт, и все это под звуки самой быстрой, самой удивительной панк-музыки, которую я когда-либо слышал⁴.

Через несколько дней я побрил голову. Это было тем шоу, которое официально сделало меня панк-рокером.

Мои родители ничего не сказали по поводу моих рваных джинсов и отсутствующих волос – мы просто не обсуждали такие вещи, как я уже говорил. Но не все отнеслись к этому настолько благосклонно. На следующий день после того, как я побрил голову, один из моих друзей по школе познакомил меня с большим парнем, со смуглой кожей, квадратной челюстью, напористым взглядом и израильским именем. Он был в составе Лиги защиты евреев, так что я ему сказал:

- Это круто, я тоже еврей.
- По-моему, ты скинхед!
- Я не скинхед.
- Я думаю, что ты врешь.

Он схватил меня за воротник и пригвоздил к стене, почти приподняв в воздух: «Докажи!»

Я открыл рот и выдавил из себя традиционное еврейское благословение вина в форме песни: «Вагiiiiuch ata Adonaiiii...»

Когда я закончил благословение, он ослабил хватку и разгладил мою рубашку: «Хорошо. Моя ошибка».

Может быть, нужно было не париться, а оставить раскраску лица, как у Адама Анта.

³ Мош – популярный агрессивный танец на хардкор-панк концертах.

⁴ Говорят, что Генри Роллинз вышел на сцену к Bad Brains, чтобы завершить вечер пением «Pay to Cum», но в то время я понятия не имел, кто он такой, так что в тот момент не разделял взволнованности всей остальной толпы.

6 Майк

Однажды летней ночью на ранчо Маунтен Медоу кто-то из лагеря украл дома у владельца немного Бакарди, и мы замешали его в наши газированные напитки. Это было впервые, когда я пил с людьми моего возраста. Это были супервеселые времена.

Я вернулся обратно к себе в домик, чтобы сходить в туалет, а в то время, когда я отсутствовал, всех остальных повязали. На следующий день их выгнали.

Это еще раз подтвердило, что мне всегда охуительно везло в жизни. Когда я был ребенком, у меня был настольный футбол с электродвигателем: маленькие пластмассовые игроки хаотично перемещались по доске в произвольном направлении. За кон можно было контролировать только одного игрока с помощью небольшого магнита под доской. У меня есть такое ощущение, что я и есть тот единственный игрок с магнитом. Я не верю в Бога, не верю в судьбу, но не могу избавиться от ощущения, что есть раса людей-кратов, живущих в ядре Земли, которые играют в электрический футбол мирового масштаба, используя огромный магнит, чтобы вести меня в безопасное место сквозь хаос.

Главным доказательством этого является сам факт того, что я выжил на панк-сцене Лос-Анджелеса в начале 80-х без госпитализации или каких-либо серьезных травм.

Южная Калифорния произвела на свет некоторые из лучших образцов музыки и самых известных легенд в истории панка. Она была и до сих пор является самой большой панк-сценой в мире. Но если сцена Лос-Анджелеса 80-х и была известна какой-то одной вещью, то прежде всего это было насилие. Забавно наблюдать, как некоторые из нас идеализируют ту эпоху. Я предполагаю, что это потому, что там было настолько весело и интересно... но только для тех из нас, кто сумел сохранить свои зубы.

Лос-Анджелес, как город, имел единственную в мире сцену, населенную реальными уличными бандами, состоявшими из панков. The Suicidals были из Венис Бич, они были порождением группы Suicidal Tendencies /Суицидальные Тенденции/. The Family возглавлял Джон Масиас из Circle One /Первый Круг/. FFF были из Долины, а L. A. Death Squad /Эскадрон смерти Лос-Анджелеса/ (L.A.D.S. – для краткости) были из Голливуда...

Там их было настолько много, что можно было бы написать целую книгу, только перечисляя их названия.

У банд между собой постоянное соперничество, поэтому через каждые пять или десять минут в любой момент панк-шоу люди били друг друга до кровавого месива. Зеваки получали так же крепко, как и бандиты: однажды барабанщик моей первой группы пил воду из фонтанчика на шоу групп Scream /Крик/ и Subhumans /Недочеловеки/, и кто-то шандарахнул его сзади по голове и полностью исковеркал ему рот. В другой раз мои друзья Эрик и Альберт были избиты клюшками для игры в гольф прямо перед спортивной ареной Olympic Auditorium. Однажды мы нашли скинхеда Эда (который позже стал солистом Royal Crown Revue /Королевское Ревю/) без сознания в переулке, позади клуба Cathay de Grande.

Рано или поздно любой мог оказаться в том месте, где происходила драка. Это просто была наша реальность. Много людей, вливающих на сцену, не просто делали это для музыки или моды; некоторые из них также хотели отхуячить кого-нибудь без каких-либо последствий для себя. Это была сцена без каких-либо правил, развивавшаяся на DIY площадках в самых жутких частях города. Там не было никаких полицейских, и в тех редких случаях, когда присутствовали охранники, чаще всего они были друзьями бандитов. Кому было их останавливать?

Мои ссадины были относительно незначительными. На заднем дворе во время одной из вечеринок, организованной группой Neighborhood Watch /Соседский Дозор/, куча чуваков из Suicidals напрыгнули на меня и отрезали «крысиный хвостик» как у Дарби Крэша, который я обожал, но это было скорее дружественной дедовщиной, нежели бесконтрольной агрессией. У входа в Cathay de Grande парень, которого я знал как Боба Бонхеда, толкнул меня на землю и украл мой бумбокс, но это было в большей степени добычей-денег-на-героин, нежели злостным ограблением. А на шоу GBH /Тяжкие Телесные Повреждения/ в зале Perkins Palace, Майк Нокс из группы Rigor Mortis /Трупное Окоchenение/ схватил меня и боднул головой, но это было в большей степени... не, на самом деле Майк Нокс это сделал только потому, что не любил меня.

В основном я становился частью возможных, но реально не случившихся событий. Однажды вечером мой друг Стив и я были на улице рядом с клубом, и Шон ЭмДи из FFF (кстати, только что выпущенный из тюрьмы) подошел к Стиву и попросил у него глоток пива. Стив дал ему бутылку; а Шон использовал ее для того, чтобы вломить Стиву в челюсть. Три зуба Стива раскололись на фрагменты, а изо рта полилась кровь. Я сопровождал его в больницу, но он должен был вести машину сам: так как мы на ней приехали на шоу, а я не знал, как управлять машиной с механической коробкой передач.

Оказалось, что Майк Нокс увидел меня с другой стороны улицы и сказал Шону, чтоб он пошел и отхучил меня, но Шон подумал, что он указывает на Стива. Спасибо людям-кротам, которые умеют пользоваться магнитом!

Одна из причин, по которой мне удавалось оставаться невредимым, заключалась в том, что у меня были друзья в разных бандах. В разное время меня приглашали присоединиться к Suicidals, L.A.D.S. и FFF, но я полагал, что лучше быть независимым. Однажды я шел с тремя друзьями из Suicidals, когда на них напали десять L.A.D.S. и начали потасовку. Я просто стоял и смотрел. Ни за какие коврижки я не собирался пришивать на свою спину постоянную мишень, если бы я выбрал чью-то сторону. К примеру, мой лучший друг с третьего класса Джордан Хиллер⁵ согласился присоединиться к FFF и погиб год спустя.

Конечно, дружеские отношения, которые держали меня в безопасности, не всегда были простыми. Однажды ночью я забираю нескольких друзей, чтобы пойти на концерт Circle Jerks, и Майк Мьюир из Suicidal Tendencies сел ко мне в машину. Это было очень важным событием для шестнадцатилетнего панкера, поэтому потребовалось некоторое количество силы воли для того, чтобы не потерять головы и строить из себя крутого, когда мы ехали из Лос-Анджелеса до площадки под названием Flashdance в Анахайме. Я не знаю, о чем Майк заботился сильнее – о том, чтобы посмотреть шоу, или о том, чтобы после концерта начать продажу маек его группы из багажника моей машины.

По дороге домой Майк заставлял меня ускоряться во время всего пути, он орал мне: «Давай, жми до 90!» Обыкновенный штраф за превышение скорости меркнет по сравнению со всем тем, что он мог бы сделать со мной, если бы я его послушался; поэтому я держал свой рот на замке и топил педаль в пол. Когда мы наконец вернулись в Лос-Анджелес, мы остановились, чтобы перекусить мексиканскими тако. После того как мы поели и шли обратно к машине, какой-то парень свернул к закусочной на мопеде Vespa. Не говоря ни слова, без какой-либо провокации со стороны парня или даже самого маленького изменения в своей походке, Майк отхлестал по щекам того парня так сильно, как только мог, и сбил его со скутера. Никто не промолвил и слова; мы просто про себя подумали: «Еб твою мать!», сели в машину и уехали.

⁵ Я знал Джордана по Беверли-Хиллз, где мы вместе росли. Я как-то пришел к нему домой, и там был Джон Войт, который играл в пинг-понг во дворе. Мы сыграли, и он победил. Но была почти ничья.

Моя случайная дружба с Джоном Масиасом из Circle One и The Family была еще страшней. Джон среди представителей сцены был печально известен своим насилием, в конечном счете он был застрелен полицией в 1991 году. Джон не «вступал в драку» – Джон просто «пиздил людей». Я видел, как он сбросил кого-то с 15-футового уступа на строительной площадке вблизи Whisky A Go-Go, и никто из видевших это не был удивлен или шокирован.

Когда NOFX только начинали играть, мы выступали несколько раз с Circle One, и по какой-то причине Эрик Мэлвин и я приглянулись Джону. Так однажды ночью, когда Circle One и the Vandals играли вместе в стремной части Саут Централ в арендованном зале, Джон попросил нас потусоваться снаружи, пока играет его группа, чтобы убедиться, что в их машины никто не залезет. Это было смешным, потому что нам было по шестнадцать лет, а выглядели мы как двенадцатилетние; никоим образом мы не смогли бы напугать потенциальных преступников.

Эрик и я были снаружи одни. Как только началось шоу, в это время двое членов The Family вышли из зала с девушкой, перекинутой через плечо. Она явно была пьяной в дугу, но она схватила Эрика Мэлвина, посмотрела ему в глаза и сказала очень ясно: «Помоги мне».

Я, пожалуй, должен здесь упомянуть, что члены The Family часто красили себе лица, как военные: зеленой и черной краской, это было частью униформы их банды. Эти ребята были не только членами одной из самых жестоких банд в Лос-Анджелесе, но и выглядели как Арнольд Шварценеггер в фильме Predator.

Один из них показал пальцем на Эрика и сказал: «Ты ни хуя не видел». И они понесли девушку дальше, по темной лестнице, позади зала в подвал.

Я, конечно, хотел бы похвастаться, что мы помогли этой девушке, но мы знали, что последствия могли быть со смертельным исходом, попытаюсь мы это сделать. Даже если бы кто-нибудь позвонил в полицию, мы знали, что менты вряд ли бы поспешили помочь каким-то панкам в Саут Централ. И даже если бы они действительно приехали, все бы знали, кто именно их вызвал, и в таком случае последовала бы расплата за стукачество.

Так что мы просто вернулись на концерт. Играли The Vandals, а их певец, Стиво, стоял на сцене без штанов, проходясь по своим гениталиям шипованным ремнем, как зубным флоссом. Все смеялись. Эрик и я просто стояли с бессмысленными взглядами на наших лицах, ощущая собственную никчемность.

Может, у меня и нет каких-либо видимых шрамов из-за тех деньков, но в меня с тех пор вселились демоны. Чувство вины и стыда за то, что мы не помогли той девушке, всегда будут мучить. Если бы можно было вернуться в прошлое, я не уверен, что мы смогли бы поступить по-другому, тем не менее меня это преследует и по сей день. Я уверен, что Эрика тоже.

Я не могу передать вам, как выглядело ее лицо, но я до сих пор вижу, как ее рука сжимает плечо Мэлвина. Это была панк-тусовка, и мы были ее частью.

7 Смэлли

Меня всегда тянуло на темную сторону. Были ли это панки «У Годзиллы» или байкеры в моем районе, или учебные сериалы Afterschool Specials, где Джонни курит марихуану, а затем в его глазах вращаются алмазы, и он думает, что он превратился в курицу, и спрыгивает со здания; все это всегда вызывало во мне любопытство, а не страх.

Мне было суждено стать пьяницей. Мой папа давал мне отхлебывать первый глоток любого пива, которое я приносил ему в детстве; выпивку я тайком проносил уже к десяти-летнему возрасту. Наркотики интриговали гораздо больше.

Некоторые из друзей моего отца жили в трейлере, припаркованном на нашем заднем дворе, и я знал, что они курили там траву. Однажды, когда я знал, что их не было дома, я зашел в прицеп и обнаружил бонг. Я понятия не имел, как он работает, поэтому попытался приложить свой рот к мундштуку и втягивать воздух. Потом я затянулся через трубку чашечки и получил полный рот сожженного пепла. Как следует прокашлявшись и выковыряв мелкие кропалики из зубов, я решил углубить свои исследования.

Вскоре после этого мой друг Марк принес курительную трубку и показал, как ее нужно зажигать. Я превратился в тотального укурка в течение ночи. Меня даже не цепляло первые несколько раз; мне просто нравилась идея идентифицировать себя с курильщиками анаши. Здесь более важным было: «Эй! Посмотрите на меня! Я крутой контркультурщик и употребляю наркотики!», так что я курил всякий раз, когда мог, но укурком быть трудно, когда тебя на самом деле не прет.

У меня был постоянный приток марихуаны от моих тети и дяди, которые жили по соседству с нами. Они были байкерами и, как оказалось, торговцами наркотиками. У них был огромный напольный морозильник, заполненный сотнями однофунтовых пакетов с травой, так что я отсыпал немного из каждого мешка каждый раз, когда нянчил своих двоюродных кузенов; таким образом, я был обеспечен курительным материалом в течение многих лет. Но именно их ганджубас наконец-то хорошенько меня вставил после достаточно длительного кривляния. Однажды я шел по улице и курил с некоторыми из своих приятелей, как вдруг все начало двигаться как будто в стоп-кадре. Солнце как будто бы превратилось в огромный, медленно действующий стробоскоп, и каждая секунда существовала сама по себе, отсоединенная от секунды до и после нее. Ну, наконец-то! (Меня перло настолько, что я не мог говорить.)

Доучившись до старших классов средней школы, я курил каждый день до и после нее. В классе труда я сделал себе собственную трубку и курил, когда был в школе. Со временем я вырастил свой собственный куст марихуаны в маленьком пластиковом террариуме, в котором первоначально росла венерина мухоловка (это был случайный подарок моей бабушки-барахольщицы). На заднем дворе к моим услугам всегда был зарытый пенополистироловый кулер, забитый наркотиками и причиндалами для их употребления.

Трава переросла в таблетки амфетамина с крестовидной насечкой. Амфетамин перешел в транквилизатор метаквалон. Транки превратились в амилнитрат. Это было классическим экспериментированием в геометрической прогрессии, о которой я был малоэффективно предупрежден всеми этими слащавыми Afterschool Specials. И все это случилось, прежде чем мне стукнуло тринадцать лет.

По мере того как я перешел из средних классов в старшие, я также перешел с марихуаны и таблеток на кислоту. Когда мне было пятнадцать, мы с подружкой Моникой сели на автобус и отправились в Голливуд за пластинками. Я не помню, где я нарыл кислоту, но я

помню, как шел по Голливудскому бульвару и все вызывало во мне смех. Какой-то бездомный пристал к нам с милостыней, а я просто лопался от смеха. Бурное веселье не прекращалось несколько часов, пока мы не оказались в доме ее родителей. У меня стала развиваться паранойя, потому что я знал, что родики дома, и боялся, что они вдруг просекут, что я упорот.

Когда я сидел на кухне, то услышал надвигающийся шум, и мои чувства пришли в полную боевую готовность. На кухню вбежали два семилетних близнеца-карлика. Это была не галлюцинация: братья Моники реально были фактически идентичными близнецами-карликами! Я пришел в ужас. «НИ ХУЯ... ААААА... ИСПУГАЛСЯ... БЛЯ, ЧЕ ЗА ХУЙНЯ?!»

Моника пыталась меня успокоить: «Возьми себя в руки!» Потом ее мама вошла на кухню. Я знал, что ее мама не любит меня, вероятно, она видела все то же шоу о панке у Donahue, что и моя мать, потому что я сел на еще большую измену. Карликовые дети бегали, мама сердито смотрела на меня. Тут-то меня нехило замкнуло.

Мой мозг убедил меня в том, что я не должен идти домой привычной дорогой, потому что мои родители могли ехать мимо и спалить меня; поэтому я перепрыгнул через забор и забрался в бетонную дренажную траншею глубиной 12 футов, которая должна была в итоге привести меня домой. Траншея, однако, проходила мимо двора изолятора для несовершеннолетних преступников, и тридцать или сорок детей побежали к забору на краю двора. Они бросали камни, трясли забор, и кричали: «Пошел на хуй!», и это – с высоты в 12 футов над моей головой. Я скулил, как перепуганный щенок. Я побежал к дому подружки моей мамы Ди⁶. Она была художником и хиппи; я знал, что она наш человек. Я появился у ее дверей, и слезы текли по моему лицу.

– Я на кислоте, бля, я не могу справиться с этим. Мне нужно сесть и расслабиться.

– Садись, дорогой, все хорошо, все будет круто. Ты в безопасном месте.

Она уболтала меня и отвлекла от всей этой мозгобли: от перегрузок с гномами, мамой Моники и дренажной траншеей; Ди Ди также проконтролировала мой трип в течение последующих трех часов.

Это был такой чертовски пугающий опыт, можно было подумать, что я зарекусь юзать ЛСД навсегда. Но, как и все остальное, что было создано, чтобы оттолкнуть меня, это только привлекало меня ближе. Так же, как с тем первым панк-шоу, меня прокрутило, как в стиральной машине, отжало и выплюнуло. О, я выжил. И я хотел вернуться в тот момент снова.

Вместо того чтобы попытаться счастья во внешнем мире, я просто приходил в дом Ди Ди и триповал с ее сыном Джошем, там я всегда был в безопасном месте. Она никогда не подгоняла нам стафф, но давала спокойно употреблять его под ее крышей. Я закидывался кислотой по крайней мере один раз в неделю, и за годы хорошие трипы начали превалировать над плохими.

Помню, как однажды смотрел на веснушку на своей руке, и она превратилась в муравья; в свою очередь, муравей дополз до кончика моего пальца и превратился в каплю воды, которая капнула наверх, вызвав рябь на потолке, который превратился в водоворот, из которого появилась лошадь, придрейфовавшая к моему лицу, и когда я был с ней нос к носу, от ее головы отслоилась кожа, оголив белоснежный череп.

Жизнь на темной стороне была охуительно крута.

⁶ Интересная пикантность: Ди Ди была иллюстратором оформления обложки альбома *Give Me Convenience or Give Me Death* группы Dead Kennedys, где изображено пламя. Кроме того, она как раз та, кто спала с Ли.

8

Мэлвин

Чак Норрис обучал моего отца карате.

Нет, по правде говоря, партнер Норриса, Пэт Джонсон, преподавал моему папе корейское боевое искусство под названием тансудо, а Чак проводил несколько занятий, на которых присутствовал мой отец. Кстати, Пэт был парнем, который играл рефери в фильме *The Karate Kid*, так что это все-таки довольно круто.

Перед тем как стать кинозвездой, Чак открыл небольшую сеть студий карате в Южной Калифорнии, и мой папаша регулярно посещал занятия в Мид-Уилшире. Я хотел бы похвастаться, что Чак (или даже Пэт) преподавали мне тоже, но тогда мне было всего девять или десять, когда мой отец начал брать меня с собой в студию, где отдельный инструктор преподавал детям.

Так как Чак был другом Брюса Ли, ученики из всех студий Чака стали участниками выставки в честь премьеры одного из фильмов Брюса в кинотеатре «Китайский театр Граумана» на Голливудском бульваре! Они перекрыли уличное движение по такому случаю, и там был один из таких китайских драконов, который волнами вился по дороге, в то время как я и несколько десятков моих сокурсников хвастались навыками тансудо в центре всего этого действа. На самом деле мы не были как-то организованы или делали что-то из наших совместных тренировок в унисон или что-нибудь в этом роде; мы просто хаотически ударили ногами, наносили пробивные удары и перекрывали доступ воздуха. Мы чувствовали себя крутыми, но, наверное, это выглядело бездарно и смешно.

Я могу только предположить, что именно мое тансудо-обучение придало мне уверенности в том, чтобы продолжать изучение панк-сцены в Лос-Анджелесе. Другого логического объяснения, почему ребенок с моей тощей подростковой фигурой мог чувствовать себя в безопасности в таком месте, как *Olympic Auditorium*, нет.

Olympic был массивной бетонной спортивной ареной с 55-футовыми потолками и вместимостью на более чем 7000 человек. Стадион был построен для Олимпийских игр в 1932 году в Лос-Анджелесе, и прежде чем это место стало центром нервной системы хардкор панк-сцены 80-х, там прошли десятки исторических матчей по боксу, и он был использован для съемок таких фильмов, как *Rocky* и *Raging Bull*.

Это было символично, потому что каждый раз, когда в *Olympic* проходило панк-шоу, кто-то получал нокаут. Еще до того, как ты входил вовнутрь, было возможно увидеть на парковке по крайней мере двух парней, с энтузиазмом уклоняющихся от ударов. Однажды ночью я наблюдал с балкона, как на нижнем этаже рой из членов *Suicidals* ополчился на какого-то парня. Видны были только кулаки, локти и руки, и никто даже не пытался остановить их. Это была кровавая расправа.

А в конце ночи полицейские вертолеты кружили над головой, и иногда приходилось уворачиваться от дубинок на пути к своему автомобилю. Это не было местом для нормальных, здравомыслящих людей. Я благодарен, что я избежал каких-либо серьезных ссор там внизу, потому что моего зеленого тансудо-пояса, вероятно, не хватило бы.

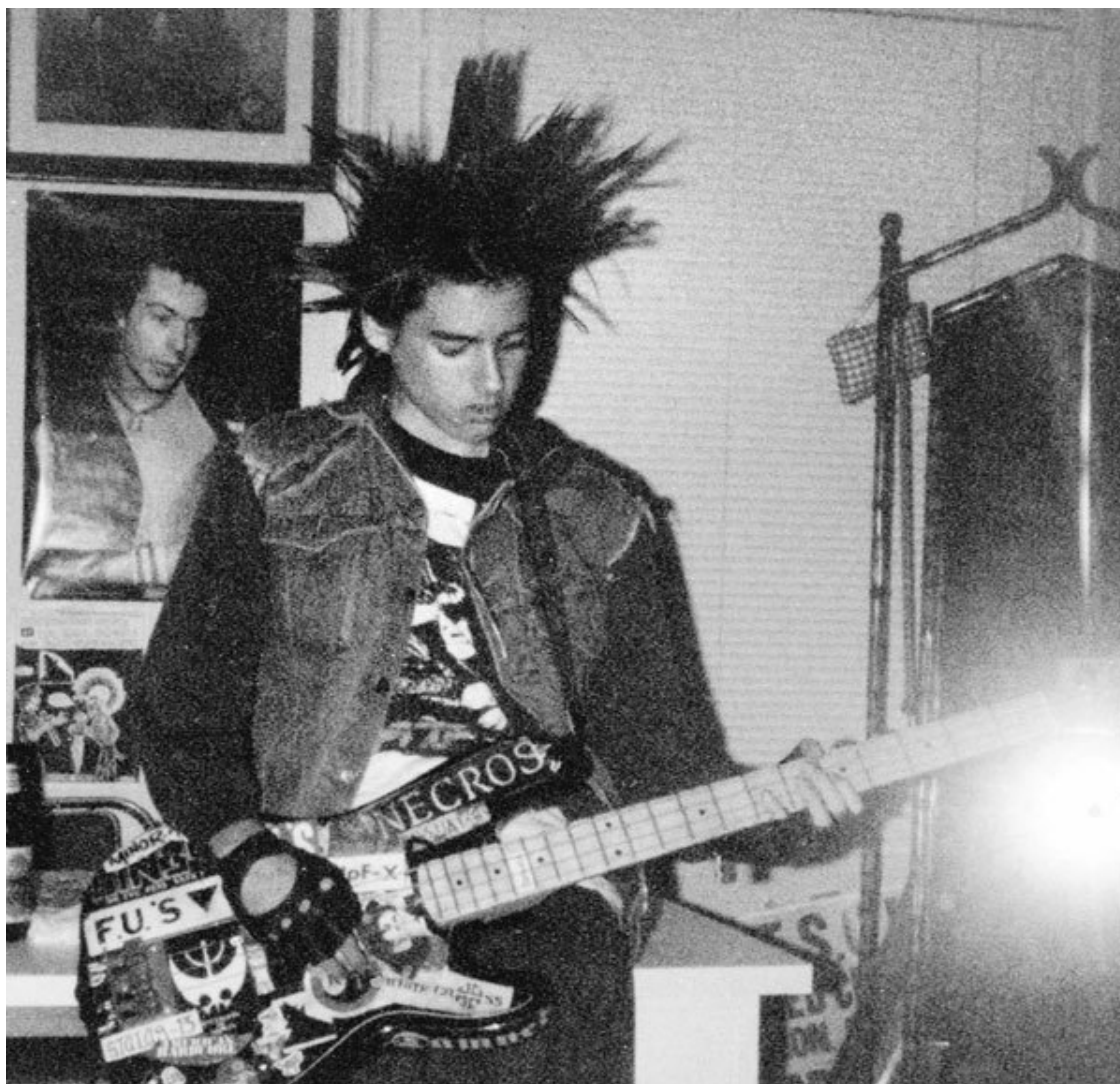
И, конечно, он мне не помог, когда я бежал от полицейских после печально известного бунта на концерте *Dead Kennedys* в зале *Longshoremen's Hall* в Уилмингтоне. Когда *Dead Kennedys* закончили, полицейские уже ждали нас, выстроившись в две шеренги по обе стороны от выхода. Люди пытались спокойно уйти, но полицейские навалились на нас и били с плеча. Когда мы выбегали, меня треснули дубинкой по руке, в тот момент, когда всех прогоняли через строй. Рука оставалась опухшей в течение недели. Я прикрывал голову рукой,

так что дубинка могла бы приземлиться и в гораздо более худшем для меня месте. На самом деле я в ужасе наблюдал, как других, менее везучих чуваков настигала именно такая участь.

Но все равно я возвращался туда снова и снова. Несмотря на то что сцена сильно страдала от кровожадных психопатов и варваров в погонах, она была насыщена довольно увлекательными персонажами. Люди иногда говорят, что ирокез является частью «униформы» в панк-роке, но на самом деле не бывает двух одинаковых ирокезов! Все переиначивали панк-рок-стиль на свой собственный манер.

Кстати, музыка тоже была довольно хороша. Это была Та Самая Трехаккордовая Простота Панка, которая дала мне уверенность снова взять гитару в руки. Мой друг Бенни показал мне, как играть аккорд из двух нот двумя пальцами. Я сделал авансовый платеж в \$25 за модель Charvel Рэнди Радса, принадлежавшую моему знакомому в школе, но, когда я не смог придумать, где взять остальную часть наличных денег, он забрал гитару и оставил аванс у себя. Позже я купил гитару Peavey за \$ 170 с естественной отделкой под дерево и черной накладкой за деньги, которые я накопил, работая спасателем в бассейне JCC. Таким образом, Бенни и я создали свою первую группу.

Все же «группа» здесь может быть слишком громкое слово. У нас не было имени, мы не писали никаких песен, у нас не было барабанщика, басиста и солиста, а главное, мы никогда не выступали на публике. На самом деле мы просто вдвоем зависали дома у Бенни, показывая друг другу гитарные партии, которые мы подбирали, слушая записи Black Flag /Черный Флаг/ и Descendents /Потомки/. Но мы называли себя группой, и, вообще, кто ты такой, чтобы говорить, что мы ею не были?

Майк во времена Palse Alarm.

Проблема заключалась в том, что Бенни жил далеко, в Игл Рок, а я не имел водительских прав. Я хотел организовать реальную группу, с реальными песнями и реальными концертами. Мне надоели старшеклассники из Фейрфакс Хай, которые смеялись надо мной и моими друзьями и называли нас позерами. Я читал отчеты о концертах в журнале Maximum Rocknroll, где панки со всей страны писали о группах, клубах и трагедиях окрестностях. Я хотел отправиться в путь и исследовать такие экзотические места, как Техас, Флорида и Айдахо.

Мой друг Дилан был барабанщиком, так что он был первым, кого я рекрутировал. Дилан знал стрейт-эдж панк-парня по имени Стив из графства Орандж Каунти, который был должен начать петь в группе под названием America's Hardcore /Хардкор Америки/. Вместо нее мы убедили его петь у нас. Кроме того, Дилан знал еще одного музыканта, который мог бы заполнить последнее оставшееся место в нашем составе:

«Я позвоню парню, которого я знаю, его зовут Майк. Он играет на бас-гитаре».

9 Майк

Крис, Митч и я хотели трахаться. В нашей школе была панк-девушка по имени Лаура, и мы думали, что если создадим группу и заставим ее петь, то каким-то образом, в процессе, убедим ее переспать с одним из нас. Папа купил Митчу гитару на Рождество, в связи с этим Крис сказал, что он будет играть на барабанах, а я выступил в качестве добровольца, чтобы играть на бас-гитаре.

Эрик Мэлвин.

Я купил подержанный бас Hondo II и усилитель Fender в гитарном магазине на Сан-сете, и мы начали джемовать под названием РТА /Родительское Собрание/. Но Митч никогда не учился игре на гитаре, поэтому он просто тренькал по одной струне. А Крис пренебрег нами ради того, чтобы присоединиться к группе Майка Нокса Rigo Mortis. Вдобавок у нас не было звукоусиливающей аппаратуры, поэтому все планы в отношении Лауры так и не материализовались.

Я понимал, что членство в группе в конечном итоге поможет мне с кем-нибудь трахнуться, поэтому я организовал новую группу с моим другом Флойдом, которого привлек в качестве вокалиста/гитариста, и нашим другом Джастином – на барабанах. Мы назвали себя False Alarm /Ложная Тревога/, и можно сказать, что мы были почти настоящей группой, так как сыграли одно шоу.

Нам удалось написать и записать девять ужасных хардкор-песен и отправить кассету в журнал Maximum Rocknroll для обзора. Тим Йохеннон писал: «Я ни хрена не могу разобрать слова, так как они выплевывают их со скоростью 150 миль в час и используют такой метод

записи, который использовался в 20-е годы». Затем Тим по праву издевался над одной из песен, которую написал Флойд, под названием «Пидоры Сосут».

Эрик Сандин.

Мы договорились о шоу на крутой андерграунд-панк-площадке под названием Anti-Club, но мама Флойда узнала об этом и запретила нам играть, так что концерт пришлось отменить. Таким образом, наш первый и, как потом оказалось, единственный концерт был на вечеринке в Беверли-Хиллз.

Мы исполнили наши девять песен, и люди были достаточно вежливы, чтобы понаблюдать за нами и не уйти, но, судя по всему, они не испытывали потребность в том, чтобы побаловать нас своими танцами. Но одна классная вещь, которая случилась той ночью, заключалась в том, что я повстречал свою первую возлюбленную Натали.

Я предполагаю, что она была помешана на неопрятных еврейских музыкантах, потому что сразу после того, как мы отыграли, она утянула меня за кусты целоваться и обжиматься

со мной. Оглядываясь назад, я должен, наверное, был знать, что она в конце концов обманет меня и меня чуть ли не убьют из-за нее, но тогда все это не имело значения для шестнадцатилетнего девственника. Нахождение в группе наконец начало окупаться⁷.

* * *

Моя мама не могла не заметить моих взъерошенных волос, странных друзей и иногда появляющихся фингалов и ссадин. Она была расстроена, что ее план по перемещению меня в Беверли-Хиллз и содержанию в ежовых рукавицах так или иначе обрел неприятные последствия. Я думаю, что последней каплей стал мой звонок из тюрьмы в Вилкоксе.

Мои друзья и я пили в переулке позади клуба Cathay de Grande перед шоу группы Personality Crisis /Кризис Личности/, когда вдруг четыре полицейские машины выскочили на нас из темноты. Когда они окружили нас, Боб Бонхед (тот самый «друг», который украл мой бумбокс, чтобы прикупить наркоту) бросил свой героин на землю, рядом со мной, чтобы его не приняли с ним «на кармане». Менты нашли героин, предположили, что он мой, и набросили на меня наручники. Нас всех упекли в тюрьму, и моя мама была единственным выходом из нее.

Я тусовался со всеми этими наркоманами и панками на скамейке, когда вошла моя мама, швырнув в меня свою сумочку, она разразилась тирадой: «Что ты, блядь, делаешь?! Почему ты так поздно тусуешься?! Я говорила тебе об этом!» Копы, наркоманы и панки прыснули со смеха.

Но по классическому «Майка-всегда-проносит» сценарию с меня были сняты обвинения, и ей позволили забрать меня домой. Это была ночь пятницы перед выходными. Всех остальных заперли до вторника. Ну и кто теперь смеется последним?

После этого случая мать запретила мне посещать Cathay de Grande, до кучи записав к терапевту. Я игнорировал ее требование держаться подальше от панк-шоу, но согласился на терапию. Какой подросток не имеет проблем, о которых можно было бы немного поговорить вне дома? В течение примерно шести месяцев я давал выход своим чувствам о проблемах с отцом и всем остальном, что тянуло меня вниз. Вскоре дело приобрело иной поворот...

После первого шоу False Alarm Натали и я продолжали целоваться и обниматься на регулярной основе, а потом однажды ночью, после концерта группы Peter and the Test Tube Babies /Петр и Пробирочные Дети/, она вернулась в квартиру моей мамы, чтобы провести со мной ночь. Мы целовались на кровати, и я нервно начал вставлять свой пенис в ее влагалище. Она остановила меня и сказала: «У меня месячные». Я сказал: «Ничего страшного», потому что – дамы! Серьезно! – вашим кавалерам на это насрать. В особенности когда они просто в миллиметре от того, чтобы перестать быть девственниками. Она объяснила: «Ты должен вынуть», но я просто сказал: «Давай сделаем это!» И начал ее ебать.

Через пять минут или около того она сказала: «Я великолепно себя чувствую, но я все-таки должна вынуть тампон. Это слишком странно».

Она пошла в ванную комнату, пока я смотрел вниз на мой замазанный кровью член и думал: «Урааааа!» Все в этом мире было в порядке. За исключением влагалища Натали: ее тампон застрял внутри, и она должна была сходить в больницу на следующее утро, чтобы удалить его. Ой!

⁷ False Alarm продержались всего несколько месяцев. После того как я ушел из группы, я не разговаривал с Джастином в течение почти тридцати лет. Теперь он парикмахер. Флойд держал группу вместе в течение какого-то времени, они даже выпустили пластинку, на которой написано «с участием Фэт Майка из NOFX!», несмотря на то что я не сыграл и ноты на этом альбоме. В настоящее время Флойд работает адвокатом, поэтому я предполагаю, что судиться бессмысленно.

После двух сессий терапии и после потери девственности мои психические проблемы, казалось, полностью исчезли.

* * *

Натали была жесткой телкой. Она состояла в женской банде под названием «Girls Brigade». Они избивали других телок и отнимали у них обувь и кошельки. И она была отрывной: мы ебались в автомобилях, на строительных площадках, и она как-то сделала мне минет под столом в то время, как в Cathay играла группа Crucifix /Распятие/. Я был дико влюбленным подростком.

Однажды я даже защитил ее честь, когда увидел, как бывший бойфренд тянул ее за волосы одной рукой, а другой лупил на улице рядом с клубом в Долине. Он был членом FFF и отвратительным типом. Но я нашел в себе достаточно мужества, чтобы подойти и сказать: «Э-э, вы можете прекратить делать это?»

Он оттолкнул ее в сторону, и вдруг меня окружил с десяток членов FFF. Он ударил меня в лицо, и я сполз вниз. Двое других парней пытались схватить меня, но мне как-то удалось ускользнуть, и я побежал к машине своего друга. Я нырнул в открытое окно автомобиля, и мы уехали. Принимая во внимание все обстоятельства, это было высотой панк-рыцарства в Лос-Анджелесе 80-х.

Таким образом, вы можете себе представить, насколько я был подавлен, когда через четыре месяца наших отношений какие-то чуваки из Suicidals прижали меня к стене в Olympic и предупредили: «Если будешь общаться с Натали снова – мы тебя убьем». Вот так она порвала со мной отношения.

Я и понятия не имел, что произошло между нами. После того как мы «разошлись», я столкнулся с ней рядом с Olympic. Она завизжала: «Ты что, блядь, здесь делаешь?!», сняла свой шипованный ремень и неоднократно хлестанула меня пряжкой. В мгновение ока мы привлекли внимание толпы, вероятно, сотни людей. Я знал, что, если я ее ударю в ответ, буду растерзан слюнявыми пастями волков, окружавших нас. Они все ждали самого маленького повода, чтобы разорвать меня на куски, поэтому я просто побежал, настолько быстро, насколько мог.

Говорят, что вы никогда не забудете свой первый поцелуй. Говорят, что вы никогда не забудете свой первый трах. А я говорю вам, что вы никогда не забудете тот первый раз, когда получили пизды в общественном месте от шестнадцатилетней девчонки.

10 Смэлли

Я всегда был высоким, но в детстве чувствовал себя худым и слабым. У меня всегда была хуева туча вопросов в отношении своей неполноценности. Ладить с моим отцом и ездить на мотике, собранном по кусочкам из мусора, было нелегко. Я справлялся со всем этим при помощи юмора и превратился в клоуна-всезнайку в нашем классе. Если кто-то посмел бы взять меня «на слабо», чтобы я выпил полный стаканчик «Тако Белл» с грязной сточной водой, для смеха я залпом осушал его. Если кто-то «на спор» хотел, чтобы я прыгнул с крыши, я рисковал жизнью и здоровьем для того, чтобы получить одобрение всяких придурков.

Поэтому, когда я прогрессировал от потребителя наркотиков к наркоторговцу, это было не только из-за того, что мне были нужны деньги. Мне жутко хотелось самоутверждения.

Я отсыпал горстями марихуану из тетиной и дядиной массивной морозильной заначки и продавал ее своим коллегам-старшеклассникам. У одной из мам моих друзей было несколько хирургических операций, и у нее оставались сотни таблеток, которые мы воровали и продавали. Я затаривался целыми листами для поддержания своей собственной привычки и делал «промокашки», раскидывая часть этих листочков по своим друзьям.

Я делал несколько сотен долларов в неделю, и это было значительным количеством денег для четырнадцатилетнего парня. Но я не мог их тратить, зная, что мои родители заметили бы, если бы вдруг появился новый мотоцикл, за который они не платили. Поэтому большую часть наличных денег я спускал на игровые автоматы или просто покупал больше наркотиков.

Мой отец хотел развить во мне строгую трудовую дисциплину, поэтому летом меня устраивали на работу, начиная с десятилетнего возраста. Я начал с доставки газет, затем с одиннадцати до тринадцати лет я подметал за доллар в час в деревообрабатывающем цеху. В четырнадцать я работал уборщиком на заводе. В средних классах школы я вкалывал на сборочной линии, выкладывая бутылочки для витаминов на конвейер в течение восьми часов в день, как в комедийном сериале *Laverne and Shirley*, только без закадрового смеха. Я зарабатывал всего три доллара в час, так что я не мог замаскировывать моим законным доходом какие-либо крупные покупки за счет продажи наркотиков, но я решил рискнуть ради одного дорогостоящего товара: подержанной барабанной установки.

Я брал уроки игры на гитаре в течение года, когда мне было восемь лет, но учитель заставлял меня разучивать песни «Skip to My Lou» и «A Horse with No Name», в то время как все, что мне хотелось играть, были Kiss и Black Sabbath, поэтому я ушел оттуда с только четырьмя выученными аккордами. Годы спустя, когда Ли и его друзья хотели начать играть в панк-рок-группе, они знали больше аккордов, чем я, поэтому мне сказали, чтоб вместо гитары я лупил на барабанах.

Я нашел дерьмовую барабанную установку за 200 баксов и установил ее в прачечной подсобке. У меня не было стоек под тарелки, поэтому я растянул веревки от пола до потолка, прибил их, а затем продел тарелки хай-хэт и крэш, закрепив их на узлах, завязанных в середине веревки. Когда я бил по крэшу, он уплывал от меня, а затем возвращался обратно ко мне, так что, когда я играл, мне нужно было уклоняться от него, как при тренировке с боксерской грушей-растяжкой.

Мой друг Дэн показал мне, как правильно держать ритм, но я никогда не брал уроков. Я прослушивал пластинки и учился на слух, имитируя то, что делают другие барабанщики на MTV (тогда еще молодом канале). Научился этому делу я на удивление быстро, и, к моему

счастью, большинство барабанных битов в панк-роке были достаточно простыми для копирования. Я знал, что игра на барабанах была моим ключом к тому, чтобы быть в группе, которая была ключом к тому, чтобы быть частью панк-сцены, которая была ключом к тому, чтобы иметь больше одобрения и благожелательного отношения, и я полностью вкладывал свою душу в это занятие. Барабанить было весело, но я мог бы так же легко вкладывать свою душу и в игру на бас-гитаре или на клавишных, или на какой-нибудь ебаной дрымбе. Черт возьми, я просто хотел быть частью группы!

Состав The Acid Tommy Experience (или Tommy Acid Experience?) был таким: я – на барабанах, Ли и Дэн – на гитаре, и парень, которого мы называли Флиппер (потому что он действительно любил группу Flipper /Плавник/), – на бас-гитаре. И, кстати, я понятия не имею, был ли у нас когда-либо вокалист. Мы мешали кавера MC5 и Stooges с классическим рок-вещами, такими как Iron Butterfly. Мы сыграли на нескольких вечеринках, но под «вечеринками» я имею в виду, когда десять наших странных друзей пьют пиво в чьем-то доме. В основном мы просто джемовали в подсобке со стиральной машиной.

Более старшие ребята из группы перешли в следующем году в колледж, и десятиклассником я ходил уже на панк-шоу довольно регулярно; подучился достаточно хорошо играть на барабанах, так что девушка, с которой я тогда встречался, познакомила меня с местной группой под названием Caustic Cause /Едкая Причина/, у которых уже была определенная репутация.

Caustic Cause пиздато вонзали. Всем парням было в районе тридцати, и они были действительно талантливыми музыкантами, я же был просто каким-то шестнадцатилетним пацанчиком с тарелками, привязанными к потолку. Для меня было огромной похвалой, когда они посчитали меня достаточно компетентным не только для того, чтобы присоединиться к их группе, но и не обломались пригнать в Ла-Кресента, чтобы порепетировать в моем доме, так как мама не захотела отвезти меня к ним на репетицию. Я быстро совершенствовал свои навыки игры на барабанах, потому что мне было намного легче джемовать с людьми, которые знали, что они делают; и, конечно же, потому, что я хотел достигнуть их уровня и соответствовать ожиданиям этих чуваков.

Я не помню, когда впервые выступал с ними на сцене, так как ни одно из наших выступлений не было эффектным зрелищем. Мы играли в случайных барах и даже в Madame Wong's (легендарном ресторане в китайском квартале, который принимал у себя на площадке все теперь известные панк, нью-вейв и хэйр-метал группы в самом начале становления сцены). Теперь никто не помнит Caustic Cause, но в то время люди были поражены, когда я «козырял» именем этой группы.

Несмотря на все веселье и на то, что я всегда стремился к самоутверждению, после полутора лет я потерял интерес к Caustic Cause. Их стиль был более старой школы, мне же были больше по душе хардкор-звуки Лос-Анджелеса, такие как Black Flag и Wasted Youth /Упоротая Молодежь/. Кроме того, они все были гораздо старше меня, с женами и семьями. Я же хотел играть с людьми, которые были ближе мне по возрасту, так, чтобы мы могли тусоваться, как друзья, а не просто, как товарищи по группе.

Я всегда также чувствовал, что они юзают слишком много кокса. На одной репетиции солист вдруг закричал: «Я убью тебя на хуй!», а затем бросился на басиста и начал конкретно хуячить его.

Так что, когда я встретил парня по имени Майк, который был именно моего возраста, любил ту же музыку, а главное, в то время не нюхал чрезмерного количества кокаина, у меня появилась веская причина, чтобы дезертировать с корабля.

Но я этого не сделал.

* * *

Мои воспоминания о ранних панк-шоу не упорядочены или с годами померкли, но я отчетливо помню, как пошел на группы Black Flag и Bangs /Трахалки/ (прежде, чем они стали Bangles /Браслеты/) в клубе под названием Cathay de Grande.

Это был утреник, и я был пьян. Так пьян, на самом деле, что вращалась комната. Я схватился за стойку бара, чтобы не упасть, и засунул пальцы в горло, чтобы меня вырвало тем алкоголем, который мой организм больше не принимал. Секьюрити увидели, как я пытаюсь «разрушить» ковер, и вышвырнули меня через заднюю дверь классическим образом – головой вперед.

Шатаясь из стороны в сторону, я шел вниз по улице от клуба и случайно врезался в Эль Дуче, певца скандально известной одиозной группы the Mentors /Наставники/, который был похож на результат неудачного эксперимента по созданию гибрида человекоморжа. Я был поклонником его группы, поэтому начал заплетаящимся языком что-то невнятно плести в его сторону. Эль Дуче откликнулся на мои слова тем, что, засунув палец в нос, извлек оттуда внушительных размеров козявку, и силой впихнул ее в мой рот. Я выплюнул ее и поковылял дальше.

Неподалеку я нашел несколько изгородей, чтобы пописать, но потерял равновесие и упал на спину, не выпуская из рук моего члена и полностью обоссав себя. Моя голова совсем не мягко приземлилась на край тротуара, и когда я переворачивался, корчась от боли, я увидел в канаве мертвого птенца, который был в дюйме от моего лица. Должно быть, он только вылупился: у него не было перьев, только прозрачная кожа и глаза навывкате. Это было омерзительно, но я не мог найти в себе силы двинуться. Так и лежал с ним лицом к лицу в течение нескольких часов.

Мои друзья нашли меня, когда шоу закончилось, и соскребли меня с тротуара. С привкусом козявки, мочой на всей моей одежде и мертвой птицей в качестве подушки. Вот так я теперь запомнил клуб Cathay de Grande.

* * *

Я уверен, что у других людей детство было гораздо хуже, чем мое (даже в пределах моего района), но для следующей части моего рассказа стоит отметить, что, когда я рос, у меня не было скейтборда.

Хорошо, это не совсем так: мои родители купили мне такую пластмассовую доску для маленьких детей за, наверное, четыре доллара на местной толкучке, но я не мог ездить на таком говне на рампе или по улицам.

Когда я работал подметальщиком в деревообрабатывающем цеху, мне иногда давали пошароебиться с их оборудованием, поэтому я взял тяжелый кусок красного дерева, который должен был быть дверью шкафа, разрезал его по форме, приближенной к скейтборду, прикрепил самые дешевые шасси и колеса, которые смог найти, и приклеил крышки от консервных банок с тунцом к основанию задней части, чтобы они препятствовали стесыванию. С технической точки зрения это сработало, но я сгорал от стыда, когда появлялся на покатушках с моими друзьями, все они имели совершенно новые доски (или доски, по крайней мере, купленные в магазине, задняя часть которых была завернута вверх, в отличие от моей, вызывающе плоской).

Скейт-парки открывались повсюду в Южной Калифорнии в конце 70-х. Один такой спот открыли в полумиле от моего дома, буквально через дорогу от мастерской сантехники моего отца. Мои родители не разрешали мне ходить в парк, так что каждый день после учебы

в начальной школе я шел в мастерскую отца, чтобы работать там в течение нескольких часов, наблюдая через забор, как каждый второй ребенок мира получает удовольствие на своей Alva, Sims и Logan Earth Ski доске. Даже если бы мне разрешили присоединиться к ним, я бы чувствовал себя как персонаж из Gummo, блуждающий с моим чудищем в форме «двери-от-шкафа-с-консервной-крышкой-банка-из-под-тунца».

Именно поэтому сегодня, спустя тридцать лет, у меня на самом деле есть яркое воспоминание о встрече с Фэт Майком.

Я зависал рядом с Cathay de Grande, когда щуплый парень со смешной стрижкой катился мимо на спешл-эдишн скейтборде Black Flag. Он был украшен оригинальным дизайном художника и музыканта Раймонда Пэттибона с прыгающими демонами, окруженными десятками логотипов Black Flag. Это одновременно поддевало и искушало меня, доска выглядела так, как будто ее только вытащили из коробки. Она была всем, что было крутым и заветным. Я сделал ему комплимент, и он позволил мне попробовать ее. Это было похоже на прикосновение к персям Бога.

Мы побеседовали некоторое время. Он сказал мне, что его зовут Майк и что он играет в группе под названием False Alarm, а я небрежно хвастался, что барабаню у Caustic Cause. Он сказал, что ищет нового барабанщика, и дал мне свой номер телефона. Мы поддерживали связь, но я никак не мог поджечь с ним, потому что мои родители не возили меня на репетицию в Беверли-Хиллз (сейчас я понимаю их, так как это, по крайней мере, час езды в каждый конец в условиях напряженного трафика Лос-Анджелеса).

Тем не менее мне нравился Майк. Мы любили одни и те же группы и имели схожее чувство юмора, поэтому мы часто говорили по телефону о музыке и встречались на шоу. Мы стали закадычными друзьями в кратчайшие сроки.

Моя первая встреча с Эриком Мэлвином не связана со скейтбордом, поэтому я помню ее менее отчетливо, но он сказал, что играет в новой группе с Майком и они хотели бы, чтобы я присоединился к их движухе. Поначалу я был уклончив, но Мэлвин сказал мне, что Стив из America's Hardcore поет у них, на что я ответил: «Хорошо!» Я врубался в America's Hardcore, и у Майка, и у Мэлвина, и у меня были водительские права. С этой точки зрения репетиции больше не представлялись географическим вызовом.

В один погожий денек я появился на репетиции, но Стив так этого никогда и не сделал. Майк и Мэлвин были хуевейшими музыкантами. Было ясно, что я сделаю огромный шаг назад, если покину Caustic Cause, чтобы присоединиться к их группе. Но я сцепился языком с Мэлвином, так же как и с Майком, и мы все вместе стали кататься на скейтбордах и слушать музыку. Дружба становилась приоритетом над музыкой.

Пока мы не сыграли наш первый концерт.

11

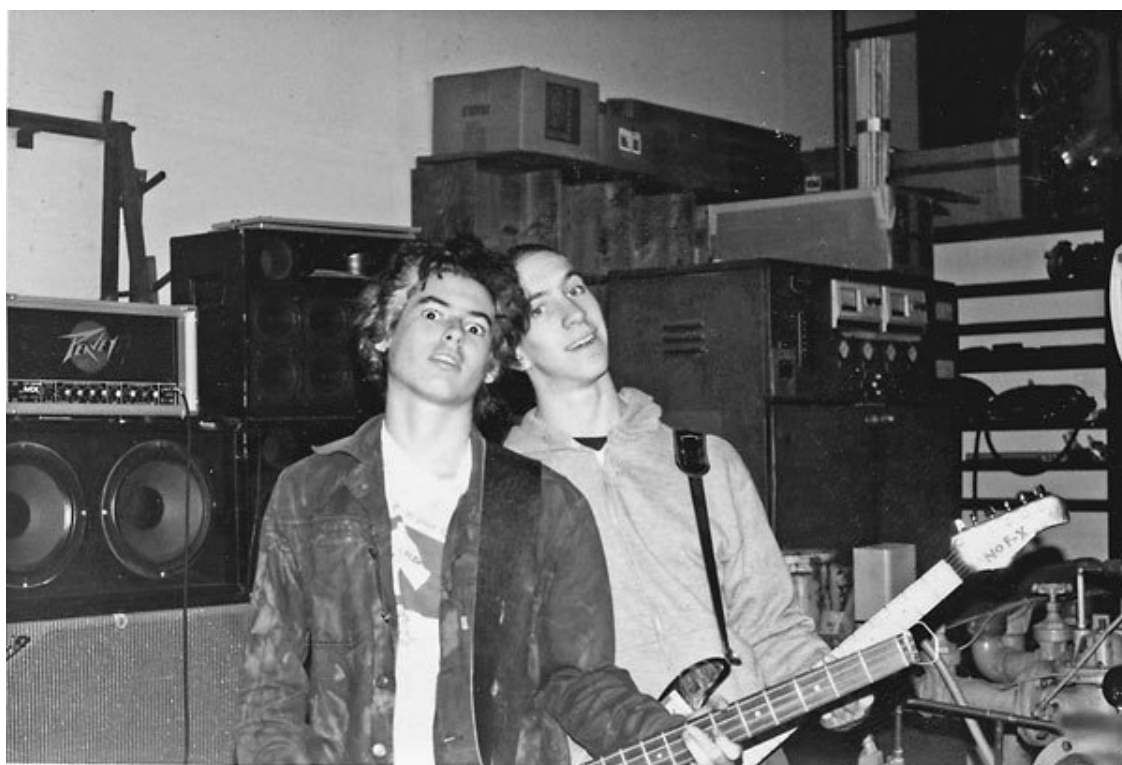
Мэлвин

Стив объяснил свое отсутствие на первой репетиции тем, что он не смог найти того, кого можно было попросить подвезти его на север из Орандж Каунти. Дилан ушел после первой репетиции, без объяснений; я и Майк могли бы легко забросить это дело, но он сказал, что позвонит парню по имени Эрик, который играет на барабанах в Caustic Cause.

Эрик манкировал в отношении присоединения к группе, но однажды ночью я столкнулся с ним в Olympic Auditorium и представился ему. Он ходил с парой палочек в руках, потому что соврал на входе, убедив людей на дверях, что он – барабанщик одной из групп. Мы перекинулись парой слов. Я сказал ему, что Стив из America's Hardcore должен быть у нас на вокале, а это, как вы поняли, было двойным блефом: мало того, что Стив пропустил нашу первую и единственную репетицию, плюс ко всему, я не думаю, что он выступал с America's Hardcore на тот момент. Мне показалось, это возбудило в Эрике достаточный интерес, чтобы, по крайней мере, показаться на одной из наших репетиций.

Стив тем временем продинамил вторую репетицию. Я не был уверен, что он когда-либо вообще был намерен присоединиться к нам, но в течение длительного времени, даже после того, как мы начали играть концерты, я продолжал фантазировать, что в конце концов этот парень объявится и будет у нас петь. Я не думаю, что Эрик был в таких же мечтах о Стиве, как и я, и он, конечно, должен был заметить, что мы (в особенности – я) были абсолютно неграмотны в том, как обращаться с нашими инструментами, но думаю, что он просто любил тусоваться с нами.

Я знал, что мы еще пока должным образом не подросли и такие «хиты», как песня «Муравьиная Атака», никогда не сделают нас популярными. Но я знал, что мы когда-нибудь станем лучше. Я не знал, что на это потребуется восемь лет, но я был уверен, что мы должны были сочинить первую ужасную песню, чтобы наш следующий записанный трек был немного лучше. Я был готов как следует поработать над тем, чтобы поскорее загрузить нашу группу в автобус и мы могли начать наше общее приключение. Такие вещи, как сочинение качественной музыки и хорошая игра на гитаре, были, в лучшем случае, вторичными вопросами. Именно поэтому я так спешил вывести нас на сцену в ту первую ночь в Cathay de Grande, несмотря на то что Стив так и не пришел ни на одну из наших репетиций, а Майк был все время бухим в жопу и едва ли у нас была хотя бы одна приличная песня.

12 Майк

Если и есть один клуб в Лос-Анджелесе, который бы считался самым знаковым в истории NOFX, это, вероятно, будет Cathay de Grande. Он был расположен на углу Аргайл и Сельма. В нем проходило три-четыре панк-шоу каждую неделю (по вечерам во вторник вход стоил всего лишь доллар). Он продержался в течение четырех или пяти лет, а неназванный источник в Википедии назвал его «самым опасным клубом в Америке».

Вот там я и встретил Эрика Сандина.

Как-то вечером я катался на скейтборде рядом с Cathay, и Эрик сделал мне комплимент по поводу моей доски с Black Flag. Действительно, крутая доска, но на самом деле Сандин исходил слюнями над ней по какой-то иной причине.

Разговор зашел о скейтбордах и музыке, и он упомянул, что играет на барабанах в Caustic Cause. На тот момент Джастин покинул False Alarm, так что Флойд и я были в поисках замены. Я пригласил Эрика присоединиться к нашей группе, но его мама не хотела его везти в Беверли-Хиллз на репетицию.

Через некоторое время я получил звонок от парня по имени Стив, который должен был стать новым вокалистом известной в Долине группы под названием America's Hardcore. Мой номер передал ему Эрик. По телефону он спросил насчет моей игры на басу и не хочу ли я поджечь с ним и его корешами. Я пришел на репетицию, где встретил барабанщика Дилана и гитариста Эрика Мэлвина.

Мэлвин и я показали по две песни каждый, и мы их конкретно забацали, но без вокала. Мы бы написали и какие-нибудь вокальные партии, если бы у нас была звукоусиливающая система для Стива, чтобы он мог орать в нее. Но даже и такое начало было довольно хорошим стартом. Однако Стив свалил после первой репы. Через несколько недель мы сыграли наши инструменталы на домашней вечеринке, и Дилан ушел вскоре после этого.

Несмотря на это, мы с Мэлвином нехило зацепились; я в очередной раз поинтересовался у Эрика Сандина, присоединится ли он к нам в роли ударника. Мы согласились репетировать у него на районе, чтобы закрепить сделку: у его отца была слесарная мастерская возле их дома, где можно было жутко шуметь. За день или два мы придумали четыре песни и назвали их NOFX.

Я всегда ненавижу это название! Это был плагиат названия «Negative FX», группы из Бостона, которая к тому времени распалась. Эрику и Мэлвину нравилось это название, и они стояли на своем. Я негодовал: «Это звучит так же, как Negative FX». Они отмахнулись: «Нет, это по-другому». Честно говоря, у меня действительно не было каких-либо лучших идей по этому поводу. Я хотел обозвать нас the Banned /Запрещенные/, но, как водится, их было на одного больше! Я подумал: «Какая, к черту, разница... с этим же не придется жить всю жизнь». В течение недели после этого дурацкого решения, рядом с клубом Cathay de Grande, я вливал себе в горло при помощи воронки 40 унций дешевого крепкого пива на шоу группы Justice League /Лига Справедливости/. Эрик Сандин знал этих ребят, поэтому после того, как они отыграли, он спросил, может ли его новая группа запрыгнуть на сцену и сыграть несколько песен на их оборудовании.

По-моему, что это был Эли Визель, который сказал: «Противоположность любви не ненависть, а безразличие». Мы были настолько плохи, что даже не заработали возгласов неодобрения толпы. Никто не слэмил из жалости к нам. Никто не хлопал из вежливости. На нас просто недолго посмотрели, а затем разошлись.

Это было первое, мать его, шоу NOFX.

Я не помню, как нас снова забукировали в клуб Cathay, но мы отыграли там еще четыре или пять шоу (в том числе на прощальном вечере, когда местечко окончательно закрылось) и разогревали такие группы, как Adrenaline O. D. /Передозировка Адреналином/, the F.U.'s /П.н. Х./, Iron Cross /Железный Крест/, Sin 34 /Грех 34/ и Reagan Youth /Рейган-югенд/⁸. Все наши выступления были встречены с той же оглушительной апатией. Мы никогда не играли для более чем десяти человек, и мы никогда не зарабатывали больше чем пять долларов. За исключением одного вечера, когда клуб подписал слишком много групп и мы срубили тринадцать долларов за согласие не играть.

На опыте своего собственного лейбла, встречаясь с таким огромным количеством групп на протяжении многих лет, я выяснил для себя, что все думают, что их группа охуительна, невзирая на веские доказательства обратного. Мы ничем от них не отличались. Это не важно, что нас не хотели заполучить в каком-то другом месте, помимо Cathay, или что мы не получали ни одного комплимента, или что нам платили больше за то, чтобы мы спокойно ушли с площадки, чем за наше выступление. Я слушал нашу демку сто раз. Мы были просто пиздаты!

⁸ Как-то Reagan Youth оставались в квартире моей мамы, когда она уезжала на выходные. Я отвел их на Capitol Records, чтобы отмастерить их первую запись, потом я отвез их в Olympic, где они разогревали Dead Kennedys. Перед толпой в 3500 панков они открыли свой сет восьмиминутным кавером «War Pigs» Black Sabbath. Толпа остолбенела, а я был поставлен в тупик. Это было, возможно, самое большое шоу, которое они когда-либо играли, и они открыли его кавером на песню Black Sabbath, потому что пошли все на хуй! Они имели двадцать пять минут на выступление и использовали восемь минут из него, чтобы сыграть именно эту песню. Это был один из моих самых важных уроков о панке: вы не можете просто выйти на сцену и делать то, что толпа хочет. Сначала вы должны сбить их с толку, немного всех кинуть через колено. До сих пор это было ключевой частью моей философии с NOFX. И именно поэтому многие люди любят нас и многие ненавидят, даже если они были на одном и том же концерте.

13

Смэлли

Однажды в парке рядом с моим домом я встретил великолепную калифорнийскую девушку по имени Сандра с прекрасными, как у актрисы Фэрры Фосетт, волосами. Я набрался смелости, чтобы попросить ее прокатиться со мной на велосипедах, и это было потрясающе – она согласилась! И вот мы вместе крутим педали под солнцем, сияющим на наших лицах, если бы это был фильм, там был бы такой жизнеутверждающий саундтрек с фолк-музыкой 70-х и плавной сменой кадров.

А потом мне приспичило пострать.

До моего дома было несколько миль, но бульканье в моих кишках посылало очень четкий сигнал: «Это происходит прямо сейчас, нравится ли тебе это или нет». По милости, велосипедная дорожка проходила мимо маленького сортира, поэтому я извинился и надеялся, что смогу без проблем справиться с этой задачей.

Я резко спустил штаны, сел и расслабился. Но чего я не знал, так это то, что нижняя часть моей, на несколько размеров больше, трикотажной сетчатой футболки закрывала зону свободного сброса. Я выпустил пару кварт пудинга из моей жопы, но, по крайней мере, целая пинта или около того удержалась в подоле.

После того как я закончил, я подумал, что подарю Сандре небольшой эротический подарок и выйду из сортира без футболки. В связи с этим я ухватил воротник футболки и начал ее стягивать. Когда я ее тянул, я почувствовал, что что-то тяжелое волочится вдоль моей спины. Потом по моей шее, через мои волосы. И в довершение – вниз по лбу и переносице.

Я понял, что произошло, когда увидел жирную коричневую полосу на подоле футболки. Говно текло от моей задницы к моему носу, как полоса на спине скунса. В туалете не было ни раковины, ни зеркала. Все! Игра закончена... Чувство унижения было настолько мощным, что было похоже на некий внетелесный опыт. Я вышел, сел на велик и без единого слова поехал домой. Никогда больше я не видел красавицу Сандру.

Но даже это было не так унижительно, как первый концерт NOFX.

* * *

У нас не было запланированного шоу; мы просто тусовались в Cathay de Grande, как всегда. Мэлвин был приятелем кого-то из выступавших парней, и его вдруг нахлобучило спросить, можно ли его свежевылупившейся пару недель назад команде, чей вокалист провел весь вечер на парковке, вливая себе в горло пиво через воронку, подняться на сцену и сыграть несколько песен на их аппарате.

Я не знаю, надлежащим ли я образом подчеркнул, насколько плохо Майк и Мэлвин играли на своих инструментах в то время, но это был натуральный кошмар! Пограничное состояние не улучшало способностей Майка, а Мэлвин пытался замаскировать свою застенчивость, обезьянничая со своим усилителем, все время стоя задницей к аудитории, что не добавляло зрелищности его исполнению. Я не люблю оправдывать себя, но мне вручили такие две барабанные палочки, которые были настолько убиты, что к концу нашей первой песни я заработал себе адовые мозоли. Даже если бы мы притащились туда с лучшими песнями в мире, все равно звучали бы как куча дерьма.

Да, мы не написали охуенных песен. Где-то в середине второго трека я понял, насколько NOFX ужасная банда. Толпа просто безучастно смотрела сквозь нас, в то время как мы позорились шестью песнями, сыгранными подряд.

Майк был лишь на пару градусов меньше бухим на паре последующих, настолько же плохих шоу, которые мы сыграли, поэтому Мэлвин и я размышляли о том, чтобы выгнать его. Эта идея, возможно, возникла у Челси, подруги Мэлвина, которая хотела заменить Майка. Я не могу себе представить, как бы сложилась моя жизнь и чем бы она закончилась, если бы мы все-таки решились на это.

Несмотря на то что наши выступления конкретно отсасывали, я был впечатлен песнетворчеством Майка. Помню, как я трындел по телефону с телкой, пытаюсь ее охмурить, и хвастался своей бандой. Я думал, что произведу на нее впечатление, прочитав наши совершенно глубокие слова к песне «No Problems»:

Сижу один,
Нет рядом друзей.
У тебя шприц в одной руке,
А в другой – одно пиво.

Но это произвело прямо противоположный эффект тому, чего я хотел добиться. Вероятно, был шанс переспать с ней, но до тех пор, пока я не прочитал ей тексты наших песен и не упустил его.

В течение первых нескольких месяцев мы играли в такой же обойме одинаково плохих банд в крошечных барах и на небольших вечеринках. Каждый раз, когда мы заканчивали наш сет, я чувствовал себя неловко. Однажды мы играли в каком-то репетиционном помещении, и после шоу какой-то, на вид – хеви-металист, двадцатилетнего возраста, подошел ко мне и сказал: «Ты – хороший барабанщик. Ты – единственное, что есть хорошего в этой группе. Все остальные – просто говно!»

Музыкальный инстинкт должен был оттолкнуть меня от NOFX, но по непонятным причинам я оставался в команде. И мы продолжали весело прожигать время. Это была та музыка, которую я любил, и со мной были парни моего возраста! Я объявил Caustic Cause, что я ухожу играть в мою новую банду.

Они сильно не переживали. Панк-группы в то время не строили карьер, так что, теряя ударника, они не воспринимали это как трагедию; я сам, начиная работать с бездарной группой с нулевой репутацией, не воспринимал это как необдуманный финансовый шаг.

Я Просто Хотел Играть Громкую, Быструю Музыку С Моими Корешами. И время от времени кататься на доске.

Запись в студии Mystic Studios.

14 Майк

Мы убедили Дона Боллеса, барабанщика из Germs, стать продюсером нашего демо. Под этим я подразумеваю, что мы как-то вечером встретились с ним в Cathay и предложили подкинуть ему бабок на бензин, чтобы он на следующий день провел в студии несколько часов, пока мы будем живьем прописывать девять обреченных на успех песен.

Я писал большинство текстов, потому что другим было в падлу это делать. Один из наших треков был типа заглавным и назывался он просто «NOFX»:

Играем для панков, не за налик.
Наша музыка быстра, но это не мусор,
Тексты о том, что мы думаем.
На сцене в такой же одежде, как и на улице,
Мы NOFX!

Может быть, это не самая утонченная и высокоинтеллектуальная лирика, которую я когда-либо сочинял, но эти слова все еще определяют нас очень хорошо. За исключением, может быть, первой строчки, которую я бы изменил на «Играем для панков И за налик». Нужно признать, что прошло много лет с тех пор, как нам платили тринадцать баксов, чтобы мы не играли.

Помимо Cathay в Лос-Анджелесе, мы могли вписаться только на домашние вечеринки, которые, как правило, известны тем, что имеют, скажем так, очень гибкие стандарты по оформлению гастрольных контрактов. Мы сыграли с какой-то метал-группой в средней школе; на пати в Беверли-Хиллз (на которой присутствовали актер Поли Шор и дочь Боба Дилана), и мы сыграли для двадцати человек на площадке въезда в гараж в Ла-Кресента, в то время как один из друзей Эрика Сандина избил одного из моих друзей. Но как только у нас появилась демокассета, я смог отправлять ее разным людям и договариваться о выступлениях в других городах, так что весной 1985 года без каких-либо выпущенных пластинок мы выехали в наш первый тур с четырьмя датами.

Первая остановка: Рино, штат Невада. Можно смело сказать, что это было лучшее шоу, которое мы когда-либо сыграли до этого момента, и лучшее из тех шоу, которые мы потом играли в течение последующих трех или четырех лет. В зависимости от пробок путь от Лос-Анджелеса до Рино занимает около восьми часов. Но это заняло у нас почти двенадцать, потому что мы должны были преодолеть снежные бури, когда переваливали через горы Сьерра-Невады. Мы были в многоместном универсале родителей Мэлвина, с задней дверью и большим багажным отсеком, который не имел заднего стекла, поэтому нам пришлось обернуться одеялами, чтобы согреться в то время, как снег кружился внутри тачки.

Храбрый отпор холоду окупился с лихвой – мы по-настоящему понравились толпе! Мы разогревали местных легенд 7 Seconds /7 секунд/ и сыграли для трехсот панков, которые все время слэмили. Это было в первый раз, когда мы получили какую-то реакцию со стороны толпы, не говоря уже о том, что она была положительной. Мы продали маек на \$150, а мне даже удалось трахнуть.

Мы остановились у парня-гея по имени Крис из группы Positive Force /Позитивная Сила/, чьим единственным правилом было не приводить никаких девушек к нему в дом. Я все равно привел девочку, и она ушла утром, прежде чем Крис проснулся, так что я думал,

что это сошло мне с рук, но потом хозяин нашел ее трусики и взбеленился на нас. Это был отнюдь не последний раз, когда NOFX выгоняли из чьего-то дома.

Оттуда мы направились в город Бойсе, штат Айдахо; затем – в Ашленд, штат Орегон, и сыграли несколько небольших шоу на вечеринках; а затем – в Портленд, Орегон, на выступление в клуб Satyricon. На нашем выступлении было около двадцати пяти человек, и всем, как показалось, мы понравились. Только Том из группы Poison Idea /Ядовитая Идея/ навалил дегтя в эту бочку меда: мол, наша версия «We are 138» был худшим кавером на Misfits, который он когда-либо слышал. Женская группа под названием 69 Ways /69 способов/ тоже неплохо выступили, и в итоге я переспал с одной из них, поэтому, приехав домой, я подумал: «Ни хуя себе! Четырехдневный тур – и два качественных траха! Это обязательно нужно повторить!»

Это было самое лучшее время, которое можно было придумать. Вечеринки, ночевки на полу, музыкальный отрыв, зависание с друзьями, ебля... Что было еще нужно троим панк-подросткам? Тем летом мы сразу же организовали еще один тур.

А после него Эрик ушел.

15 Смэлли

У Майка была теория, что Дон Боллес хочет выебать меня, и именно поэтому он согласился быть продюсером нашего демо. Все, что я помню, – это то, что он попросил пятнадцать баксов, чтобы заправить бензином свою машину. Я до сих пор не знаю, был ли он в помещении, когда мы записывались. Тем не менее надпись «спродюсировано Доном Боллесом из Germs» была хорошим способом, чтобы обмануть людей и заставить их прослушать нашу говняную демку.

Я разместил объявление на последних страницах журнала Flipside с моим адресом, в котором говорилось, что «если вы пришлете нам чистую кассету и конверт с маркой, мы запишем наше демо на кассету и бесплатно отправим ее вам обратно». Мне прислали около сотни пустых кассет по почте, у меня накопился их целый пакет, но я, ленивая кашка, не думаю, что я вернул и половину из них.

Вы, вероятно, слышали о таких группах, как Black Flag, которые репетировали часами и подвергали интенсивным бомбардировкам Лос-Анджелес, уклеивая город своими флаерсами, неустанно гастролируя в погоне за тем, чтобы утвердиться на рынке. Мы не были Black Flag#ом. Мы даже не парились, чтобы настроиться перед сессией звукозаписи. И мы, конечно же, не вызывали такой бурной реакции у аудитории, как Black Flag. Разослав пятьдесят «демок», я так и не получил ни слова в ответ. Чуваки, вероятно, стерли наши потуги, дабы записать на кассету что-нибудь получше.

Но, видимо, этой «демки» было достаточно, чтобы весной 1985-го застолбить для нас несколько концертов в разных местах. Мы загрузили нашу аппаратуру, себя и подругу Мэлвина Челси в универсал мэлвиновских родителей, у которого была сломана рама, так что из-за этого всегда ощущалось, что автомобиль дрейфует из стороны в сторону. Нам, однако, было все равно. Мы остановились в горах и кидали снежки друг в друга, крутили на репите кассету Subhumans на протяжении всего пути до Рино. Мы разогревали местных героев 7 Seconds, и это было не только самым большим шоу, которое мы когда-либо играли, но и самым качественным. Люди слэмили и устраивали стейдж-дайвинг – прыгали со сцены в толпу. Майк и Мэлвин подпитывались бешеной человеческой энергией, а в первом ряду была девушка, которая придумывала собственные слова к нашим песням, делая вид, что она подпевает. В отличие от всех других гигов до этого момента, мне не было стыдно, когда я покинул сцену.

Мы остались в ту ночь у прыщавого рыжеволосого гея, который ненавидел девушек и сказал, что его единственное правило – без баб в доме. Майк, конечно, нарушил это правило. Я собирался заснуть на диване, когда услышал недвусмысленный ритмичный хлюпающий звук и посмотрел вниз. Там я увидел Майка, который ебал свою новую подругу прямо рядом со мной на полу. Некоторое время я наблюдал, как они наяривают друг друга, и подумал: «Братан! Ну ты – молодец!»

В этой поездке ближе всего я подошел к траху до нашего шоу в Портленде, в штате Орегон, когда парень, который пел в разогревающей группе, стал угрожать, что изнасилует меня.

Мы организовали шоу, в тепер уже, легендарном клубе Satyricon вместе с местной бандой the Oily Bloodmen /Маслянистые Кровавые Человеки/. Вокалист Рич* предложил нам остановиться у него на ночь. Когда мы въехали в город и постучали в его дверь, до этого мы никогда не виделись. Он был стремным толстяком с вьющимися рыжими волосами и глазами, которые смотрели в разные стороны. Его дом был замызганным, и здесь пахло смер-

тью. Все это было как в фильме *Silence of the Lambs* /Молчание ягнят/. Сразу же я посмотрел на Майка, Мэла и Челси, и мы все безмолвно поняли, что мы там спать не будем. Но прежде чем мы смогли придумать оправдание, мы оказались на прогулке по городу с Ричем. Вдруг, как черт из табакерки, он повернулся ко мне и сказал: «Сынок, тебе когда-нибудь засовывали кулак в жопу?»

Никто из нас не знал, что сказать. По-моему, я кротко ответил: «Чувак, но...» Но он продолжал доебываться: «О, я буду тебя жестко ебать. Там гей-бар за углом – мы свяжем тебя и засунем бейсбольную битку в сраку». Я был чертовски напуган.

Я оттащил Майка в сторону, как только мы оказались наедине, и сказал: «Я не останусь с ним. Мы должны уйти!» Это было похоже на то, как будто Чарльз Мэнсон поселился в моей голове, разрывая на части мой мозг. Все время Рич был то слишком дружелюбным, то начинал пялиться на меня с видом, типа «Я убью тебя!», когда никто на нас не смотрел.

Примерно через полчаса после этого Рич сказал: «Не, малыш, я просто мозг тебе ебу, дружище. Я не собираюсь ебать твою жопу!» Я с облегчением улыбнулся. Конечно! Я же должен был понимать, что он просто шутит. И тогда он сказал: «Нет, но я прибью тебя на хуй».

В тот вечер перед нами играли *the Oily Bloodmen*, и мерзкий типаж Рича оказался большим преимуществом на сцене, потому что они были действительно клевыми. У них была местная группа поддержки в составе около сорока человек, которые подбадривали их криками. Мы вышли играть вслед за ними, и снова была гробовая тишина. Мне опять было стыдно.

Ребята из *Poison Idea* позволили нам остаться с ними в ту ночь, поэтому после шоу мы развлекались у них в доме. Мэлвин, Челси и я закинулись кислотой и сидели во дворе, наблюдая за тем, как звезды и облака перемещаются, затем вихрем закручиваются в порывах ветра и танцуют в небе. На другой стороне улицы стоял прислоненный к дому велосипед, и в его тени я видел женщину, которая крутила педали, но не трогалась с места.

Затем мы вернулись внутрь, уселись вокруг телевизора и стали смотреть «В мире животных» с участием шимпанзе. Мэлвин сидел в стороне со скрещенными ногами и слегка приоткрытым ртом. Я посмотрел на него, а затем обратно в телевизор... а потом опять на него... и снова – в телевизор... и затем кислота открыла мне глаза: Мэлвин был просто ебучей обезьяной!

Я ненавижу издеваться над одним из моих лучших друзей, которых я когда-либо имел, но серьезно: чувак выглядит как обезьяна. Если вы посмотрите на его черты лица и структуры кости, а затем посмотрите на шимпанзе (особенно в те дни, когда у Мэлвина была бритая голова, и в особенности когда вас нешуточно прет ЛСД), вы увидите поразительное сходство. «О Боже! Мэлвин – ебучая обезьяна! Он – недостающее звено». Я не произносил ничего из этого вслух; я просто склеивал по кусочкам тайны Вселенной внутри моей головы. Но спустя некоторое время я назвал его «обезьянней мордой», а Майк, бля, чуть не умер от смеха.

По мере того как всходило солнце, мой мозг делал заключение: «Мы все просто существа на этой планете... мы произошли от обезьян... посмотри на Мэлвина, он – один из них!», а эта безумно страстная девушка по имени Пола свернулась со мной на диване калачиком. Она протянула руку, схватила меня за промежность и сказала: «Хочешь, пойдём отсюда?»

Я сел к ней в машину и поехал к ней домой, но, когда пришло время, чтобы нажать на курок, я не мог этого сделать. Ей было двадцать пять лет, а мне было восемнадцать, и это – две большие разницы. У меня был секс только с несколькими девушками, и я был смущен. Кислота распустила мои нюни, и я прохныкал: «У меня есть девушка». Я жалею об этом до сих пор. Если бы я должен был сделать антинаркотическую рекламу, я бы не стал утруждать

себя разговорами о потенциальной тюрьме, бедности или наркомании. Я бы просто показал фотку Полы и рассказал, как наркотики отсекали мне хуй в ту ночь.

Как я уже сказал, мой опыт с Ричи был ближе всего к сексу. На самом деле позже мы стали друзьями. Славный малый, да.

16

Мэлвин

Сейчас капитаном корабля NOFX является Майк, но я был тем, кто отвечал за организацию нашего первого тура. С самого первого дня моей целью было отправиться в дорогу, а теперь у меня была команда, с которой я мог сделать это. Жутко хотелось увидеть все эти захватывающие и экзотические места, о которых я читал в журнале Maximum Rocknroll. Например, такие, как г. Бойсе в штате Айдахо.

Я разослал письма и демокассеты по адресам нескольких десятков промоутеров, и один парень из Бойсе предложил нам \$200, чтобы мы отыграли шоу в его гараже. Я достал карту, разработал эффективный маршрут и устроил всем «кучу-малу» в универсале моих родителей Ford Country Squire 72-го года, с отделкой боковых дверных панелей «под древесину». Примерно за неделю до тура я ехал на этой машине вместе с моим усилителем на заднем сиденье. Каким-то образом он завалился и разбил заднее окно, поэтому мы поехали из Лос-Анджелеса в Неваду с тяжелым пластмассовым листом, приклеенным вместо стекла технологическим скотчем. Это было терпимо, пока мы не стали пересекать Сьерра-Неваду и не попали в снежную бурю.

У меня в машине были цепи для снега как раз для такого случая. Но я никогда не ставил цепи на колеса машины раньше. Онемевшими пальцами я пытался их одеть, в то время как другие парни бросали снежки друг в друга, а грузовики пролетали мимо, обдавая нас мокрым снегом. Вскоре подъехал коп.

Он спросил, что мы делаем. Я объяснил, что мы ставим ебанные цепи. Он засмеялся и сказал нам, что снег идет только на вершине горы, если бы мы проехали еще десять минут, то выскочили бы из снежной зоны полностью.

Мы принимали трудности как должное, потому что все были радостно взволнованы тем, что мы вскоре доберемся до Рино на наш первый официальный ангажемент на разогреве парней из 7 Seconds. Единственная проблема была в том, что у нас не было официального букинга. Когда я позвонил промоутеру в Рино, чтобы организовать нам шоу, он сказал, что только что забронировал место для гига 7 Seconds и не хочет букировать никого в эти даты. Я спросил, сможем ли мы разогревать этих ребят, и он ответил: «Спрошу. Посмотрим», – и больше не перезванивал после этого. Выходит, что нам никто не подтверждал участие в концерте.

Промоутер не мог поверить, что мы приехали.

– Что вы здесь делаете? Я же не говорил, что вас подтвердили!

– Я знаю, но, может, мы все-таки сыграем?

Должно быть, он пожалел нас из-за того, что я был так наивен, и того, насколько далеко мы уехали от дома, поэтому он проворчал: «Вы можете играть в течение получаса сразу после открытия дверей». Таким образом мы просто нарисовались на их пороге, но Майк и Эрик всю дорогу думали, что мы забукированы. Об этом факте парни, вероятно, впервые узнают в этой книге.

17

Смэлли

В Лос-Анджелесе мы всегда играли с несколькими группами, которые играли так же плохо, как и мы. Но когда мы вернулись из тура, я почувствовал, что NOFX отделились от стаи аутсайдеров. Вдруг мы стали «гастролирующей» бандой! Может, мы до сих пор и получали пустые взгляды от нашей аудитории, но, по крайней мере, теперь мы получали их за пределами нашей зоны комфорта.

Мы также записали несколько песен для нескольких сборников: ужасную версию «Iron Man» для какой-то компиляции каверов, песню, которая была меньше минуты для компиляции Party or Go Home с огромным количеством песен продолжительностью меньше шести-десяти секунд, и песню под названием «Cops and Donuts» для компиляции Copulation. Тогда мы записали и треки для нашего первого реального семидюймового EP.

Казалось, что процесс пошел. Поэтому я выбрал именно этот момент, чтобы уйти из группы.

Я был упрямым ребенком. Когда я сказал Майку и Мэлвину, что в моей семье планируется совместный отпуск примерно в то же время, когда и наш второй тур, я почувствовал себя оскорбленным: они не были готовы уважать мой личный график. Они задавались вопросом, почему двоим приходится менять планы из-за меня одного. Это не было большой ссорой; мы просто как-то сели поговорить, и я сказал, что должен уйти.

Я был упрямым, и я поступал неумно. Зачем вообще мне было ехать в отпуск со своей семьей? Знаете, что мы делали во время таких отпусков? Мы ехали на сотни миль от дома, в то время как мои родители кричали друг на друга, ругаясь из-за направлений и карт. А в конце мы так и не посетили парк Валли Ворлд, зато мы наездили по этим ебанным стальным заводам и фабрикам, потому что вся эта техника приводила моего папу в восторг. Были, правда, некоторые приятные и спокойные моменты типа рыбной ловли или катания на байдарках и каноэ, но и там было много стрессовых моментов, когда вдруг раздавались вопли по поводу неправильно привязанной лодки, например. Закидываться кислотой под звездами и осознавать, что к тебе клеятся двадцатипятилетние телки, было значительно предпочтительнее. Но глупой гордости мне было не занимать.

Хуже всего было то, что NOFX нашли нового барабанщика довольно быстро. Парня звали Мэтт, из группы под названием Fatal Error /Фатальная Ошибка/; он был с дредами и, в общем, выглядел круто. Я все еще был в друзьях с Майком и Мэлвином, поэтому как-то я заглянул к ним на репетицию, чтобы чекнуть Мэтта (и, возможно, пометить еще раз мою территорию). Парень пиздец как мочил! Это было похоже на то, как если бы ты увидел свою бывшую подругу с более темпераментным, богатым и мужественным чуваком. Я был удручен. В особенности когда мои родители, в конечном счете, отменили наш отпуск, и оказалось, что я бросил группу ради ничего. NOFX уехали в турне, а я остался в пыли.

Однако у меня все равно сохранялись кое-какие хорошие воспоминания. Так что, когда первый 7-дюймовый винил NOFX появился на прилавках магазинов, я полагал, что, по крайней мере, теперь могу хвастаться, что я когда-то был в этой группе. В день релиза я побежал в пластиночный магазин, чтобы вырубить экземплярчик, сразу, как только закончился урок. На задней обложке были фотографии Майка, Мэлвина, а также их нового барабанщика Скотта (я предполагаю, что Мэтт бросил их перед отъездом на гастроли тоже). Все их имена были выделены большим, жирным шрифтом. Рядом же с крошечной звездочкой было нацарапано: «Все партии барабанов сыграны Эриком Сандином, нашим бывшим барабанщиком». Я пошел прямо к дому Мэлвина, чтобы надрать ему жопу.

**NO F-X
SERIE**

News letter

HI!

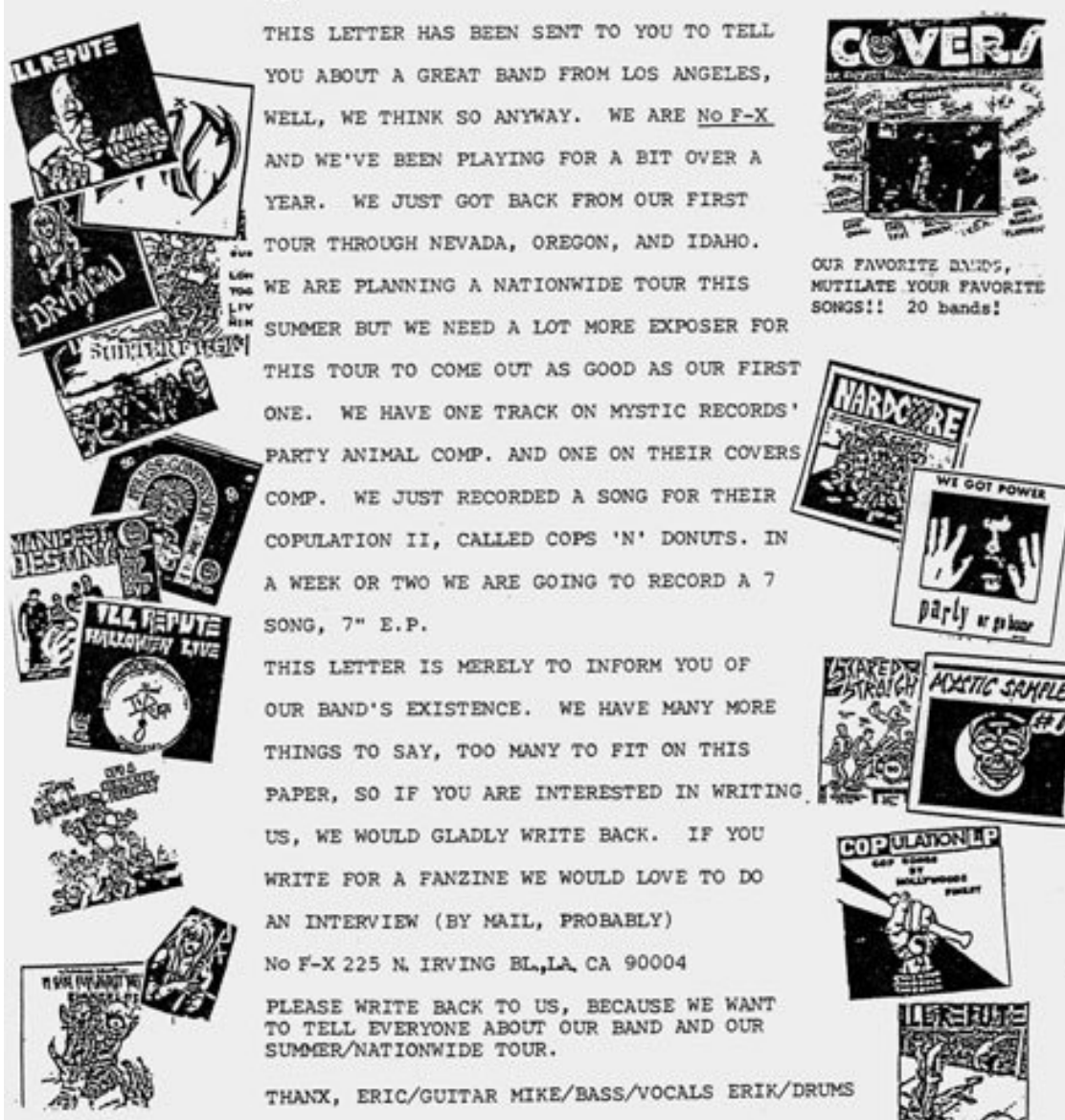
THIS LETTER HAS BEEN SENT TO YOU TO TELL YOU ABOUT A GREAT BAND FROM LOS ANGELES, WELL, WE THINK SO ANYWAY. WE ARE No F-X AND WE'VE BEEN PLAYING FOR A BIT OVER A YEAR. WE JUST GOT BACK FROM OUR FIRST TOUR THROUGH NEVADA, OREGON, AND IDAHO. WE ARE PLANNING A NATIONWIDE TOUR THIS SUMMER BUT WE NEED A LOT MORE EXPOSER FOR THIS TOUR TO COME OUT AS GOOD AS OUR FIRST ONE. WE HAVE ONE TRACK ON MYSTIC RECORDS' PARTY ANIMAL COMP. AND ONE ON THEIR COVERS COMP. WE JUST RECORDED A SONG FOR THEIR COPULATION II, CALLED COPS 'N' DONUTS. IN A WEEK OR TWO WE ARE GOING TO RECORD A 7 SONG, 7" E.P.

THIS LETTER IS MERELY TO INFORM YOU OF OUR BAND'S EXISTENCE. WE HAVE MANY MORE THINGS TO SAY, TOO MANY TO FIT ON THIS PAPER, SO IF YOU ARE INTERESTED IN WRITING US, WE WOULD GLADLY WRITE BACK. IF YOU WRITE FOR A FANZINE WE WOULD LOVE TO DO AN INTERVIEW (BY MAIL, PROBABLY)

No F-X 225 N. IRVING BL., LA, CA 90004

PLEASE WRITE BACK TO US, BECAUSE WE WANT TO TELL EVERYONE ABOUT OUR BAND AND OUR SUMMER/NATIONWIDE TOUR.

THANX, ERIC/GUITAR MIKE/BASS/VOCALS ERIK/DRUMS

COVERS
OUR FAVORITE BANDS,
MUTILATE YOUR FAVORITE
SONGS!! 20 bands!

Я демонстративно вышагивал по его улице, я сжимал кулаки, я постучал в его дверь... но когда я посмотрел в глаза моего приятеля, я не смог ничего сделать. Я пошел туда с четкой целью нокаутировать его, потому что я был злым, отверженным и оскорбленным, но я не смог ударить моего маленького друга-обезьянку. Я сказал ему прямо в лицо, что он едва избежал моих побоев. Он стал тараторить свои оправдания: «Я не делал этого! Это – Скотт! Он забирал дизайн, и он относил его для тиражирования!» Я знал, что это – хуйня: раньше

Мэлвин всегда отвечал за иллюстрации и графику⁹. Но как можно сердиться на Эрика Мэлвина? Вполне возможно, он самый сладкий парень во всей Вселенной. Я думаю, что я мог бы пойти к дому Майка и вместо этого нокаутировать его, но он жил достаточно далеко, и было уже поздно.

Я кипятился по этому поводу всю ночь. Все мои друзья, семья, все знали, что я был в этой группе. Я был в туре с ними, мы играли все эти шоу и написали каждую из этих песен, проделав вместе всю эту работу. И все, что я мог показать в результате, была звездочка. Я был унижен, хотя сам заварил эту кашу: ведь это я, тупица, а не кто-то другой, бросил группу.

Хотя до сих пор, натываясь на копию этой старой 7-дюймовки, я думаю: «Бля, ну и суки».

⁹ И он признался в этом годы спустя.

18

Мэлвин

Когда Эрик пришел ко мне домой в ту ночь, мне повезло в том, что в дверном косяке была еще одна сетчатая ширма между ним и мной. Я сделал вид, что на ширме не работает замок и я не могу его впустить. Я спалил, что он намеревается наградить меня, по крайней мере, фингалом.

Я говорил только полуправду, когда обвинил Скотта в том, что он разместил свою фотографию на обложке 7-дюймовки. Скотт работал в каком-то фотосалоне, где можно было бесплатно работать с негативами, так что имело смысл поставить его на обложку и получить прямую выгоду, сыграв в его пользу. Добавить его фото, не потратив из своего кармана ни копейки. Тогда мы были уверены, что Эрик больше никогда не вернется.

Скотт, по сути, отвечал за оформление произведения искусства, но Майк и я четко знали, что Эрик на нашем первом релизе будет просто звездочкой в уголке.

Извини, чувак, но не нужно было сваливать!

19 Майк

Я купил потрепанный фургон Dodge за 1500 баксов с тем, чтобы мы могли мгновенно отправиться в тур снова. Возле моей квартиры был цветочный магазин, где использовали такой же тип фургона для доставок, поэтому одной ночью мы с Мэлвином взяли инструменты и скрутили с их фургона тормозные лампочки и все остальные запасные части, в которых мы нуждались для того, чтобы легально ездить по улицам. Когда мы путешествовали, мы экономили деньги на бензин за счет того, что у нас был Мэлвин, который его отсасывал из других автомобилей. Я предполагаю, что это была карма, потому что мы ломались на дороге по крайней мере раз пять в туре этого лета.

Как правило, когда группа начинает гастролировать, в большинстве случаев толпа их поклонников начинает медленно разрастаться. Наши туры, казалось, имели противоположный эффект. Мы повторно отправились в Рино и Ашленд через два месяца после нашей первой поездки туда, и никто не пришел на наши выступления. С 1985 по 1989 год, каждый раз, когда мы повторно возвращались в города и играли в них, публики становилось меньше.

Семья Эрика решила провести отпуск в Мексике или Айдахо, или еще где-то, но я был полон решимости снова отправиться в путь, в надежде опять как следует потрахаться. После нескольких прослушиваний мы нашли барабанщика по имени Скотт Селлерс и отправились в тур с плохой посещаемостью наших шоу на все лето по всей территории Соединенных Штатов. В Детройте, в клубе под названием Blondie's мы играли буквально для четырех человек. Все ушли после первой песни.

Наше первое шоу с участием Скотта. Детвора была чем-то очень заинтересована. Но только не нами. (Зацените Мюррея Боулза в правом нижнем углу... Который НЕ фотографирует нас).

Cabaret Voltaire в Хьюстоне.

Гостиная, только в Новом Орлеане.

Грин-Бей, штат Висконсин. Не, серьезно: вы когда-нибудь видели так много фотографий с людьми, сидящими на панк-шоу?

Клуб The Metroplex в Атланте, на разогреве у Articles of Faith /Догматы Веры/.

Поломка номер пять.

20

Мэлвин

Я знал, как работает сифон, и решил применить эту концепцию для откачки бензина. Однако прежде я никогда этого не делал. Если бы у нас была прозрачная трубка, возможно, я бы мог видеть, когда бензин доходит до моих губ, и избежать полного рта с 87 октанами. Мы делали это при помощи обычного садового шланга, так что я принял на грудь по меньшей мере четыре или пять больших бензиновых глотков во время этого первого масштабного тура по США.

Со всем отсутствием на наших концертах людей и фургоном, ежедневно бунтующим против нас, этот тур можно было бы считать катастрофой. Если бы мы сами не получали столько удовольствия. Когда не получалось застолбить какие-то даты в гастрольном графике, мы устанавливали наш аппарат в подвале или в местном парке и мочили импровизированные концерты. Как-то мы остановились в доме моего дяди в Кливленде на пять дней и устроили шоу на заднем дворе для моей тети и кузенов. Музицирование само по себе было наградой, и оно стоило того, чтобы хуево питаться в некоторые из вечеров.

По крайней мере, так себя ощущали мы, но, возможно, наша аудитория чувствовала другие вещи. Сохранились фотографии нашего «шоу» на заднем дворе моего дяди: мой шестилетний двоюродный брат Дэнни балагурит на камеру, гримасничает и затыкает уши пальцами.

Да... балагурит...

* * *

Будучи подростком, я вел секретную жизнь бойскаута высокого ранга и заядлого игрока в «Dungeons & Dragons» /«Драконы и подземелья»/. У меня до сих пор сохранились все мои старые D&D книги, и меня не волнует, если вы назовете меня ботаном. Я думаю, что они – крутые. Когда мне было пятнадцать, я пригласил одного из моих друзей по играм, Дейва Рида, на семейный праздник домой к моим тете и дяде. Жена брата моего отца была из огромной ирландской семьи, так что на их тусовки всегда приходило такое количество братьев, сестер, разных каких-то маленьких детей и двоюродных кузенов, что я не мог запомнить всех имен.

На вечеринке в прошлом году я не мог не заметить мягкие каштановые волосы, узкие бедра и вообще всеохватывающую сексуальность новой двадцатипятилетней серфер-хиппителки шурина брата моего папы. Как и любой хороший «D&D» ботаник, я читал много научной фантастики/фэнтези даже во время вечеринок. Она заметила, что я читаю *Stranger in a Strange Land*, и взволнованно завязала со мной об этом разговор. Я не придавал этому значения, пока не начался ужин. И когда мы сидели рядом друг с другом, она наклонилась, чтобы прошептать мне что-то, а потом тяжело задышала мне в ухо.

Дом дяди Гарри в Авроре, штат Огайо.

По моему телу прокатился озноб, так как мое пятнадцатилетнее «Я» не имело ни малейшего представления о том, как это интерпретировать. Этот озноб засел в моей памяти до вечеринки следующего года, в отличие от ее имени. По-моему, очевидно, что с «подругой-брата-тетки-не-по-крови» можно язык сломать, поэтому я буду называть ее просто Джиллиан, как звали одного из персонажей в *Stranger in a Strange Land*. Джиллиан пригласила меня пойти на улицу вместе с ней, за нами увязался Дейв, еще не понимающий концепции «второго пилота». Джиллиан долго ходила с бокалом вина в руке, но не допивала его, как вдруг быстро и с усилием проглотила его остатки и вежливо попросила Дейва наполнить бокал снова.

Когда дверь закрылась за Дейвом, Джиллиан схватила меня за руку и сказала: «Пойдем!», утягивая меня на задний двор дома по соседству. Она села на шезлонг и спросила: «Ты хочешь поцеловать меня?»

– Хорошо...

И вот я целуюсь и обжимаюсь с двадцатипятилетней телочкой.

Для большинства тех, кому пятнадцать, – это просто фантастика, но я должен признать, что был немного шокирован. Я не был готов к этому и я не был достаточно взрослым, чтобы врубиться в это. Если подумать о таком же зеркальном сценарии между мужчиной и женщиной, он может показаться гораздо более жутким. Но я не говорю, что я не возбудился.

Была сорвана одежда, Джиллиан схватила мой хуй и засунула его в себя. В разгаре потери девственности я услышал скрипучий голос Дейва с другой стороны забора: «Ребята?»

Я сделал все возможное, чтобы игнорировать его, но через минуту я услышал, как меня звала мама: «Эрик? Где ты?»

Я приостановился.

– Блядь, это моя мама!

– Ничего страшного, пойдем!

Джиллиан потянула меня дальше вглубь дома соседа. Она отступила к стене и раздвинула ноги. Я пытался ебать ее стоя, но я все еще мог слышать, как меня зовут мама и Дейв: «Эрик? Эрик!» Дейв Рид, если ты читаешь эти строки, я закрепляю за тобой звание Наихудшего Второго Пилота Мира.

Я натянул штаны и побежал обратно во двор моей тетушки, изображая беспечность любого пятнадцатилетнего паренька, который только что пробежал 20 ярдов после того, как он поебался с подружкой его полу-дяди. Они спросили, где я был. Не помню, какую отмазку я придумал, но уверен, что ни одна из них не прокатила. Все снова вернулись на вечеринку и сделали вид, что все было нормально.

Под конец вечера Джиллиан дала мне свой номер телефона. Я прятал его в нижней части ящика в течение длительного времени, слишком напуганный для того, чтобы использовать его по делу. На следующий год, по мере приближения праздников, я более охотно, чем обычно, стремился их отметить в доме у моей тети, горячо поддерживая нашу семейную традицию.

Мои родители решили, что мы больше не будем ездить к ней в гости. Они никогда не объясняли причины. Вскоре после этого, набравшись смелости, я позвонил Джиллиан, но такого номера телефона уже не существовало. Не могу с уверенностью утверждать, что моя мама поняла весь замес, но после этого я никогда больше не встречался с моей случайной возлюбленной.

Я думал о ней в течение многих последующих лет. Если бы я знал имя, я мог бы найти ее в Интернете, но я так никогда и не смог придумать предлог, который не казался бы нелепым, чтобы выудить нужную информацию из моих тети или дяди.

* * *

Спустя одну или две подружки я был на вечеринке где-то около Лос-Анджелеса, выпивая пиво с милой крашеной блондинкой по имени Челси. Ее короткие волосы и сапоги делали ее похожей на скинхеда, а ее густой макияж мулатки выдавал в ней мексиканку из низов. В любом случае я запал на нее, а она, должно быть, запала на меня, потому что вскоре мы очутились в одной из спален.

Какое-то время мы пороллись на чьей-то кровати, и она была сверху. На мгновение она остановилась, посмотрела вниз и сказала: «Извини... а как тебя зовут, повтори еще раз?»

Мы рассмеялись, и между нами зародились отношения. Но то, как они начинались, было признаком того, что они не будут здоровыми.

Отец Челси был байкером, ее мама была олд-леди – байкеровской телкой с недостающими зубами, ее брат был частью банды FFF. Они жили в получасе езды на запад от Лос-Анджелеса, вблизи города под названием Роузмид, и когда я к ним приезжал, они приглашали меня на ужин из макарон с сыром. Ее батя угощал меня пивом Coors, починяя свой драндулет. Они были приятными, дружелюбными людьми, совсем не похожими на тех, среди которых я вырос. Челси один раз показала мне фото, сделанное на «Поляроид», с изображением рта ее мамы вокруг члена отца. Я поморщился при мысли о таких зубах, находящихся близко к чьим-либо интимным частям тела, но предполагаю, что ее отец тогда наслаждался в достаточной мере, раз уж решил запечатлеть это событие.

Сколько бы ни была милой эта беспокойная семейка, они сделали малышку Челси несколько шероховатой. Она была темпераментной – и это еще мягко сказано! Моя подружка всегда устраивала драму. Обычно происходило так: «Мне не нравится, как эта краля смотрит на меня». В принципе, это могло быть каким-то другим, часто мнимым пренебрежением

или неосторожностью со стороны других, что перерастало в крики и/или пощечины. Иногда она просто нарывалась сама, например когда стала приставать к Майку: «Этот твой пидорский причесон дэвил-лок тебе не идет», а затем шлепнула его, схватив за волосы, когда тот ей сказал, чтоб она заткнулась. Майк посмотрел на меня исподлобья и спросил: «Что мне прикажешь делать?»

«Делай то, что тебе нужно сделать. Она же до тебя доебывается».

Он двинул ей в живот, но Челси его не отпускала; тогда Майк вцепился ногтями в ее лицо, чтобы наконец вырваться на свободу.

Я принимал участие в немногих драках в жизни, но я думаю, что было бы справедливо сказать, что большинство из них были из-за Челси. Она вступила в какой-то глупый махач с нашим ударником Скоттом во время нашего первого тура по США. Я сидел за рулем фургона, когда услышал знакомый галдеж Челси и ее нытье с заднего сиденья, с последующим: «Пошел на хуй, Скотт!» И шлепок.

Я заорал: «Блядь, ребята! Прекратите эту хуйню!», обернулся и увидел, как Скотт отводит руку назад, готовясь к удару. Я съехал на обочину, но машина полностью не остановилась, я выпрыгнул из водительского сиденья в заднюю часть вестибюля и напал на Скотта. Мы сцепились друг с другом, в то время как наш фургон медленно поворачивал обратно к шоссе. Майк схватил руль и резко затормозил. Неестественный скрежет трансмиссии прекратил потасовку (вероятно, впоследствии это стало причиной наших многочисленных поломок).

Наше следующее турне было зимним пробегом в Техас с другим парнем по имени Скотт на барабанах и моим другом Дейвом Алленом в качестве временного вокалиста. В Далласе, в канун Нового года, мы мочили на сцене, в это время Челси отчаянно кричала и делала мне сигналы сбоку сцены. Она показывала на свое лицо, которое, казалось, все было красным, а затем – на какого-то парня, стоявшего рядом с ней. Я пытался читать ее по губам: «Он ударил меня!»

Я инстинктивно сдернул свою гитару, побежал по сцене и накинулся на того парня. Я сбил его с ног и, обмениваясь ударами, мы скатились со сцены на пол. Он оказался верхом на мне, но Майк прорвался через плотную толпу и оттащил парня в сторону.

– Уебок! Ты ударил мою девушку!

– Нет, я этого не делал!

– Челси, что случилось?

Она пояснила: «Он поцеловал меня».

В итоге я был злее на Челси, чем на того парня. Мы продолжали ругаться всю оставшуюся часть ночи, я даже не помню, закончили ли мы наш сет. Хуже всего, однако, было шоу в Бейкерсфилде, когда Челси вступила в драку с какой-то девушкой, которая не так на нее посмотрела. Они начали пихать друг друга, а ее бойфренд стал прикладывать руки к Челси.

Опять же сработал инстинкт: от одного удара я сломал парню нос. Он сложил пригоршней руки к лицу, и его ладони быстро наполнились кровью. Бля, что я наделал? Мой гнев мгновенно сублимировался в раскаяние. «Ебанный в рот! Я принесу тебе льда!»

Кто-то схватил меня: «Оставь его! Ты уже достаточно причинил ему боли!»

Я все равно принес ему немного льда. Кто-то сказал мне позже, что этот парень – мудака и это был не первый раз, когда ему ломают нос на шоу, но это не имело значения. Что эта девушка делала со мной? И почему я позволял ей это делать? Пришло время, чтобы расстаться.

А потом она сказала мне, что была беременна.

У нас состоялся долгий разговор о том, что делать дальше. Мне было девятнадцать лет, а ей было семнадцать, и мы оба жили с родителями, ничего не зная о воспитании детей. Мы

едва понимали, что ломать носы случайных людей – не является правильным проведением субботнего вечера.

Это было как в фильме «Беспечные времена в Ричмонд-Хай»: \$200 и авто, за исключением того, что я заплатил счет за аборт и покорно ждал в клинике. Через сорок минут после начала встречи с врачом подруга вышла в слезах. Она рассказала мне о вытекшей крови и как они сказали, что нужно ожидать кровотечения еще.

Бремя этого опыта окончательно подтолкнуло отношения к точке разрыва, но оно также и сблизило нас. Мы остались друзьями после расставания и до сих пор время от времени общаемся. У нее есть теперь семья; а один из ее троих детей даже фанат NOFX.

Я не могу себе представить, как иначе бы сложились наши жизни, если бы она оставила этого ребенка. По всей вероятности, NOFX тогда бы помнили только по одной, ужасной 7-дюймовой записи (или, что более реалистично, не помнили бы вовсе), потому что мои приоритеты были бы совсем иными. Я бы получил хуевую работу и погряз в рутине постоянных драк и жизни в ебаном Роузмиде. В конце концов мы все равно бы расстались.

Я никогда не рассказывал родителям об этом. И даже моя группа будет читать эту историю впервые на этих страницах. Это еще один секрет, груз которого я взвалил на свои плечи и нес в течение многих лет.

На разогреве у Descendents (с Дейвом Алленом на вокале).

21 Майк

Когда моего друга Ноя чуть не зарезали, я понял, что, наверное, пришло время переезжать из Лос-Анджелеса. Ной был больше чем просто случайный панк-фанат: он был в составе футбольной команды старшеклассников в Беверли-Хиллз и не являлся участником панк-сцены. Мы отправились на концерт группы Dickies /Хуишки/ в клуб Music Machine в Санта-Монике прямо перед тем, как NOFX двинули на летние гастролы. Я думаю, что он выделялся из толпы, потому что некоторые из Suicidals нацелились на нас еще на улице.

Мой друг Бруно из Suicidals вмешался в процесс и поручился за нас. Я думал, что мы вне опасности, и вошел в клуб, а Ной остался снаружи. Через некоторое время другой мой приятель подошел ко мне и сказал: «Чувак, там твой друган. И ему хуево».

Я вышел на улицу и обнаружил Ноя на земле, с брызгающей из груди кровью. Видимо, Suicidals снова доебались к нему, он побежал, и они преследовали его, как одичавшие бродячие собаки. Я помог загрузить его в машину Эдди Мэчтингера, и он отвез его в больницу. Диагноз: ножевое ранение легкого; врачи едва смогли спасти ему жизнь. Больше Ной никогда не играл в футбол.

Примерно в то же время я как то сидел рядом с входом в Cathay во время шоу. Какие-то гангстеры избивали какого-то случайного чувака с ирокезом на парковке, в 100 футах от меня. Это была типичная ночная драка, «двадцать на одного», пока кто-то не прыгнул на шею парня. Толпа вокруг замерла, а потом все бросились врассыпную. А обмякшее тело просто осталось лежать на асфальте.

Я любил панк-рок, мне нравилось быть в группе, но не нравилась идея быть убитым за него. Это стало слишком в порядке вещей, когда на шоу кто-то подходил к тебе и говорил: «О, кстати, там твоего кореша повезли в больницу».

Как ни крути, я собирался в колледж. Несмотря на то что мои родители не были религиозными, они оставались евреями, а в еврейской семье вопрос ставится не так: «Ты собираешься в колледж?», а так: «В какой колледж ты собираешься?» Мои документы на поступление приняли в Университете Южной Калифорнии, в Государственный университет Сан-Франциско, поэтому, когда я понял, что у меня есть шанс переехать на север, я воспользовался им.

Моей основной специальностью были общественные науки, а не основной – человеческая сексуальность. Там я встретил девушку по имени Уэнди. Ее отец был богатым чуваком, но в какой-то момент он решил, что прекратит оплачивать ее расходы на колледж, поэтому она переехала в мою комнату общежития. Чтобы покрыть свое обучение, она стала велокурьером, и вылилось все это в переезд в общий дом с некоторыми из ее новых коллег.

Быть курьером на велосипеде – в меньшей степени работа и в большей – образ жизни. С нами жили шесть или восемь человек (я не беру здесь в расчет того, кто продавал кислоту по почте, вскоре его повязали и он попал в тюрьму на двадцать лет). Все они постоянно устраивали вечеринки.

У меня есть много хороших и добрых воспоминаний о том времени. Однажды подружка потащила меня на концерт Red Hot Chili Peppers в Госуниверситете Сан-Хосе, и мы не могли найти место для парковки. Мы украли парковочный пропуск из фургона с открытым окном, а также, на такой же озорной волне, дернули чемодан из кузова. Вернувшись домой, мы открыли чемодан, в котором была шляпа с торчащим из нее китом, шотландская юбка с рисунком американского флага, какие-то кожаные забродные штаны... Это были наряды, которые «Перцы» надевали на всех своих фото и на сцене во время их Freaky

Styley тура. Парни были известны своими аляповатыми костюмами, я же задавался вопросом: а почему в тот вечер они решили выступать в джинсах и футболках?

Какое-то время я носил шляпу с китом, а Уэнди – килт, но барахло куда-то подевалось и пропало. Очень жаль, так как все эти вещи были бы очень ценными сейчас¹⁰.

С Уэнди все пошло наперекосяк после того, как она попала в пару неприятных аварий на своем велосипеде. Она расколола себе череп во время одной из них, и ее поведение резко развернулось в сторону срыва башни. Она стала сердитой и капризной, постоянно завязывала со мной ссоры.

Однажды я нашел записку на своем фургоне. Какая-то девушка по имени Эрин Келли увидела, что у меня было аэрозольной краской нарисовано «NOFX» на борту, отметив, что NOFX будут играть в Санта-Барбаре в этот уик-энд. Она спрашивала, возможно ли будет за компанию доехать на юг, чтобы встретиться там с подругой. Эрин позже говорила мне, что эта поездка была самой некомфортной в ее жизни. Дело в том, что мы с Уэнди крутили музыку на полную мощь, в попытке скрыть то, что мы ссорились всю дорогу. На обратном пути в Сан-Франциско Эрин решила купить билет на автобус, а не ехать с нами.

Последней каплей в этих отношениях был поход на концерт Verbal Abuse /Словесное Оскорбление/ в г. Беркли. Мы пошли группой из семи друзей, и мне удалось провести пять человек бесплатно. Двое из друзей Уэнди бесплатно пройти не смогли. Она была в ярости, что им пришлось заплатить пять долларов за вход. Уэнди орала, а я просто продолжал отдаляться от нее. Прикончив к тому моменту литровую бутылку крепкого пива Olde English 800, я попытался открыть вторую, и вдруг она выбила ее из моей руки. Не думая, я шлепнул ее. Я испытал флешбэк, когда боялся ударить Натали из-за страха быть избитым до смерти, думая, а не пришло ли мое время сейчас. Тотчас мой друг Джерри сказал: «Десять очков, чувак!» – и все начали смеяться.

Она выставила себя на посмешище, поэтому никто не осудил меня за то, что накинулся на нее. Но девчонка была не на шутку расстроена и начала кричать: «Я ничего не вижу! Я ослепла!» На шоу была случайно оказавшаяся там Эрин, которая сразу пришла на помощь. Уэнди спросила: «Кто это?» – и Эрин ответила: «Это Эрин». Уэнди тут же ударила Эрин в живот: «Ты – причина всех моих проблем!»

Подруга была убеждена, что я изменял ей с Эрин, что было совсем не так. Мы стали друзьями после того, как я извинился перед ней за адскую шестичасовую поездку в Санта-Барбару, но это было чисто платоническим чувством. Когда же я узнал, что она любит быть связанной и отхлестанной во время секса, то мысленно перевел девицу в список тех, с кем можно встречаться.

После того как мы расстались, я жил в своем фургоне в течение четырех месяцев. Кто-то может считать это неудобством, но мне было зашибись. Я мог припарковаться перед домом друзей, отужинать, выпить с ними, а потом лежать в фургоне и сочинять песни, слушая, как дождь барабанит по крыше. Я шел на вечерние занятия, выпивал несколько стаканов и отрубался, а потом просыпался на следующее утро и почти был на уроках. Мне нравилось такое уединение. Никто не мог мне здесь докучать; это было прямо как в той песне Descendents.

Это был единственный раз в моей жизни, когда я жил в полном одиночестве. У меня всегда были соседи по дому, а когда школа закончилась, я съехался с женщиной, которую в конечном итоге перевел из списка «тех, с кем можно встречаться» в список «тех, на ком можно жениться».

¹⁰ Я знаю, что этот эпизод имеет мало общего с историей NOFX, но я просто тащусь от одной мысли о том, что Red Hot Chili Peppers, читая эту книгу, наконец-то узнают, что стало с их одеждой. Привет, парни!

* * *

С технической точки зрения NOFX еще оставались группой в то время, когда я был в колледже; но Скотт ушел после нашего летнего тура, а Мэлвин еще жил в Лос-Анджелесе, поэтому мы долго не репетировали. В конце первого семестра позвонил Мэлвин и сказал, что он нашел барабанщика и вокалиста и они разучили наши песни. Ни разу не встретившись ни с кем из них (и ни разу не репетировав!), на зимние каникулы мы отправились в семидневный тур через Техас.

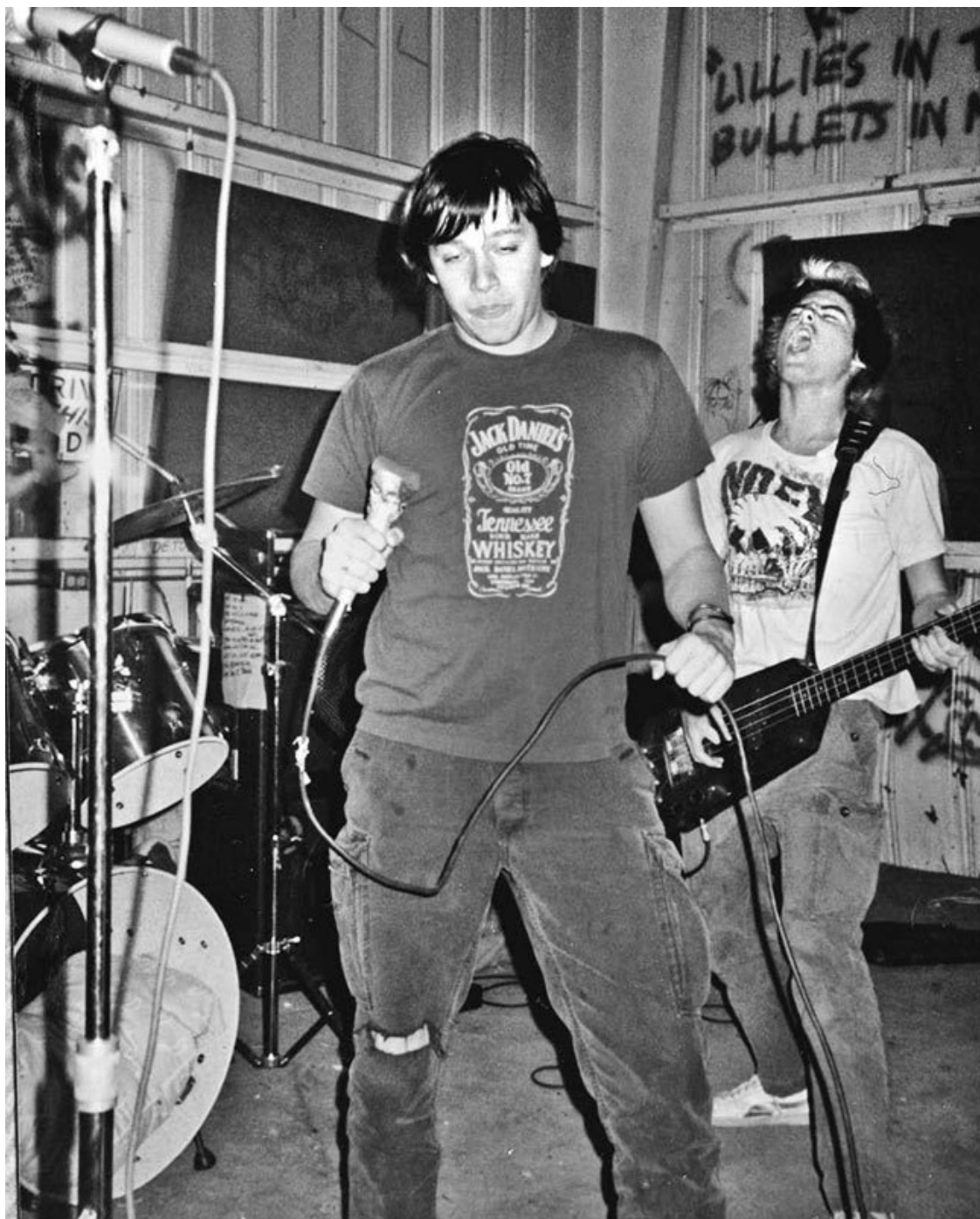
Первый раз мы сыграли вместе и в одном помещении на нашем первом шоу в г. Эль-Пасо. Новый вокалист Дейв Аллен стоял совершенно неподвижно на сцене. Он не говорил ни слова между песнями, и он не мог запомнить тексты. Наш новый барабанщик Скотт Алдал был не менее ужасен. Теперь приплюсуйте сюда отсутствие репетиций и тот факт, что мы изначально были отстоем, и вы сможете представить, насколько «хорошо» нас принимала толпа.

Мы играли в новогоднюю ночь в клубе под названием Twilight Room в Далласе. До этого мы играли для кучи людей в скейт-парке Далласа во время нашего летнего тура, так что промоутер решил, что мы хорошая приманка. Правда заключалась в том, что в парке люди катались на роликах и были там только лишь для этого, делая все возможное, чтобы игнорировать нас. Так что в новогоднюю ночь звучащие еще хуже, чем раньше, мы были хедлайнерами и портили ее каждому пришедшему. Люди свистели, а Мэлвин ввязался в драку с каким-то местным скинхедом. Я думаю, что скинхед бросил что-то или показал Мэлвину средний палец (или, может быть, подруга Мэлвина начала эту заварушку). С парнем, которому звезданул Мэлвин, были друзья, и шоу сразу превратилось в полномасштабный скинхедовский бунт.

Владелец клуба вытащил ружье и выстрелил целую обойму в потолок. Все разбежались. Мы не закончили наш сет. С Новым 1986 годом!

Ничего не складывалось правильно в этом туре! В дороге я как-то спал в задней части фургона и вдруг проснулся от какого-то странного шума.

Секундой позже в нас врезался огромный грузовик-пикап: его водитель заснул за рулем. Часть фургона, где лежала моя голова, была полностью смята.

Дейв Аллен.

Нас отбуксировали на стоянку грузовиков, и нам пришлось спать в тачке до утра. Было настолько холодно, что конденсат от нашего дыхания образовывал лед на потолке фургона. Когда мы проснулись, все начало таять. Внутри нашего фургона шел дождь! Было похоже, что какое-то черное облако буквально образовалось над нашими головами.

Вернувшись домой, я даже не попрощался с Дейвом, о чем теперь сожалею, потому что это был последний раз, когда я видел его живым. Через несколько месяцев после окончания тура он перевернулся на своем пикапе, въехав на скорости в дерево. Его пассажир выбрался из машины, вызвав «скорую помощь», но рулевое колесо глубоко врезалось в тело Дейва, что нанесло серьезные повреждения внутренним органам. Дейв умер в больнице в ту же ночь.

22

Смэлли

В первую ночь, когда я стал жить независимо от своих родителей, мой сосед по комнате рассказал мне, как он задушил кого-то до смерти в пустыне.

Я встречался с девушкой по имени Гейл. Она была из правильной части города и ходила в колледж в Калифорнийский университет в Санта-Барбаре. Я был из неправильной части города и притворялся, что у меня есть интерес к Городскому колледжу в Санта-Барбаре. Это было предлогом, чтобы последовать за Гейл из Лос-Анджелеса после окончания средней школы. Она переехала в общежитие, а я въехал в дом с какими-то случайными людьми, которых нашел по объявлениям.

Я разделил мою комнату с тощим блондином по имени Джефф, и пока мы укладывались в постель в ту первую ночь, мы говорили – с выключенным светом – о том, как мы оба любим закидываться ЛСД. Попутно я упомянул, что имел обыкновение приторговывать немного наркотиками в средней школе, и он попутно упомянул, что имел с этим дело тоже; и что один раз кто-то кинул его, и что он отомстил, избил этого парня, бросил его в багажник, привез в середину пустыни и задушил его до смерти веревкой в то время, как он и его друзья перлись от грибов. Моя кровь застыла в жилах. Бля! С кем я живу?

В конечном итоге Джефф и я стали тусоваться достаточно плотно и стали очень хорошими друзьями в ближайшие нескольких месяцев. Славный малый, да.

Колледж и я, однако, не подходили друг другу. Я либо рано уходил с занятий, либо пропускал их. У меня были наилучшие намерения получить образование, но я просто не мог справиться с этим¹¹. Когда я не учился, я работал в офисе, обрабатывая заказы в каком-то отделе доставки, но примерно через шесть месяцев я расстался с Гейл, бросил колледж и потерял работу. После чего вернулся к продаже кислоты и игре на барабанах.

Я встретил другого панка на одном из занятий, и мы создали группу под названием Anti-Krieg /Против Войны/ с двумя его возмутительно богатыми друзьями. Санта-Барбара была богатым районом, так что половина панк-сцены состояла из детей мегабогатых семей. Гитарист Anti-Krieg жил в доме за \$6 миллионов, который был расположен на скале с видом на океан, в районе под названием Хоуп-Рэнч, который, как говорят, является одним из самых богатых районов в штате (Snoop Dogg в настоящее время имеет там дом). С поправкой на инфляцию и реальный калифорнийский рынок недвижимости это, вероятно, будет стоить \$20 или \$30 миллионов сегодня. А потом его семья переехала в еще более безумный дом с рыбками кои и прудом, который простирался от наружной стороны дома, далее – под огромными стеклянными стенами – и заходил в хату, где пруд и бассейн сосуществовали как часть огромного атриума. Это было полной противоположностью панка. Но это было не так уж необычно для Санта-Барбары.

Anti-Krieg быстро обзавелись поклонниками. Мы добрались до точки, когда могли бы легко собрать несколько сотен человек на местном концерте. В это время у басиста обнаружили рак и должны были пройти курс химиотерапии¹², а позже вокалист распустил группу.

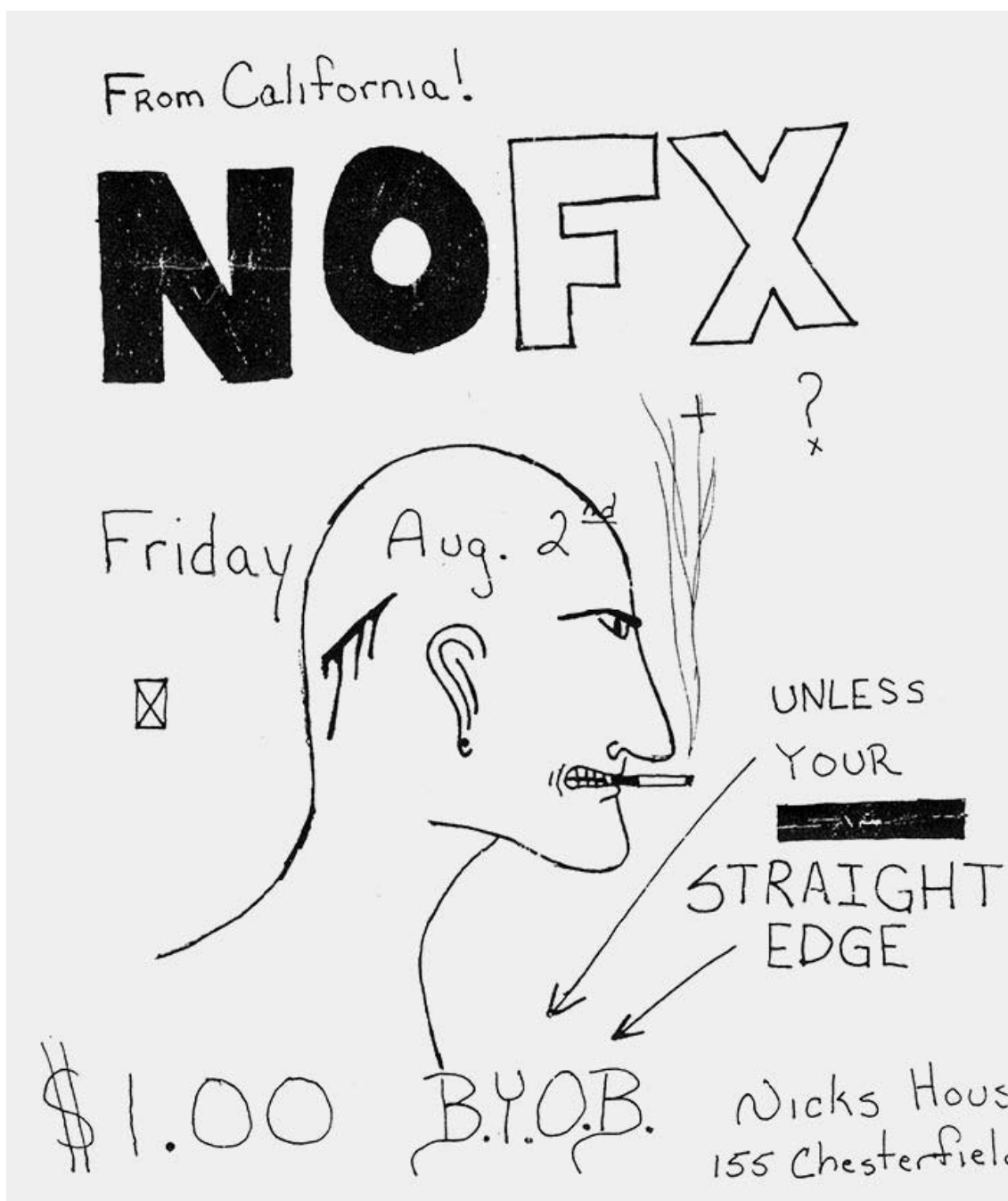
¹¹ Когда мне было сорок, мне официально был поставлен диагноз СДВГ (синдром дефицита внимания с гиперактивностью), и я уверен, что у меня есть также дислексия. Но мне повезло найти карьеру, не требующую диплома об окончании колледжа.

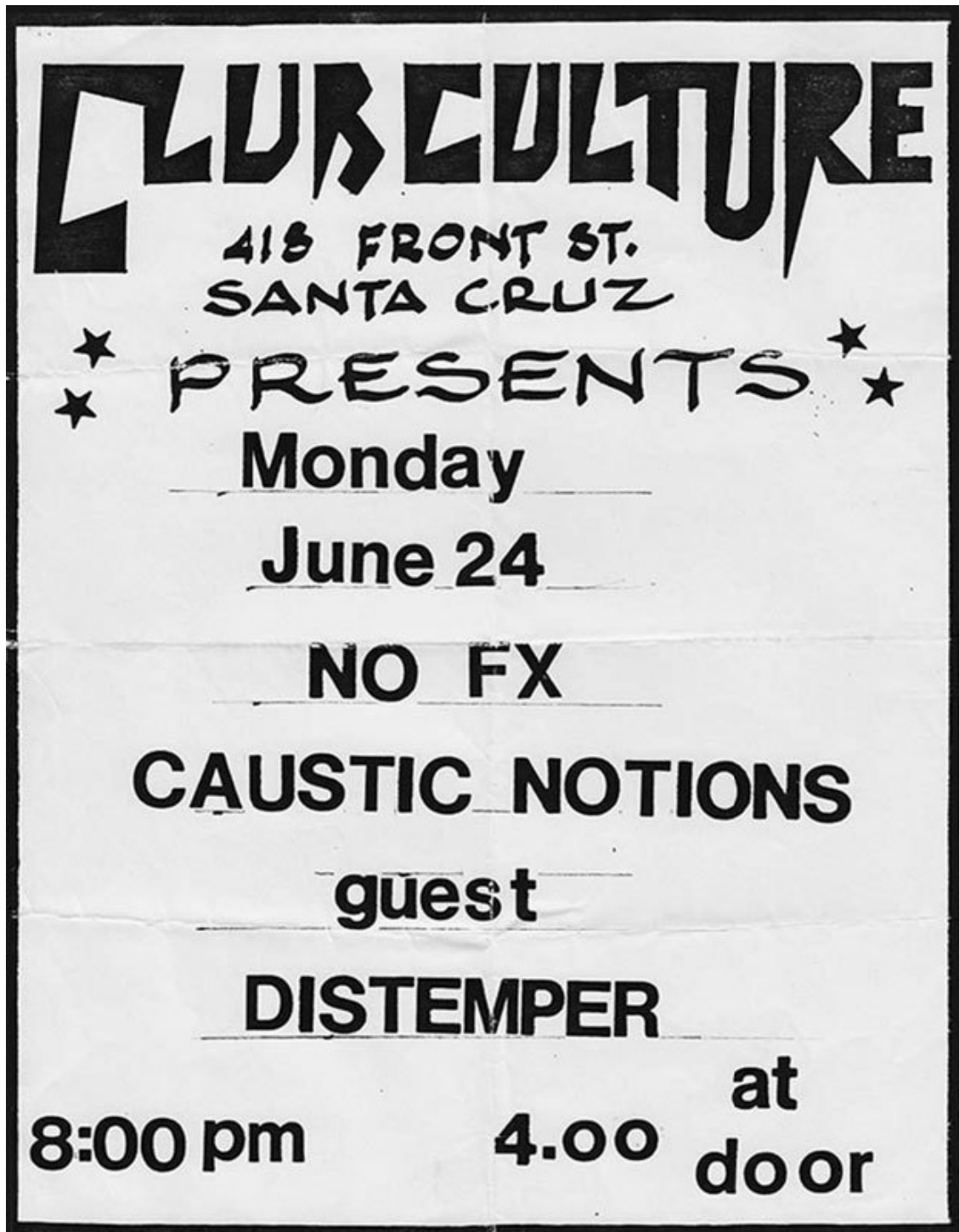
¹² После того как Anti-Krieg распалась, он несколько раз отвозил NOFX в своем фургоне на наши шоу. Однажды он был за рулем, и большой пучок его волос выпал, затем этот клочок выдуло через боковое окно водителя, а затем задуло обратно в фургон, и он приземлился мне на колени.

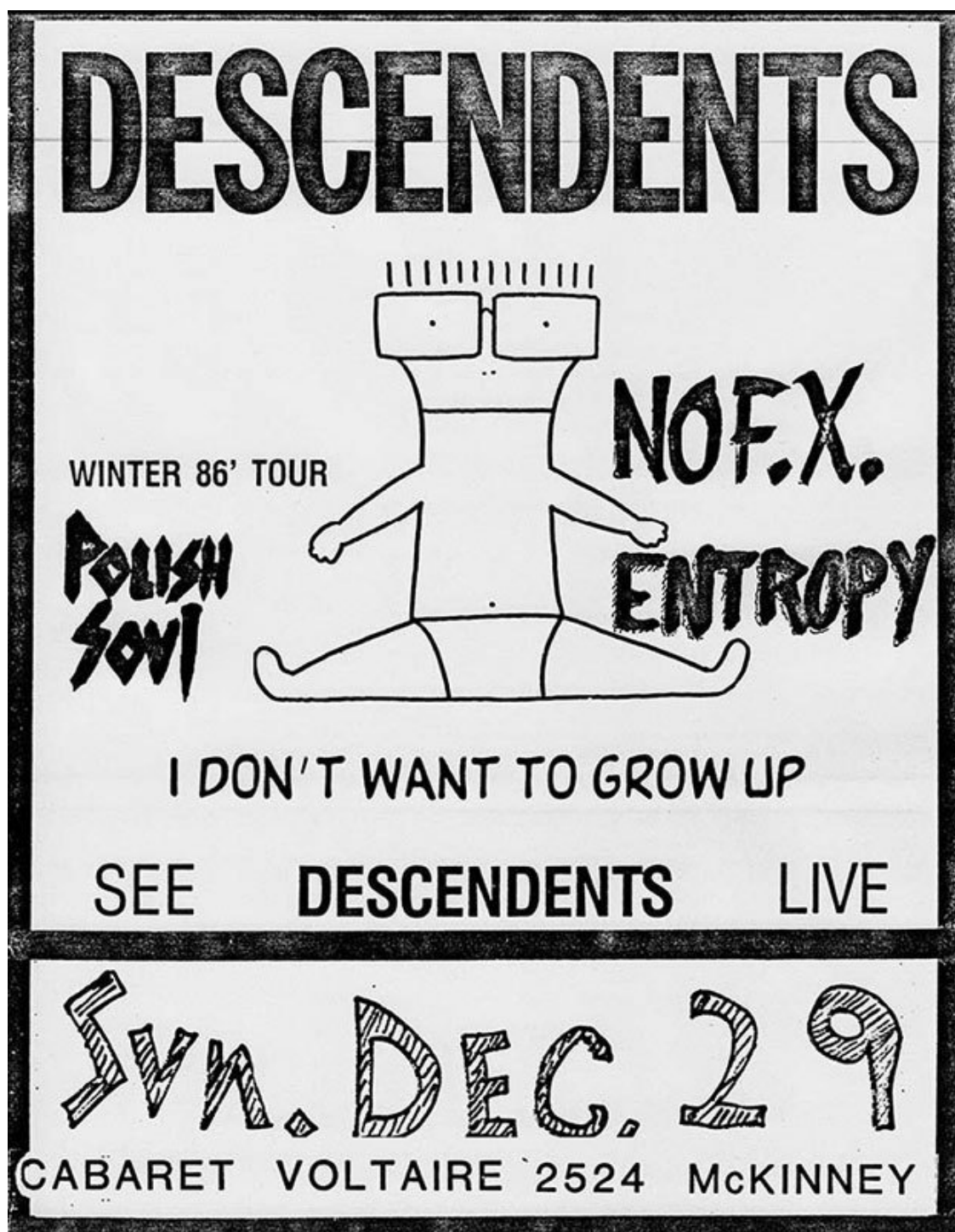
Как раз перед распадом Anti-Krieg я наткнулся на бывшую подругу Мэлвина Челси и его маму на Стейт-стрит. Челси сказала, что мне стоит позвонить Эрику, поскольку вокалист NOFX умер, а ударник либо бросил группу, либо его собираются вышибить оттуда.

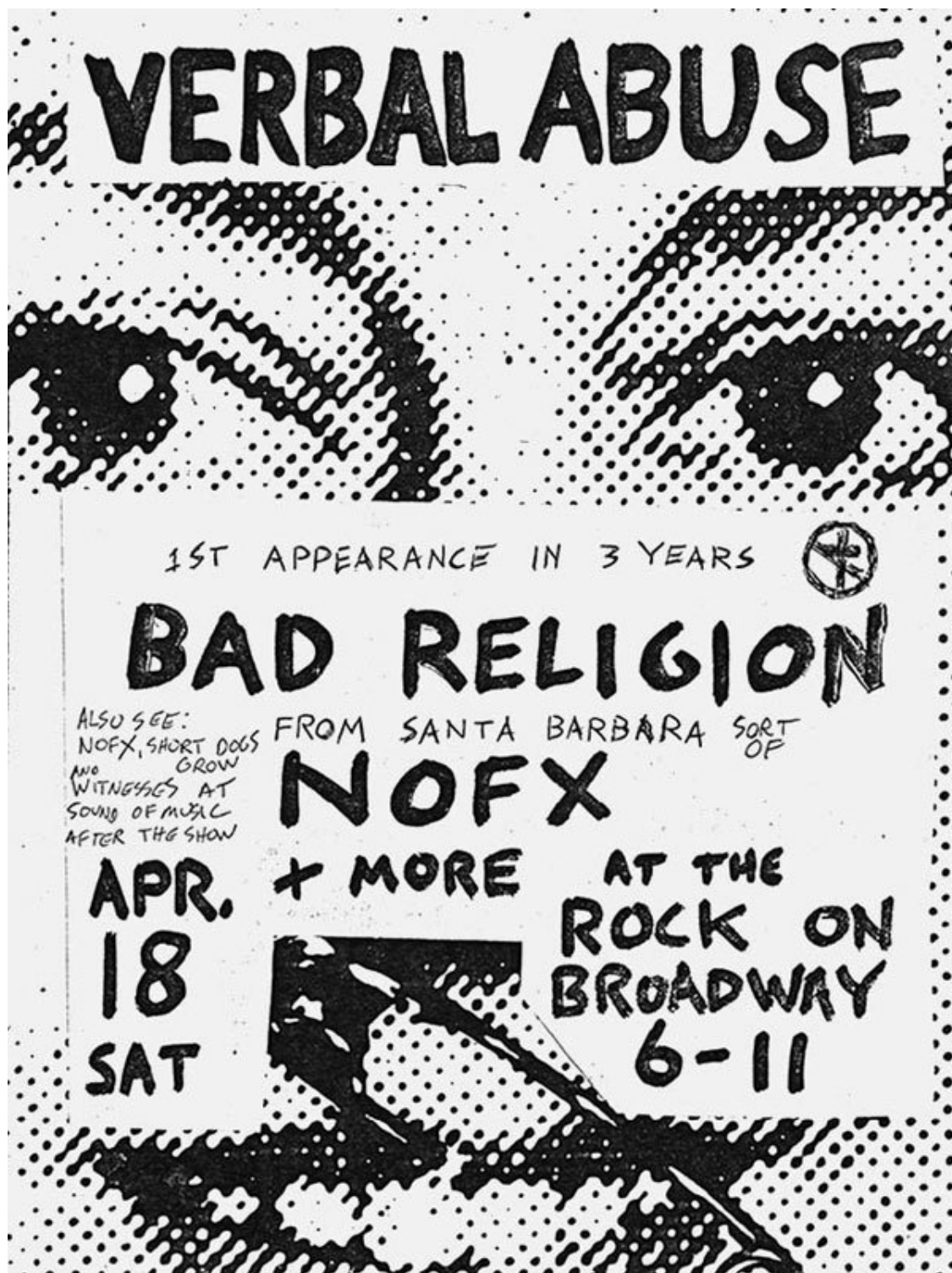
Я позвонил и вернулся в NOFX. Мы немного поджемили, арендовали студию, чтобы записать свой второй EP, а после, летом, выехали на гастроли, чтобы начать мой первый тур по США.

То, что я наткнулся на маму Мэлвина и Челси в тот день, было случайной, неожиданной и маловероятной встречей, и все же без нее я бы никогда не вернулся обратно в группу. В то время я был один, без группы, без высшего образования и без работы. Я бы, наверное, попытался сделать какое-то движение в качестве дилера, занимающегося этим постоянно, или, в конечном итоге, передознулся или попал в тюрьму, или меня, может быть, задушили бы и закопали в пустыне.

FARM AND GIL MAN STREET PROJECT PRESENT
ANOTHER DAY AT THE FARM THE BARN REVISITED
FEATURING

FROM THE BAY AREA
MDC
CLOWN ALLEY
NEUROSIS
LOOKOUTS
CHRIST ON PARADE
ISOCRACY
SACRILEGE
NO FX
CORRUPTED MORALS

FROM SO. CAL
FINAL CONFLICT
1/2 OFF
INSTEAD
TWISTED

FROM SEATTLE SEVENTEEN SHREDDIN BANDS FOR \$6.00
DEHUMANIZERS
A.M.Q.A.

FROM FRESNO CAPITOL PUNISHMENT
FROM CHICAGO IMPULSE MANSLAUGHTER

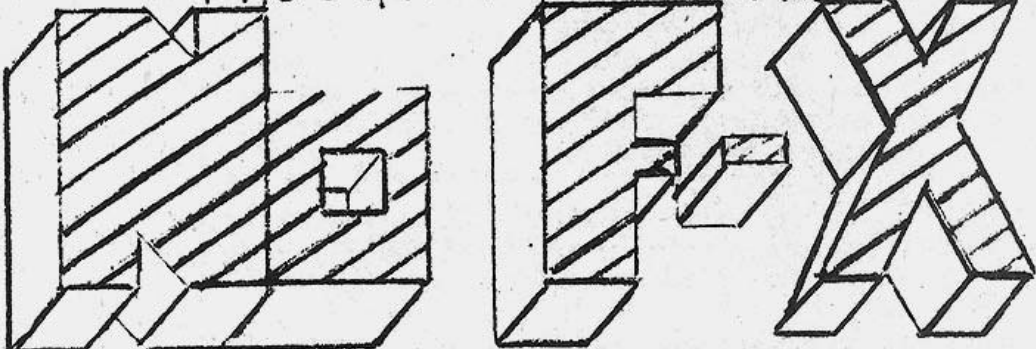
AT THE FARM 1499 POTRERO
#415-826-4290

BE THERE AT NOON
STAY TIL MIDNIGHT

SAT. DEC 27

"THOUGHTFULL HARDCORE"

6 SONG TAPE
FREE!!

SEND YOUR OWN TAPE & SELF ADRESSED STAMPED ENVELOPE TO:
NOFX 3908 MAYFIELD AVE. LACRESCENTA CA. 91214

LYRICS & PICTURES INCLUDE

TOURING NATION IN SUMMER SEND ANY INFO WE WILL PLAY YOUR CITY!

THE LAST SHOW OF SIN 34 EVER!

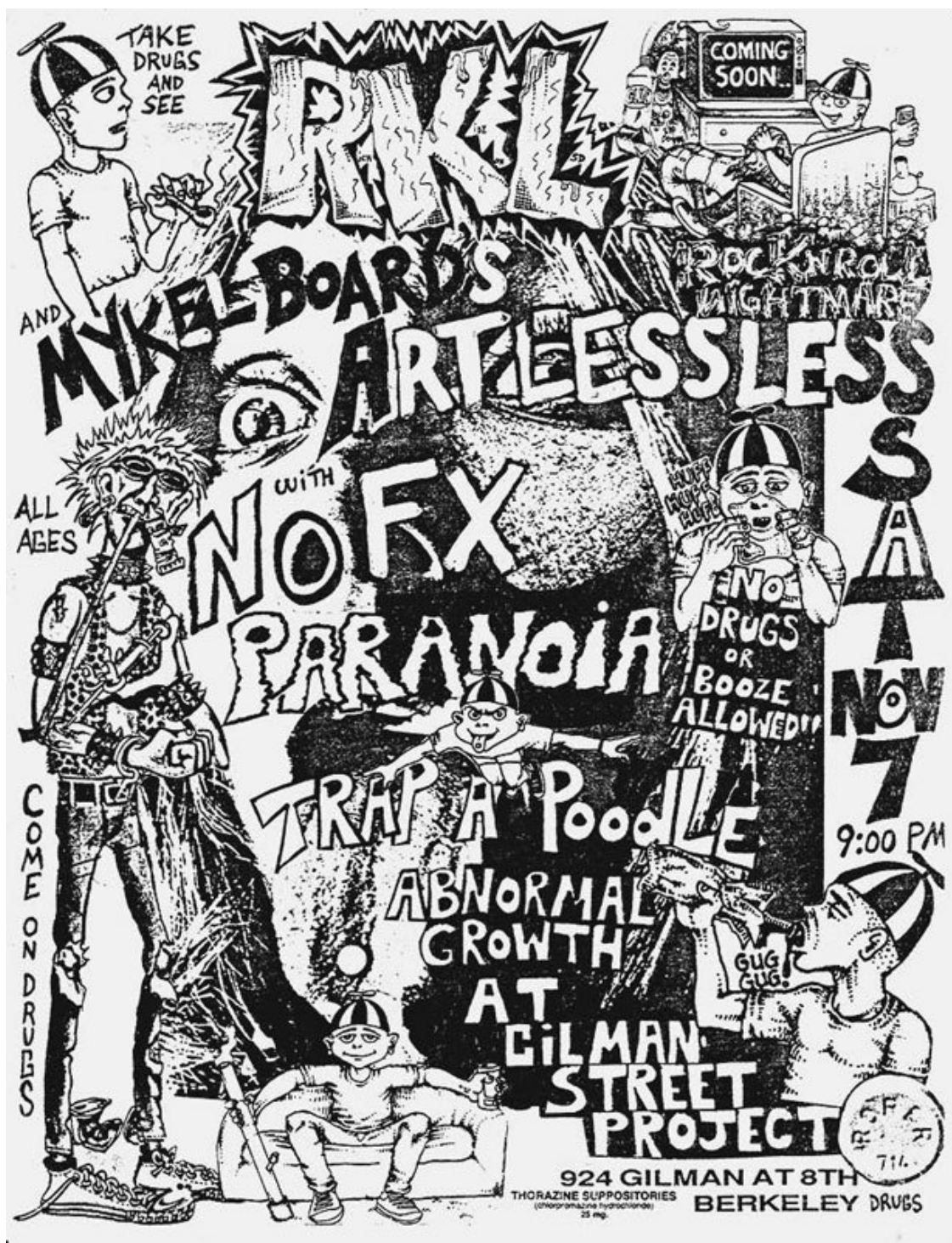
SIN 34

PLAIN WRAP
+ DEAD CREW
+ PUBLIC DENIAL

CATHEY
FRI 9/21
44-4076

TARGET OF DEMAND

23 Мэлвин

Первый раз, когда мы играли в Детройте, четыре человека заплатили по доллару, чтобы увидеть нас, а затем ушли, как только мы начали играть. Когда мы лабали в Детройте в туре 86-го года с вернувшимся Смэлли на барабанах, посмотреть на группу пришло четыре разных человека, и все они реально остались. Но только потому, что они были друзьями парня, который забукировал для нас это шоу: Скэри Кэрри.

К концу вечера Скэри Кэрри привел нас в свою квартиру, которая находилась на втором этаже над ломбардом и была окружена колючей проволокой; в качестве дополнительных аксессуаров здесь были сварливый бульдог и прислоненный к задней двери дробовик. Его кондиционер выдувал едва прохладный воздух, поэтому мы оставили окна открытыми, чтобы хоть как-то справляться с гнетущим летним зноем. В близлежащую промышленную зону приезжали и уезжали всю ночь грузовики, поэтому кондиционер засасывал все дизельные выхлопы непосредственно в крошечную гостиную нашего хозяина.

Когда мы прибыли в его квартиру, Скэри Кэрри сделал нам большой обед с пастой. Когда мы ели, он сказал: «Эй, вы хотите посмотреть на одно сумасшедшее дерьмо?»

Он воткнул кассету в видеомэгнитофон и нажал «пуск». На телевизионном экране появился крупный план лица мужчины, который смотрел вверх с благоговением и был озадачен каким-то трепетным моментом, находящимся за кадром. Затем в кадр вплыла женская жопа и выдавила огромное бревно говнища прямо в открытый рот главного действующего лица.

Ужин был закончен.

фото © Семья Гринфильдов

24 Майк

Перед туром '86 по США один из наших друзей нарисовал огромными буквами граффити «NOFX» на боку нашего фургона, а мы, в свою очередь, аэрозольной краской нарисовали квадраты на шинах, так что это выглядело, как будто у фургона квадратные колеса. Знаете ли вы, что аэрозольная краска съедает резину? Мы не знали до второго из четырех раз, когда у нас лопнула шина.

Рисунок граффити сделал нас магнитом для полицейских. Нас остановили и обыскали в Сиракузах, в штате Нью-Йорк, и полицейский обнаружил дубинку, которую мы украли на какой-то вечеринке. Он сказал, что мы уличены во владении смертоносным оружием и один из нас должен взять вину на себя, иначе он собирается арестовать нас всех. Я принял удар на себя.

Я сидел в камере предварительного заключения в течение восьми часов, от безделья чуть не сходя со своего ебаного ума. На самом деле я подрочил около 5 часов утра, потому что я был один и мне нечего было делать. Потом позвонил маме с просьбой об освобождении под залог, но для нее в Калифорнии это происходило посреди ночи, так что она просто заснула опять; но, дождавшись утра, мама вызвала поручителя. Около 10 часов утра меня перевели в реальную тюрьму, где я провел всю вторую половину дня, играя в пики за столом, где сидело полно байкеров (и я бы добавил – где я ловко оставался в выигрыше). Около 5 часов вечера за меня было выдано поручительство, и я встретился с остальными участниками группы, которые не имели ни малейшего представления, когда мы сможем увидеться снова. В ту ночь у нас было шоу в городе Спрингфилд, в штате Массачусетс, с группой Subculture¹³, так что мы топили педаль в пол всю дорогу. Это шоу оказалось самым большим за весь тур: пришло двести человек, и Subculture продали мерча на 150 баксов!

Мы, однако, приехали слишком поздно, чтобы играть.

¹³ Когда я был диджеем на моей школьной радиостанции, я был Майком Мисфитом. Позже один из моих друзей пытался называть меня Чарк (потому что моя фамилия Беркетт... Как – «брикет»... Как «charcoal» (уголь – англ. – *Прим. перев.*). Как брикет древесного угля (... «Чарк»), но по какой-то причине такие прозвища никогда не прилипали ко мне. Впервые мы встретились с Subculture на гастролях, когда я был тщедушным ребенком, но в следующий раз, когда мы увидели их, я набрал немного веса благодаря моему безлимитному тарифу на питание в колледже. Не знаю, называл бы я себя «жирный» при 160 фунтах, но один из ребят из Subculture начал называть меня Фэт Майк – и по сей день это всех цепляет.

25

Мэлвин

Когда начинались NOFX, я считал себя «стрейт-эдж». Панк-сцена Лос-Анджелеса была сильно охуевшей и кишела наркоманами-гангстерами; поэтому позитивный посыл первоначального стрейт-эдж движения – «нет наркотикам/нет алкоголю» – нашел во мне отклик. Алкоголь просто делал меня сонным, так что без него было легко обходиться. Но это длилось недолго, потому что в панк-туре пиво раздобыть легче, чем воду; и только когда мне было далеко за двадцать, я стал относиться к выпивке как к серьезному хобби. Даже в тот момент, когда меня пытались немного разубедить в этом после того, как я провел ночь в блевотине в чьем-то саду на гастролях.

В то же время я стал переосмысливать «стрейт-эдж» для обеспечения открытого экспериментирования с любым препаратом, который попадался на моем пути. В детстве я курил травку родителей моих друзей, я принимал галлюциногенные грибы в Ашленде на гастролях, а когда брат Челси предложил мне фенциклидиновый «базик» рядом с Olympic, я пошел и на это.

Для меня он выглядел обычной сигаретой. Я не знал, что «базик» – это сигарета, которую окунули в жидкий РСР. Я не был курильщиком, но казалось, что это – хороший способ сблизиться с братом моей подруги и его дружками-бандитами из FFF, поэтому после того, как он затянулся, я затянулся тоже. «Базик» пошел по кругу. Мы с братом Челси затянулись повторно, и когда я повернулся к нему, чтобы поговорить с ним, он лежал на земле в отключке. После накрыло и меня.

Должно быть, я рухнул с копыт, потому что люди продолжали говорить мне, чтобы я встал на ноги. «Вон там полицейские, если они увидят тебя в таком пиздеце, тебя заберут в тюрьму!» Такой кипеш не помогал пребыванию в штопоре. Как и молоко, переданное мне кем-то. Я выпил его, и меня тут же вырвало, а затем я побежал в укрытие. Я врзался в стену, упал на задницу и, обхватив руками голову, свернулся калачиком, изо всех сил пытаясь стать маленьким и невидимым. Каждый раз открывая глаза, я чувствовал, как будто бы нахожусь на неуправляемых каруселях, которые активно пытаются меня сбросить. И каждый раз, когда я пытался встать, я падал опять.

Майк нашел меня, и предполагаю, что я выпалил ему какое-то объяснение того, что произошло. Он не мог ничего поделать, кроме как сидеть со мной и ждать, пока это пройдет, и, как хороший друг, он это сделал.

Майк обычно проходил по пиву, в то время как я проходил по галлюциногенам. Я закинулся кислотой впервые, когда мы посетили вечеринку на Хеллоуин в Долине. Играли the Grim /Мрачные/, и их ударник был одет как киношный мальчик-оборотень Эдди Мюнстер, но кислота убедила меня в том, что на барабанах играет реальный Эдди Мюнстер. После их сета я провел всю вечеринку в кислотном приходе, прикалываясь над формами отображенного в ряби бассейна лунного света и тенями, отбрасываемыми листьями с газонов. Меня заклинило на том, что тени настолько же реальны, что и листья, и мой мозг каким-то образом щелкнул и перестроил сознание, позволяя мне видеть или только листья, или только их тени. Позже Майк был уже достаточно пьян, чтобы устроить совместный сговор со мной и украсть полицейскую дубинку, которую мы держали в фургоне NOFX и из-за которой он заработал ночевку в тюрьме.

Майк не связывался с кокаином, пока ему не стало за тридцать, но кокс вошел в мою жизнь параллельно с кислотой, РСР и всем остальным. Когда я впервые встретил нашего временного вокалиста Дейва Аллена, мы пошли потусоваться в дом нашего общего друга и

обнаружили, что они заправляли сравнительно успешным предприятием по барыжничеству кокаином в гараже своего кореша. Горстка панков дробила и смешивала порошок, взвешивая его на весах и упаковывая его в маленькие пакетики во время прослушивания пластинок. Я предложил внести свой вклад, и упаковка пакетиков стала моей работой. Мною не распоряжались и мне не платили, но – ебтыть! – ведь я же тусуюсь, и почему бы не пожертвовать немного своим бесплатным трудом ради их легкой наживы за счет продажи наркотиков?

Прежде чем я впервые нюхнул кокаин, Дейв предложил мне «коукоу паф», что являлось сигаретой со слегка утрамбованным табаком. (За счет трамбовки внутри бумаги образуется небольшой зазор, и он заполняется кокаином.) Кокаин выделялся на фоне всех остальных наркотиков, которые я ранее юзал, тем, что предлагал скорость – стремительное возбуждение, – нежели чем мягкий или психоделический приход. Прошли годы, прежде чем я снова попробовал кокс, но мне хотелось той же скорости – интенсивного напора, – и в погоне за каким-либо другим «быстрым» наркотиком я пришел к спидам.

Я нашел постоянного дилера, который продавал мне дешевые черно-красные капсулы, называя их «кровавыми ниггерами». Я шел на панк-шоу, щелкал капсулой, вынюхивал содержимое и танцевал слэм всю ночь напролет. Это стало моей рутиной в течение нескольких месяцев, пока однажды ночью я не пришел домой и не смог заснуть, несмотря на полное истощение. Мои ноги сводило, и я был весь в поту, когда я наблюдал за восходом солнца через окно.

После этого я дал наркотикам перерыв на некоторое время. За исключением кислоты. И грибов. И большого, большого количества травы. Ну, это же все равно считается «стрейт-эдж», правильно?

26 Майк

Мне потребовалось несколько лет, чтобы понять, почему у мамы висело зеркало на потолке над кроватью. Когда мне было двенадцать, я смотрел телевизор в ее комнате и подумал: «Круто, я вижу себя!» И, наконец, меня осенило в двадцатилетнем возрасте, когда я остановился в отеле «Сизарс Пэлэс» в Лас-Вегасе. «О, так это же сделано, чтоб ты мог наблюдать за собой во время ебли! У моей мамы было такое. Оооооо...»¹⁴

После развода моих родителей мама больше не вступала в повторный брак, но около восьми лет у нее был французский бойфренд. Он был тем, кто предложил установить зеркало, но я не уверен, нужно ли ему и моей маме приписывать вину за мой первый просмотр садомазохистского порно.

Журнал *Penthouse Variations* – это вроде как журнал *Reader's Digest*, только для людей, увлекающихся бичеванием и зажимами для сосков. В основном это истории (якобы представленные читателями) о причудливом сексе. Я откопал экземпляр во время рысканья в вещах моей матери. Ее экземпляры *Hustler* и *Cocks and Cunts* никогда не торкали, но рассказы о бондаже/связывании и подчинении в этом номере *Penthouse Variations* дали мне мой первый стояк. Там был рассказ о доминирующей жене, которая переодевала своего мужа в женскую одежду и относилась к нему как к рабу, даже позволяя ее друзьям приезжать и насиловать его. Довольно интенсивный материал для чтения в тринадцатилетнем возрасте. Но я дрочил на него, может быть, раз сто.

Я всегда связывал и буду связывать женское превосходство с эротизмом. Оно сформировало мою сексуальность и всегда оставалось одним из важнейших компонентов всех моих отношений. Натали и я душили друг друга во время секса, и она царапала мою спину до крови. Уэнди превратила кожаные забродные штаны, сворованные у *Red Hot Chili Peppers*, в бондажную маску. А между ними двумя была Синди.

Синди была хозяйкой дома, где на вечеринке Дилан, Мэлвин и я играли, как трио, на заре NOFX. У меня не было планов клеиться к ней, потому что Мэлвин запал на нее, и к этому времени я уже приударял за другой девушкой. Но Синди подошла ко мне на вечеринке и начала целоваться и обжиматься со мной, так что, в конечном итоге, я оказался с двумя девушками, а у Мэлвина не было ни одной.

Мэлвин был в обиде из-за этого, но держал ее при себе. По крайней мере, до одной ночи в зале *Stardust Ballroom*. Синди и я ебались на стоянке между двумя припаркованными машинами. Люди шли мимо и смотрели на нас, Синди лежала в луже мочи, поэтому мы решили изменить свое местоположение. Мы заползли внутрь универсала Мэлвина, закончили ебаться и вырубались.

После шоу Мэлвин обнаружил нас голыми и спящими: «Ты что, блядь, делаешь?!»

Он кругами гонялся за мной вокруг автомобиля. Он вопил: «Ты ебешь девушку, в которую я по уши влюблен?» – а я кричал: «Не бей меня!»

После нескольких кругов я не удержался от смеха, потому что он не мог поймать меня. Затем Мэлвин начал смеяться тоже. Я не знаю, как этот сценарий разыгрался бы между другими людьми. Но мы ушли с этого концерта друзьями.

Синди и я встречалась только в течение месяца, но он был тем месяцем, когда мне в руки впервые попало какое-то реальное садомазохистское оборудование. Отец Синди

¹⁴ Теперь у меня тоже есть зеркало над постелью. Моя дочь Дарла недавно увидела его и сказала: «Так здорово! Ты можешь проснуться утром и увидеть себя!» Так что все возвращается на круги своя...

был агентом ЦРУ, так что их гараж был полон крутейших старых шпионских устройств. Однажды мы копались в детекторах лжи и дешифровщиках кодов (ну, или чем бы там они ни были) и нашли коробку с изготовленными кустарным способом кожаными секс-игрушками. Это были не лощеные, черные садо-мазопринадлежности, которые можно увидеть в секс-шопах; это была дубленая кожа с неровной прострочкой. Было ясно, что ее папа в свое свободное время позаботился о том, чтобы изучить кожевенное ремесло и изготовить плети и ремни крепления к туловищу для подвески тела.

Мы играли с кнутами, но не могли понять, как крепить ремни для подвески. Самую большую тайну, однако, составляла анальная затычка с отверстием по центру и исходящей из нее пластиковой трубкой. Мы думали, что это какое-то сумасшедшее клизмоподобное устройство, но мы решили, что из него вышел бы чумовой пивной кальян.

Мы притащили его на кухню, вымыли с мылом и приделали воронку к концу трубки. В тот момент, когда мы вылили в него первое пиво и высосали его с конца анальной затычки, вошла мама Синди:

– Откуда вы взяли это?

– Нашли в гараже.

Сгорая от стыда, она повернулась и ушла. Больше я ее не видел.

Позже мы катались на машине, и меня остановил полицейский. И по делу: я был пьян от анального пивного кальяна. Коп посмотрел в багажник автомобиля и увидел затычку. Он поднял ее.

– Что это?

– А на что это похоже?

Испытывая отвращение, он бросил ее на заднее сиденье: «Пиздуйте отсюда».

Когда я начал встречаться с Эрин, наш причудливый эксперимент произошел в дороге с NOFX. Как-то вечером мы одолжили фургон на некоторое личное/интимное время после концерта. Мы заехали на пустую стоянку супермаркета, и в фургоне она связала меня – голого, с завязанными глазами. Она вытащила кнут, и вдруг на парковку заехал полицейский автомобиль.

Я не мог видеть, но я услышал, как она закричала: «Блядь!»

– Что такое?

– Здесь копы!

– БЛЯЯАДЬ!

Они постучали в окно, и Эрин открыла дверь, чтобы пролить свет на то, что позже, я уверен, было приковывающей внимание темой разговора их полицейского участка.

– Пиздуйте отсюда.

Мы дали обратный ход в дом, где той ночью остановились все остальные. Это при-
скорбно, но мы не довели это дело до конца, и в итоге я получил два комариных укуса на яйцах.

Даже у себя дома было трудно найти уединение, чтобы заниматься исследованиями. Эрин и я сразу съехались и жили в доме на улице Пейдж в Сан-Франциско. В какой-то момент наши соседи по жилплощади уехали, мы остались одни и реально дали себе волю. Я с кляпом во рту, с завязанными глазами, связанный, в позе орла, распяленный на кровати. Эрин оставила меня там, беспомощного, на то время, когда она пошла принимать душ. Это было изумительно! Но потом я услышал стук во входную дверь. Далее дверь открылась, кто-то зашагал вверх по лестнице, в сторону спальни.

«Здесь кто-нибудь есть? Это Алекс, хозяин дома!» Я бы с радостью откликнулся, если бы у меня не было кляпа во рту. Дверь в спальню была широко открытой. Шаги стали ближе, а потом они стихли. Я ничего не мог видеть с повязкой на глазах, но после краткого перерыва услышал, как шаги быстро спустились вниз по лестнице и за дверь.

Сейчас я абсолютно открыт и не скрываю своей сексуальности, но в то время я жил в постоянном страхе быть обнаруженным, как фетишист. Я слишком стеснялся пойти в книжный магазин для взрослых, чтобы купить садомазохистское порно. До конца 80-х я не мог даже заикнуться о садомазохизме в беседах с моими коллегами по группе. После концерта в Гамбурге, в ходе тура, я купил кое-какие кожаные ограничители двигательных функций и шарообразный кляп в местном секс-шопе. Когда мы проходили таможеню в аэропорту Амстердама, чиновник вытащил все из моей сумки.

И я наконец-то узнал, как чувствовала себя мама Синди, когда она застала нас врасплох с анальным кальяном несколько лет назад. Я хотел испариться в воздухе. Но таможенника это вовсе не напрягло. Это был Амстердам – они, вероятно, здесь видят такие вещи все время. Мэлвина и Смэлли, похоже, это тоже не волновало. По всей видимости, что они тоже поднабрались моих, не таких уж скрытых, лирических намеков (например, когда я назвал альбом S&M Airlines). Вот тогда-то я и понял, что мне нечего стыдиться. С тех пор я перестал скрывать, кто я и от чего получаю удовольствие. И если бы я хотел носить кожаную маску, сделанную из штанов Хиллела Словака, в то время как моя подруга запикивает пивной кальян в форме анальной затычки мне в жопу перед нашим хозяином дома, – да пусть так и будет!

27

Смэлли

У меня созрел план убить моего друга. Я предложил бы ему пойти и накатить или попытаться бы надыбать каких-нибудь наркотиков и заманить его в машину. Я бы увез его в горы, чтобы упороться, и я застрелил бы его и оставил тело на обочине дороги. Достать оружие несложно – я знал приличное количество темных людишек, так что потребовался бы только телефонный звонок. Власти, вероятно, не стали бы слишком тщательно проводить расследование. Они просто списали бы это на бандитские разборки.

Это, вероятно, был не самый лучший план. Но мне была нужна какая-то стратегия, потому что я знал: в интересах выживания мог бы наступить день, когда я должен был бы ебнуть Реймонда.

Реймонд – не его настоящее имя, потому что даже после долгих лет с тех пор, как я его не видел, этот парень приводит меня в оцепенение. И, несмотря на то что он попадал в тюрьму за все мыслимые насильственные преступления и выходил из нее, я не хочу давать новые обвинительные показания в отношении этого человека, чтобы у него была причина мстить. Ради того, чтобы и вы, и я лучше по ночам спали, давайте просто скажем, что оставшая часть этой главы – выдумка.

* * *

В Санта-Барбаре был угол, где все панки собирались во второй половине дня для длительного ничегонеделания, ничего не делая. Изредка туда приходил страшно выглядящий чувак, и люди разбегались. Он выглядел как белая инкарнация Майка Тайсона, с зачесанными назад волосами и в тюремных татуировках на руках, шее и спине. Ему не нужно было ни произносить слова, ни шевелиться. Он машинально прививал глубокое чувство страха любому, кто вставал на его пути. За его спиной шептали: «Это чувак Реймонд – пиздец как ужасно крут».

По городу ходили слухи, что Реймонд убивал бомжей и пьяниц для удовольствия. Я не могу это подтвердить лично, но мне никогда не было трудно поверить в это. Наш общий друг-уголовник рассказывал мне, что он и Реймонд насильно увезли парня, задолжавшего Реймонду сорок баксов. Они бросили его в багажник и пытались решить, что делать с ним дальше. Реймонд сказал: «Хуй с ним, давай просто убьем его». Мой друг среагировал: «Ты что, блядь, шутики шутишь? Хочешь на зоне сидеть всю жизнь за сорок баксов?» Реймонд не видел в этом проблем. В итоге они просто отколошматили парня до бессознательного состояния, сняли с него обувь и высадили его у черта на куличках. И в довершение своей истории мой друг резюмировал: «Да, Реймонд любил убивать людей».

Однажды мой теперь уже покойный друг Линн Стрейт (из группы Snot /Сопли/) пришел на пати, и Реймонд отхлестал его по щекам перед всеми без какой-либо причины. Это было в некоторой степени больше похоже на какое-то доминирование, типа как в мире животных. Или точнее – типа как на зоне. В конце своего подросткового возраста он провел семь лет в California Youth Authority – центре заключения несовершеннолетних – за избиение полицейского. Я уверен, что это повлияло на его понимание этических норм. Линн однажды одолжил Реймонду свою машину, а потом спросил, может ли он забрать ее обратно. Реймонд отхлестал его по щекам еще раз и сказал, что он вернет ее, когда будет готов ее вернуть.

Он терроризировал город панк-рокеров. И он был моим лучшим другом.

В который раз я бежал в сторону того, что должно было отпугивать меня. И в который раз я приходил к заключению, что, пытаясь всем доказать, что я крутой хулиган, я всего лишь компенсирую этим свою необеспеченность и незащищенность. Я подружился с Реймондом, только потому что он был той бляхой, которую я мог нацепить, и представителем той контркультуры, которую мне хотелось исследовать.

Я работал в магазине тканей и знал, что они там оставляли пару сотен баксов в кассе на ночь. Я рассказал об этом Реймонду; мы взяли с собой пару фомок и попытались туда вломиться. Место было плотно заперто, но мы не хотели идти домой, не совершив КАКОГО-НИБУДЬ преступления, поэтому мы забрались на крышу соседней синагоги и влезли через окно второго этажа. Мы нашли сейф, но и в него мы залезть не смогли. Мы облазили все ящики и столы, но там ничего не было, что бы стоило брать. Все, что мы в конечном итоге нашли, был галлон мороженого, который мы сидели и ели вместе на кухне синагоги. Я рисковал попасть в тюрьму за мороженку! Такова была моя степень потребности в одобрении.

Я стал подельником Реймонда, и мы расхаживали по Санта-Барбаре, донимали его врагов, взламывали и проникали в дома, забирая все говно, вне зависимости от того, был там кто-то или нет. Я знал одного паренька-панкера, у которого была хорошая гитара. Мы проникли в его дом и украли ее вместе с коробкой кассет. Я думал, что эта гитара Les Paul, но она оказалась дешевой копией, поэтому мы просто разбили ее. Вернувшись домой, я просмотрел кассеты и нашел демо NOFX. Я изо всех сил старался быть социопатом, в разладе с обществом, как и Реймонд. Но до этого момента я все равно знал, что такое хорошо и что такое плохо. Сам вид кассеты вызывал тошноту от чувства вины, но я его заглушал.

Перед тем как я начал тусоваться с Реймондом, чоло (мексиканцы-гангстеры из низов), которые жили со мной на одной улице, никогда не беспокоили меня. Теперь же они специально проезжали мимо моего дома, а увидев меня, вели себя так, как будто сорвались с цепи. Все из-за того, что сводный брат Реймонда был авторитетом в мексиканской мафии и теперь я был у них на радаре. Это была не шутка. Я помню, как зависал в доме единоутробного брата Реймонда; его оружие было запрятано под диваном, за телевизором, в цветочных горшках... В хате вряд ли было место вне досягаемости рукой, где бы не было пистолета.

Реймонд и я жили в западной части Санта-Барбары. Однажды мы тусовались в кафе с друзьями, и туда вошли несколько чоло-гангстеров из восточной части города. Реймонд тут же вскочил на ноги и напел на них: «Что за хуйня, бляди? Какого хуя вы делаете в нашем районе?» Бандитский обмен колкостями шел в обе стороны, затем они отступили и ушли. Через час они вернулись снова с подкреплением.

Нас было 20 на 10. Они набросились на нас, и начался махач. Реймонд вошел в режим «Невероятного Халка» и отбивал атаку любого из нападавших. Я не знаю, ударили меня кулаком или бейсбольной битой, или еще чем-то, но что-то ударило меня в живот, и я сложился пополам. Валяясь на полу, я получил несколько ударов по голове, но все это закончилось так же быстро, как и началось. «Восточные «дали нам понять – кто есть кто! Наша команда лежала распластанной на полу. Я посмотрел вверх. Реймонд был единственным, кто остался стоять. Он всегда оставался стоять и обычно жаждал большего.

Хотя, честно говоря, большую часть времени мы просто тусовались вместе и разговаривали. Я видел мягкую сторону Реймонда, в существование которой вряд ли кто бы поверил. Под наркотиками мы говорили о наших чаяниях, о жизнях, о семьях, всем этом дерьме. Он сбрасывал маску, открывался, и некоторые интимные моменты делали его реально уязвимым. В некотором смысле все это было душераздирающим. Где-то глубоко... глубоко, глубоко... Славный малый, да.

Но я все равно знал, что мне нужен план, чтобы убить его. Вне зависимости от того, что было ангельского у него внутри, Реймонд все равно был легко возбудимым психопатом, который мог повернуться против меня в любой момент. Через Реймонда я начал общаться

с большим количеством криминальных типов, и я видел, как в один момент они были абсолютно сдержанными, но и бессердечно пиздили кого-нибудь – в другой. Но у Реймонда это не было так просто, как brutальное избиение или колотая рана. После захвата цели он наслаждался психическими пытками своих жертв. Он изводил их и ебал им мозг без остановок. Он держал людей в качестве заложников их собственного сознания. Одно дело избить кого-то, отобрать деньги и бежать. Другое дело – зайти в чей-то дом, забрать телевизор и сказать: «Ну и хуй ли ты собираешься делать?» – и выйти со смехом. Он был хищником, питающимся страхом.

Ходили слухи о пареньке, который пошел вместе с Реймондом на его миссию по «охоте на бомжей». Реймонд якобы убил бездомного чувака перед этим пареньком и угрожал убить и его, если он проговорится. Садист был настолько неустанным в своих домогательствах, что ему даже не нужно было доводить до конца свои угрозы. Паренек был так напуган, что покончил с собой, прежде чем Реймонд получил шанс расправиться с ним сам.

К счастью, я никогда не становился такой целью, однако он устроил мне одну из самых страшных ночей в моей жизни. Вместе с этим психом я отправился в Окснард, чтобы забрать его автомобиль у его знакомого, который занимался ремонтом. Один из друзей подвез нас к заселенному малоимущими гетто, которое состояло из ветхих типовых домов массовой застройки, запрятанных в лабиринте тупиков. Там нас ждала машина Реймонда. Но также – и с десяток угрожающего вида чоло-мексиканцев. Мы были в западне.

Каким-то образом Реймонд кого-то разозлил, и это было часом расплаты в отместку за содеянное. Мексы начали разборку: «Ну что, бля, братан? Что теперь скажешь? Теперь ты, блядь, у нас на районе». Я не знаю, почему они нас не убили прямо там. Если ты связывался с Реймондом, нужно было знать, что речь пойдет о смерти, но каким-то чудом нас отпустили. «Мы забираем твою машину, братан. Хуй что теперь поделаешь! Пошел на хуй! Вали пешком в Санта-Барбару!» Мы вышли из района и присели на бордюр рядом с бензоколонкой.

Реймонд давал выход своему пару. Ему не нравилось, что другие применяли те же приемы против него. «Вернись и посмотри, если они все еще там. Мы выкрадем у них автомобиль». Классическая, тотально проигрышная ситуация: выглядеть обоссавшимся перед парнем, на которого ты так долго пытался произвести впечатление, или противостоять целой своре обозленных бандитов. Я развернулся и зашагал обратно в гетто. Один.

Чоло увидели, как я приближаюсь. Один парень схватил невыебанных размеров отвертку, другой монтировку: «Какого хуя ты хочешь, малыш? Пошел на хуй, панк». Я не знаю, что я сказал; но все мои силы были направлены на то, чтобы мое дерьмо не выскочило наружу. Я отступил, разыскал Реймонда и рассказал ему, что произошло.

«Хуй с ним. Все – идем, и они получат».

Отлично. Я иду за своей смертью. На этот раз они увидели, как мы приближаемся, издали, и никаких криков или запугивания не последовало. На нас стремительно набросились, на полной скорости. Я развернулся и побежал, Реймонд благоразумно побежал вместе со мной. Чоло запрыгнули в пикап и погнались за нами.

Мы ныряли в задние дворы и перепрыгивали через заборы, чтобы выбежать из лабиринта уличных тупиков. Но это была их территория, и здесь они знали все закоулки, так что они были все время на хвосте и постепенно загоняли нас в угол. Скрываясь от погони, перебегая из одного двора в другой, мы прятались под машины, за кустами и мусорными баками. Но чоло наперед знали, куда мы повернем. Найдя черенок от метлы, мы сломали его напополам, так что теперь у каждого из нас было оружие, но мы не сомневались – это вряд ли бы нам помогло, если бы нас поймали.

В течение двух долгих часов погоня была реальной версией фильма *The Warriors*. Я был напуган как никогда. Мы очутились на заднем дворе, который упирался в шоссе. Чоло, должно быть, подумали, что мы перепрыгнули через забор, и выбежали наверх на шоссе.

Прячась в кустах, мы видели, как они медленно заезжают на эстакаду. Мы знали, что они не смогут быстро развернуться, и дали стрекача. Прибежав обратно к бензоколонке, мы обнаружили там полицейского. Вероятно, именно в этот момент Реймонд был счастлив как никогда увидеть сотрудника правоохранительных органов. Не вдаваясь в подробности, мы объяснили, что нам нужно выехать оттуда. Видимо, коп понял, что мы оказались в неправильном месте, поэтому высадил нас через два съезда с основного шоссе, не задавая слишком много вопросов. Автостопом мы добрались до Карпинтерия и прошли еще десять миль до дома, в Санта-Барбару.

Примерно через месяц Реймонд объявился в моем доме. Он выглядел так, как будто кто-то взял терку для сыра и стер себе половину лица. Я знал, что он отправился в Окснард снова, и подумал, не сцепился ли он с местными чоло по новой? Он сказал, что, перепрыгивая через цепь парковки, зацепил ее ногой и упал на асфальт. Это звучало как разумное объяснение. Если бы его избили, он, вероятно, не только мне бы об этом рассказал, но и рекрутировал бы меня на отмщение. Но то, что я знаю наверняка, – это то, что он так и не получил свою машину обратно.

* * *

Если бы я не вернулся в NOFX и не уехал в турне, я уверен, что моя дружба с Реймондом закончилась бы плохо. Для него же все это закончилось точно плохо: в 1989 году Реймонд имел сомнительную честь быть одним из первых пассажиров автобуса с заключенными, который въехал в ворота Пеликан-Бей, ужаснейшей тюрьмы Калифорнии и, вероятно, одной из десятка самых ужасных в стране.

Обычно в тюрьмах происходит самостоятельная сегрегация по расовому признаку: у мексиканцев своя территория, у негров – своя и т. д. Но так как Пеликан-Бей была совершенно новой зоной и территориальных претензий было много, в течение первых нескольких недель (в то время, когда находили свои очертания невидимые границы) она стала площадкой массовых драк на расовой почве. И Реймонд был прямо посреди всего этого. Вероятно, он и там продолжал стоять в то время, когда все остальные преступники падали вокруг него. Или, может быть, наконец-то ему встретился достойный соперник.

Что же, наконец, заставило его приземлиться в тюрьме? Изнасилование. Я потерял связь с Реймондом до ареста, так что многие детали мне неясны, но из того, что я слышал: ему было за двадцать, ей было пятнадцать, он говорил, что это – по взаимному согласию, она говорила, что нет. И якобы, когда обвинения были предъявлены, куча других девушек выступила с параллельным обвинением, что Реймонд изнасиловал и их тоже. После того как в открытом судебном заседании судья вынес приговор на двенадцать лет, Реймонд вернулся к своим обвинителям и сказал: «Когда я выйду из тюрьмы, я убью всех и каждую из вас, суки».

Он появился на шоу NOFX после того, как отсидел свой срок, с несколькими, совершенно новыми татуировками на лице и ножевыми ранениями. Мы обменялись новостями в течение нескольких минут, и с тех пор я его больше не видел. Говорят, он наставил на кого-то пистолет и вернулся на зону, через несколько лет вышел, а затем снова вернулся за третье преступление, что стало пожизненным заключением за решетку.

Позже выяснилось, что обвинение Реймонда об изнасиловании было подано в суд до того, как закон о трех преступлениях вступил в силу в Калифорнии. Недавно я услышал от друга, что он снова на свободе.

Как я и говорил: «Вы будете спать лучше, если посчитаете, что я все это выдумал».

28

Мэлвин

Во время одной из наших поездок в Айдахо, после возвращения Эрика в группу, я повстречал экзотическую, с миндального цвета глазами красотку по имени Айрис. У нее были каштановые, до плеч волосы, а также самоуверенность и интеллект, соответствующие ее внешности. Она бывала в Европе и знала все о гастролях; она даже говорила по-немецки. Но у нее был парень-немец, так что я до поры держал руки при себе.

Мы с Челси разошлись, я переехал в Санта-Барбару и поступил в городской колледж на курсы по психологии. Смэлли и я нашли дом, который мы стали снимать с некоторыми из наших друзей и называть его «домом NOFX». Обычно панк-дом, в котором совместно проживают несколько чуваков, которым по двадцать лет, становится генератором историй о хаосе и эпических вечеринках... Но на самом деле это было довольно тихое учреждение. Я ежедневно курил слишком много марихуаны, так что мы с соседями по комнате в основном играли в шахматы по четыре часа. Один из нас делал ход, а затем мы оба сидели, обдумывая последующие пять ходов, а через пятнадцать минут кого-то озаряло...

— Чей ход-то?

— Я не знаю, чувак. Я думал, что этот — был твой.

— Ах да, извини.

И опять.

За исключением нескольких вечеринок и строительства трамплина для скейт-бординга на заднем дворе, единственным хаотическим моментом, осевшим в моей памяти, было Рождество, когда мы принесли елку и не могли понять, как потом от нее избавиться. Мы запихнули ее целиком в камин и подожгли ее. Не знаю, как мы не спалили дом. Все стояли на лужайке перед домом, подбадривая друг друга, наблюдая, как языки пламени вылетают из верхней части дымохода.

Айрис и я поддерживали связь, писали друг другу письма, и наконец мое терпение окупилось. Когда отношения с парнем-немцем закончились, она села на автобус Грейхаунд до Санта-Барбары, пока я пиликал шестнадцать часов (в одну сторону) до города Бойсе, чтобы забрать все ее вещи и перевезти их в дом NOFX.

Айрис отправилась с нами во второй общенациональной тур NOFX и почти не вернулась из него. Мы играли в Metroplex в городе Атланта, в штате Джорджия, сзади клуба находилось несколько пар рельсов, ведущих к близлежащему железнодорожному депо. Выросший в городе, я больше привык к движению машин, чем поездов, поэтому с увлечением наблюдал за грузовыми вагонами, приходящими и уходящими в течение всего дня. Я решил повнимательнее рассмотреть один из поездов, который медленно полз вдоль путей, Айрис пошла со мной. Она слышала о том, что можно положить монету на рельсы и поезд расплющит ее; так она и сделала, поместив ее под колеса медленнодвигающегося поезда.

Мы стояли на параллельных друг другу путях, выжидая, когда металлическая махина расплющит ее пенни, как вдруг мы аж подпрыгнули от оглушительного гудка поезда. Подняв глаза, мы увидели приближающийся на максимальной скорости поезд.

А потом было как в замедленном движении. Айрис попыталась бежать с путей, обратно в сторону клуба. Мой мозг решил, что у нее недостаточно времени, чтобы преодолеть необходимое расстояние, поэтому я схватил ее за руку и потащил к себе, вовлекая нас в очень узкий зазор между двумя движущимися поездами.

Мой мозг понимал, что поезда предназначены для того, чтобы идти параллельно, не навстречу друг другу, так что мы должны были оказаться в «безопасности» именно в этом

узком месте. В тот момент не было достаточного количества времени, чтобы объяснять всю логику Айрис или даже моему собственному мозгу, что мы все-таки находимся в огромной опасности быть обезглавленными или расчлененными, в случае если бы из какого-то из этих двух поездов свисали какие-либо оказавшиеся не на своем месте металлические предметы или же если бы мы слишком далеко высунулись.

Все вернулось обратно в нормальное состояние в тот момент, когда летевший на всех парах поезд промчался мимо нас с грохотом, ревущим гудком и бьющими порывами ветра. Зазор было настолько узким, что мы должны были стоять бок о бок, как будто балансировали на подоконнике высокого здания. Я оцепенел от страха, ориентируясь только на использование своих умственных способностей, чтобы каким-то образом физически сжать нас обоих до меньшего размера. Айрис, вероятно, хотелось кричать, но ни один из нас не мог даже дышать.

Я до сих пор не знаю, спас ли ей жизнь или, наоборот, подставил под большую угрозу, потянув ее назад. Когда поезд прошел, на параллельных путях мы увидели легковой грузовик-пикап с оранжевым маячком на крыше, на холостом ходу. Из грузовика вышел человек и подошел к нам.

– Это вы двое были на путях, когда проходил поезд?

– Да... а что?

– Я только что получил радиосообщение от машиниста. Он подумал, что сбил вас, ребята. Так что я был не уверен, что делать, когда приду – забирать тела или еще что.

– Нет, мы в порядке.

Можно подумать, что он должен был арестовать нас или, по крайней мере, предложить, чтобы мы сошли с путей, но он просто сказал: «Хорошо» – и укатил.

Недавно Айрис рассказала мне, что она до сих пор хранит это сплющенное пенни.

* * *

Насколько бы ни был красив город Санта-Барбара, годы, проведенные в нем, были самым темным временем моей жизни. Контрастом атмосферы маленького городка, где все знают друг друга, была похуистическая сущность серферов. Я был окружен богатыми детьми, которые, нарезавшись, разбивали новые автомобили, купленные их родителями. А после того как на одной из домашних вечеринок я случайно натолкнулся в ванной на вкалывающую себе дозу девушку, я стал остро осознавать, что героиновая тусовка таится прямо рядом со мной. И, конечно же, первым был Реймонд.

У него была пугающая репутация, а его семья каким-то боком вовлечена в мексиканскую мафию, но в общем он относился ко мне хорошо. Пока однажды не наступил вечер в игорном заведении «Игл Бильярдз».

Реймонд и я играли в американку, когда он вдруг решил, что мы играем на «документы на машину», т. е. победивший получал их от проигравшего. В то время у него был форсированный Buick 1960 года, а у меня – потрепанный Mustang, так что у него на кону стоял больший куш, нежели чем у меня, но я также знал, что я никогда не уеду оттуда в его машине. Никто не мог одержать верх над Реймондом. Я собирался либо проиграть игру и потерять свой автомобиль, либо выиграть игру и подраться с ним. Я пытался отговориться. Ни в какую. Все, что я мог поделаться, – это играть, приложив все усилия, в надежде на то, что торнадо унесет бильярдную до того, как закончится игра.

Я задерживал дыхание после каждого удара. Если бы мой автомобиль и моя жопа не стояли на кону, я бы заметил, как вокруг нас стала собираться толпа. Я был достаточно приличным игроком в «американку», но Реймонд тоже хорошо играл. У нас были равные шансы в игре, если бы не заранее придуманный не мной сценарий. На пустом столе оставалась оди-

нокая восьмерка. Реймонд сделал удар кием, но промахнулся под общее «Ооооо!» толпы. После его удара шар встал под трудный угол. Мое сердце стало биться сильнее, мои руки задрожали, когда я отвел кий для удара. Реймонд впился в меня взглядом с другой стороны стола, пытаясь рассредоточить меня.

Я загнал восьмерку в лузу.

Реймонд стал наступать на меня. Я выронил кий и дал задний ход вокруг стола, пытаясь вести себя спокойно.

– Чувак, давай забудем об этом. Мне не нужна твоя ебаная машина.

– Хорошо, потому что я тебе ее не отдам.

Неожиданно он прекратил свое преследование. Я подумал, что на этом мы и порешили. Однако с этого момента Реймонд и я не могли находиться в одной и той же комнате без его мстительных взглядов. Казалось, что это только вопрос времени, прежде чем я стану его следующей жертвой.

Однажды на вечеринке Реймонд стал доебываться до меня. Он сказал о том, что я в недостаточной степени «мужик», чтобы забрать у него машину, а затем он попытался шлепнуть меня. Я отвернул голову в сторону, и только кончики его пальцев задели мою щеку, но стало ясно, что Санта-Барбара больше недостаточно большая, чтобы вмещать нас обоих. После нашего следующего турне я вернулся в дом моих родителей в Лос-Анджелес.

Худший момент этой темной эпохи заключался в том, что я затащил в нее Айрис. После того как мы расстались, она сказала мне о том, что Реймонд приходил в дом NOFX, в то время когда меня не было. Я не знаю, знал ли он тогда, что меня не будет дома, но когда Айрис сказала ему, что меня нет, он ворвался внутрь и попытался изнасиловать ее.

К счастью, она была в состоянии противостоять ему и боролась изо всех сил, пока Реймонд не устал и не ушел. Принимая во внимание и то, что Реймонд был позже признан виновным в изнасиловании нескольких других девушек в городе, я предполагаю, что ей повезло.

Может быть, не стоит слишком винить себя за то, что Айрис попала в такую ситуацию только потому, что я привез ее в Санта-Барбару и привел в этот круг друзей, но я был сокрушен, услышав о том, что девчонке пришлось пережить. Я всегда буду задаваться вопросом, возможно ли было предотвратить нападение Реймонда, если бы я взял его проклятые «документы на машину» и испытал его сопутствующие побои.

29

Майк

Айрис не смогла отбиться от Реймонда. Она рассказала мне всю историю, и вы можете себе представить, какой страшной была эта реальность. Она не хотела рассказывать Мэлвину, что на самом деле произошло, потому что он решил бы отомстить Реймонду, а тот убил бы его. Наверное, она была права. Я обещал, что никогда не расскажу Мэлвину, и никогда этого не делал до этого момента.

Извини, Мэл. Извини, Айрис.

30 Смэлли

Когда я в первый раз попробовал кокаин, я пустил его по вене. Обычная прогрессия – сначала нюхать, потом курить, а затем колоться, но, как и все остальное в моей жизни, я сделал это в обратном направлении.

После того как я снова присоединился к NOFX, а Мэлвин и его новая подруга Айрис переехали в Санта-Барбару, мы арендовали старый дом «California Craftsman» с несколькими другими друзьями. Это была классическая панк-хата, с бочонками пива, чудаковатыми людьми и большим количеством наркотиков, которые постоянно заносились и выносились из дома.

Как-то вечером пришел Реймонд с полным шприцем кокаина, который он приготовил для себя, я настоял на том, чтобы его попробовать. Он уколол меня, и я получил сильнейший приход, ударивший по всем моим чувствам. На вкус он был как эфир, пах клеем для моделирования, в моих ушах сразу же засвистел чайник, а мой мозг сжался внутри черепа. Когда стал действовать адреналин, я почувствовал себя как корабль «Тысячелетний сокол» из «Звездных войн», переходящий на скорость света.

А потом это закончилось. Ну, я имею в виду, что мне было по-прежнему хорошо, но крутой спуск американских горок длится всего несколько секунд, а затем вы хотите этого ощущения снова. И потом обязательно. И снова, и снова, и снова...

Я, вероятно, сделал шесть или семь уколов в ту ночь. Вероятно, в течение часа. И это еще ничего: в течение следующего года или около того были ночи, когда я делал по двести уколов подряд. В те ночи, когда уже не оставалось вен, а кровь текла из моих рук. В те ночи, когда я ползал по полу своей комнаты, плача и прочесывая ковровый ворс в надежде найти крупинку белой пыли, чтобы сделать инъекцию. В те ночи, когда я паниковал и продолжал тыкать иглу, прорываясь к венам, уверенный в том, что все-таки должен быть способ вколоть еще одну дозу.

А кокаин даже не стал моей самой большой проблемой.

Примерно через неделю или две после моего первого укола коксом Реймонд заглянул в дом NOFX с героином. Ему было нужно место, где бы он мог ширнуться, и я сказал, что он может прийти для этого к нам, но только в том случае, если он ширнет и меня. Он развернул этот маленький черный шарик ушной серы, а затем ушел в ванную. Не уколется, а поблевать.

Героин имеет очень специфический запах. Если ты наркоман и на ломках (или если ты не юзал героин длительное время), запах может быть физическим триггером, и начинает одолевает тошнота. До сих пор, если я иду по улице и вдруг из какого-нибудь магазина доносится запах, напоминающий мне героин, мои кишки начинают крутить. На самом деле даже представлять себе этот маленький черный шарик и думать об этом запахе достаточно для того, чтобы прямо сейчас почувствовать себя больным.

Извините-ка меня, я сейчас отойду и вернусь.

* * *

Реймонд закончил блевать и сварил дозняк. Сразу после инъекции, придя в норму, он спросил, действительно ли я этого хочу, и я ответил «да». В конце концов, когда он это делал – это выглядело так весело...

Честно говоря, я не понимал, в чем прикол. Это было противоположностью уколу кокаином: меньше скорости и больше похоже на скольжение в горячую гидромассажную ванну. Героин подкосил мои колени, затем он проделал путь через желудок и подошел к голове, которая, вдруг я почувствовал, стала весить 100 фунтов. В одно время все мышцы моего тела расслабились, и я начал дрейфовать вон из сознания и обратно. Это был приятный мягкий кайф, но я не понимал, как кто-то мог жаждать этого ощущения постоянно. Через час я был уже на площадке заезда в гараж, и меня рвало.

Я не полюбил и не возненавидел его. Не знаю даже, почему захотел его во второй раз. Я мог бы легко забросить и никогда больше не думать об этом. Но мой друг всегда кололся им, соблазн был всегда рядом, и это был хороший спокойный кайф, поэтому я дал ему еще несколько шансов. В течение пяти месяцев я был полностью в его власти, и моя жизнь больше никогда не была прежней.

Даже если рвота не стала достаточным предупреждением, я должен был, по крайней мере, внять словам Реймонда, когда он впервые уколол меня. Я никогда не забуду их. Мы были в ванной комнате: я перевязал себе руку, делая вид, что знаю, что делаю, он готовил для меня шприц. Затем он нашел вену и скользнул иглой под мою кожу. И прежде чем резко надавить на поршень, он посмотрел мне прямо в глаза и предсказал мое будущее:

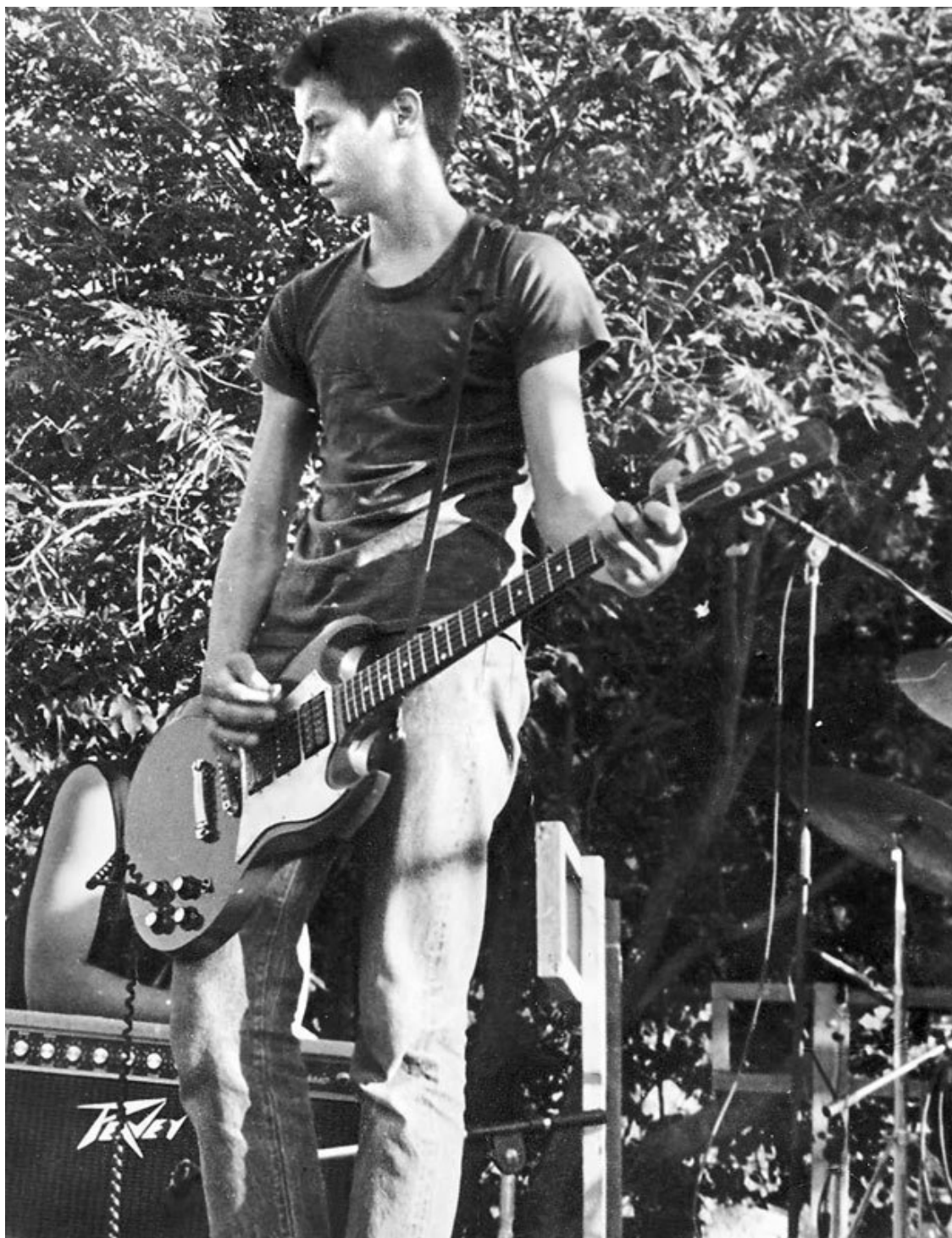
«Добро пожаловать в Ад».

31 Дейв

Я всегда был застенчивым ребенком, всегда легко смущался и чувствовал себя не в своей тарелке даже в собственном доме. Мои братья были старше меня более чем на полтора десятка лет, и они настолько сильно преуспели в бейсболе, что стали почти профессионалами, в то время как я не мог добраться до первой базы бейсбольного поля без спутниковой навигационной системы. Когда мне было семь лет и родители развелись, оба моих брата стали жить с отцом, в то время как я оказался у мамы. Поэтому я был более или менее единственным ребенком в семье.

Мой друг Томми Ниемайер¹⁵ был для меня как суррогатный брат. Мы вместе выросли в Окснарде, в Калифорнии, мы вместе открыли для себя панк-рок, когда нашли концертный флаерс группы Stiff Little Fingers /Маленькие Окоченелые Пальчики/. Это было не только мое первое панк-шоу; но это было впервые, когда я увидел живое выступление группы. Сначала мы стояли сзади, но по мере того, как люди начали танцевать пого и слэмить, мы не смогли устоять и запрыгнули прямо в середину этого действия. С тех пор мы оба глубоко зарывались в секции стоек с панк-винилом в местном музыкальном магазине, пытаясь угнаться за общим ажиотажем.

¹⁵ Который позже с его группой the Accüsed /Обвиняемые/ стал основателем «splattercore» – нового поджанра хеви-метала.

*На сцене во время первого шоу с Dr. Know /Доктор Всезнайка/.
фото © Кэрл Хернандэз*

Вскоре после этого семья Томми переехала из Окснарда. Я был подавлен и был снова изолирован. Быть панком в начале 80-х годов – было достаточно чужеродным явлением даже в таких больших городах, как Лос-Анджелес, не говоря уж о таком городе, как Окснард, известный более за счет Фестиваля клубники, нежели чем своей музыкальной сценой. Панки здесь были общественной проказой.

Но я был не единственным ребенком на районе, которому надоело слушать альбомы Led Zeppelin. Я был завсегдатаем скейт-парка Эндлесс Вейф, где познакомился с Марком

и Бобом – будущими участниками группы Agression /Агрессия/ – и с Джейми и Гилбертом Хернандес, которые издавали тогда ставший классическим комикс Love and Rockets. У Джейми и Гилберта был брат, Ишмаэль, который собирал группу под названием Dr. Know с корешем, которого звали Кайл Тачер.

Я не знаю, можно ли называть семь парней тусовкой «музсцены», но это было нечто! Это означало, что у Ишмаэля и Кайла не было особых вариантов, когда дело дошло до поисков второго гитариста для Dr. Know, поэтому пригласили меня. Я взял два урока игры на гитаре, а затем бросил, обучаясь на слух, слушая записи Circle Jerks и Black Flag.

Единственное шоу, которое я сыграл с Dr. Know, было на открытом воздухе в парке Оук Гроув в Камарилло. К этому моменту панки из близлежащих городов, таких как Вентура и Порт Хьюнеме, объединили свои силы с панками из Окснарда. Ишмаэль назвал нашу растущую сцену «Nardcore». На концерт в парке собралось около пятидесяти человек, что было довольно неплохой явкой.

Я, однако, пиздец как дрожал. Это неважно, что публика состояла исключительно из наших друзей; боязнь сцены была непреодолимой. Я уже использовал раньше алкоголь для устранения моей застенчивости и социофобии и поэтому приналег на выпивку, чтобы успокоить свои нервишки перед концертом. К сожалению, это сработало. Выступление прошло гладко, насколько я смог его запомнить, но это также породило и разрушительную привычку. Мне нравилось играть на гитаре, мне нравилась идея быть в группе, но после целой жизни, когда меня просто игнорировали, я обнаружил, что алкоголь был единственным способом, при помощи которого я мог справляться со всеми этими глазами, вдруг смотрящими на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.